
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ

ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

И. Р. Дьячков, гр. 121

Научный руководитель — Е. М. Черных

К ИЗУЧЕНИЮ РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ МЕЧЕЙ: «СИСТЕМА ПОДВЕСКИ»

Культура ранних кочевников (VIII в. до н. э. – III–IV вв. н.э.) не была однородной на огромной территории степного пояса Евразии. Каждый регион имел свои локальные отличия, выявление которых помогает пониманию этнокультурной ситуации не только в степях Восточной Европы, но и в прилегающей лесостепи и даже в подтаежной зоне.

Воинственность кочевников заложена в самой их сути – воевать, чтобы выжить. Оружие, в частности мечи, было основным средством для ведения войны. Мечи из древних погребений являются одним из основных артефактов, которые позволяют исследователям решать задачи специфического и военного характера. Также изучая древние мечи, можно обращаться к разным аспектам исторической реконструкции, прикладным и сугубо научно-теоретическим, как, например, определение уровня развития экономики и ремесла, торговых и военных связей.

Для оружейников до сих пор не совсем ясно как именно должен был крепиться меч. Существуют разные системы подвески, однако, археологический материал в силу сохранности не всегда позволяет принять уверенно ту или иную версию. Такая же ситуация наблюдается нами в воинских погребениях Дубровского могильника мазунинской культуры IV–V вв. н.э., из которых происходят 5 мечей так называемого позднесарматского типа (по формальным признакам это длинные мечи без перекрестия). Лишь в одном случае рядом с клинком в погребении были обнаружены детали портупейного ремня. Нами был проведен анализ работ исследователей, занимавшихся изучением систем подвески.

Известные отечественные сарматоведы А. М. Хазанов и С. И. Безуглов считают, что длинные мечи почти всегда носились с левой стороны на портупейных ремнях, прикрепленных к поясу. Ножны меча крепились к портупее при помощи специальных скоб из нефрита, жадеита, халцедона или золота. Исследователи утверждают, что если опираться на сохранившиеся изобразительные источники, меч у всадников чаще всего находился в полугоризонтальном положении, причем он удерживался не только портупейным ремнем, но и располагавшейся под мечом левой ногой всадника. Не совсем ясно, как портупейный ремень прикреплялся к поясу – с помощью пряжек или крючков (в таком случае ремень свободно снимался и одевался), либо один конец портупейного ремня крепился к основному поясу наглухо, а другой соединялся с ним при помощи пряжки. Сасанидские изображения не могут дать исчерпывающего ответа на этот вопрос, потому что всадник на них всегда изображался справа, то есть со стороны колчана, а не меча. Тем не менее, все способы подвески меча объединяло одно — портупейный ремень прикреплялся к поясу у левого бока [1, с. 169–193; 4, с. 25–26].

В статье, посвященной изучению меча позднесарматского типа из аланской катакомбы кургана № 2 могильника Брут, археолог Т. А. Габуев дает описание клинка длиной 115 см. Меч имел способ подвески, который принято называть «вертикальной» или «всаднической». При таком способе подвески меч мог свободно скользить по портупейному ремню, занимая наиболее удобное положение. Мечи с вертикальной подвеской известны на территории от Дальнего Востока до Западной Европы, что документировано как археологическими находками, так и изобразительными памятниками [2, с. 42–48].

Еще один специалист в области изучения сарматского вооружения А. В. Симоненко также поддерживает версию А. М. Хазанова о ношении длинных мечей на портупейном ремне,

продетом в скобу, крепившуюся на ножнах. При этом автор отмечает, что скоба могла крепиться следующим образом: петля помещалась в углубление на ножнах или вдавливалась в сырой лак, покрывавший их, затем загнутые концы скобы обматывались нитью и плотно прикреплялись к ножнам. Сквозь щель в петле пропускался портупейный ремень, на котором ножны свободно скользили. По мнению исследователя, скобы на ножнах могли быть не только нефритовыми, но также деревянными либо костяными [3, с. 63–67, рис. 43-1].

Американский ученый Уильям Трасдэйл (William Trousdale), проделавший огромную работу по систематизации мечей ранних кочевников не только в Азии, но и Восточной Европе, пишет, что история длинных мечей и их ножен начинается и заканчивается в одном и том же регионе Азии – в степях Южного Урала. Система подвески меча просуществовала тысячу лет у многих оседлых и кочевых культур между Китаем и Средиземноморьем и даже за его пределами, как, например, далекий запад – Франция и Англия [6, с. 237–242]. В работе им использовано много изобразительных и скульптурных источников. Практически все они сводятся к тому, что меч крепился через специальную скобу.

В работе венгерского ученого Гергея Чики (Gergely Csiky), посвященной культуре более поздних кочевников – аваров, высказывается вполне здравая мысль, что в раннем средневековье мечи известны на огромной территории, и что большинство из них нельзя связывать непосредственно с аварами. Но при реконструкции аварских мечей в качестве аналогии могут быть использованы изобразительные источники как центральноазиатские, так и Передней Азии, так как ножны и подвески петель аварского периода имеют с ними близкое сходство. Ученый проследил достаточно интересную линию эволюции холодного оружия аваров. В частности, он пишет об одноточечной и двухточечной системах подвески меча. Вертикальная система с одной точкой подвеса означает, что меч мог непрерывно изменять положение и легко может помешать владельцу в его движениях. Эта система подвески также затрудняет процесс вынимания меча из ножен и возвращения его обратно, благодаря чему теряется столь драгоценное в бою время. Более значительным преимуществом двухточечной системы подвески является то, что угол наклона меча постоянен и это дает мало свободы передвижению оружия, и не будет препятствовать носящему его в любом состоянии пешему воину или всаднику. Меч может быть извлечен намного проще и быстрее, что было значительным преимуществом для воина [5, с. 265–288].

Таким образом, проблема реконструкции способов крепления меча в снаряжении кочевников давно интересует исследователей и остается актуальной до сих пор. Основной вопрос заключается в том, крепились ли ножны с мечом к дополнительному портупейному ремню или непосредственно к основному поясу? С помощью каких приспособлений осуществлялось крепление? Чтобы ответить на все эти вопросы важно убедиться в некоторых моментах: 1) не мешается ли меч при движении; 2) удобно ли для воина висит меч в таком положении; 3) функциональна ли такая система подвески. Если все ответы будут удовлетворительны, можно смело утверждать, что данный вариант является наиболее подходящим.

Список литературы

1. Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
2. Габуев Т. А. Меч из аланского княжеского погребения V в. н. э. в Северной Осетии // Вестник НГУ. 2011.
3. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 328 с. (Серия «Historia Militaris»).
4. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. Избранные научные труды. Изд. 2-е. Под ред. В. П. Никонорова, А. В. Симоненко. СПб, 2008.
5. Gergely Csiky Avar-age polearms and edged weapons / Csiky Gergely. Classification, typology, chronology and technology // East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. 2015. Volume 32.
6. William Trousdale. The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. Washington: Smithsonian institution press, 1975.

Л. А. Ипатова, гр. ОАБ-46.03.01-31
Научный руководитель — Е. М. Черных

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ ИНВЕНТАРЬ И ПОДАРОЧНЫЕ НАБОРЫ ПОГРЕБЕНИЙ МАЗУНИНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Нет никаких сомнений в том, что прикамское население начала новой эры верило в загробную жизнь и всячески готовило своих умерших к потусторонней жизни [4, с.7]. Поэтому погребальный обряд как совокупность различных элементов характеризуется определенным единством для отдельно взятой археологической культуры [2, с. 352]. Для мазунинских могильников, занимавших в III–V вв. среднее течение р. Камы, таким традиционным элементом было сопровождение умерших подарочными наборами (или, как это больше известно в историографической традиции, жертвенными комплексами).

Чтобы понять их назначение, какую смысловую нагрузку они несут в себе, обратимся к сравнению комплектов подарочных наборов и сопровождающего инвентаря в погребениях: почему исследователи выделяют этот элемент в погребальном обряде мазунинской культуры, отличны ли наборы от комплексов сопровождающего инвентаря погребений? В ходе работы автором были исследованы погребальные комплексы семи могильников мазунинского типа в Среднем Прикамье (Боярский, Дубровский, Заборьинский, Покровский, Тарасовский, Тураевский I и Усть-Сарапульский).

Следует отметить, что подарочный набор — это скопление не менее двух категорий вещей, уложенных в берестяной туес или завернутых в ткань, и оставленный в определенном месте при умершем [5, с. 25], все остальные вещи в погребении рассматриваются как сопровождающий инвентарь.

Сравнительное изучение состава подарочных наборов и сопровождающего инвентаря в закрытых комплексах позволило прийти к следующим выводам:

1. Выборка составила 1979 погребений. В 489 из них найдены подарочные наборы, что составило 24,7% выборки.

2. Для 273 погребенных (более половины) оказалось возможным определение пола: 250 принадлежали женщинам (92% от всех погребений с подарочными наборами), лишь 23 — мужские погребения (8%). Расклад по отдельным могильникам представлен в таблице 1.

Таблица 1

Могильники	Всего погребений	Погребения с подарочными наборами (кол./%)	Женские захоронения с п.н. (кол./%)	Мужские захоронения с п.н. (кол./%)
Боярский	183	27/15%	20/95%	1/5%
Дубровский	158	38/24%	18/95%	1/5%
Тарасовский	870	234/27%	105/89%	13/11%
Тураевский I	274	57/21%	44/98%	1/2%
Усть-Сарапульский	100	19/19%	-	-
Заборьинский	30	9/30%	4/57%	3/43%
Покровский	364	105/29%	59/94%	4/6%

3. В погребениях с подарочными наборами сопровождающий инвентарь выявлен в 393 погребениях (это 80 %). В каждом из некрополей этот показатель в общей тенденции близок как к среднему по памятникам, так и между собой: Боярский (79 % от изученных погребений с дарами), Дубровский — 82 %, Заборьинский — 67 %, Усть-Сарапульский — 68 %, Покровский — 77 %, Тарасовский — 82 %, Тураевский I — 91 %.

4. Инвентарь погребений с наборами, как и сами наборы, включает: орудия труда (ножи, шилья, глиняное пряслице, удила), личные украшения (браслеты, височные подвески, фибулы, гривны, сьюльгамы, головные украшения, остатки пояса, накладки, перстень, пронизки

и т. д.), предметы быта (сосуды, тесьма и т. п.). Единично встречаются наконечники стрел и даже копья. Однако обратим внимание на то, что в подарочных наборах самой популярной вещью являются височные подвески, а в сопровождающем инвентаре таких погребений — пояса (Боярский могильник — 22 %, Дубровский — 42 %, Заборьинский — 67 %, Усть-Сарапульский — 21 %, Тарасовский — 25 %, Покровский — 36 %, Тураевский I — 30 %). Лишь в Тураевском I могильнике, единственном из выбранных для анализа, височные подвески являлись самой массовой категорией, в том числе и сопровождающего инвентаря (63 %).

5. Вторым по популярности предметом сопровождающего инвентаря являются пряжки, а в подарочных наборах — бусы. В Дубровском могильнике на погребения с пряжками приходится 40 %, в Боярском — 37 %, в Покровском — 34 %, в Усть-Сарапульском — 47 %. В Тарасовском и Тураевском I некрополях вторая по популярности категория — фибулы, 24 % и 51 % соответственно.

6. Браслеты, также наиболее часто встречающиеся в составе подарочных наборов, в сопровождающем инвентаре погребений представлены либо единично (Тураевский I, Покровский, Заборьинский, Тарасовский), либо отсутствуют вообще (Усть-Сарапульский, Дубровский, Боярский). Отметим также гривны, которые получили большое распространение в составе подарочных наборов, но в инвентаре погребений встречаются редко (в Покровском могильнике — 9% от всех погребений с подарочными наборами, Дубровском — 13%), или вовсе единичны (Усть-Сарапульский, Боярский, Тарасовский) или отсутствуют вообще (Заборьинский могильник). Исключение вновь составляет Тураевский I некрополь, где гривны в сопроводительном инвентаре встречаются чаще (18%), нежели в других.

В ходе исследования выявлены категории вещей погребального инвентаря, не встречающиеся в составе подарочных наборов: это элементы обувных наборов (пряжка, наконечник, застежки с неподвижным крючком, обувные накладки).

Определенный интерес представляют факты исключительности, выявленные при корреляции погребений с подарочными наборами:

- только в Тарасовском могильнике в составе подарочных наборов обнаружены перстни, таких случаев выявлено 7. Однако в сопровождающем инвентаре они зафиксированы лишь в одном погребении (погр. 103);
- наконечники стрел встречаются в составе подарочных наборов крайне редко, а в 2-х могильниках (Боярский и Усть-Сарапульский) и вовсе отсутствуют, хотя в сопровождающем инвентаре они представлены;
- в составе подарочных наборов Покровского могильника височные подвески являются самой популярной категорией вещей, однако, в сопровождающем инвентаре данного некрополя они отмечены лишь один раз.

Итак, данное исследование позволяет сделать вывод, что, безусловно, имеются общие черты в составе подарочных наборов и сопроводительного инвентаря, но также выявляются и их различия, связанные как с составом (по популярности тех или иных вещей), так и с местоположением подарочных наборов. В ходе исследования выявлена важная закономерность — никогда вещи в составе подарочного набора не дублируются с набором остального погребального инвентаря.

Кроме того, корреляция двух признаков — пола и сопроводительного инвентаря — позволила выделить мужской, женский инвентарь, а также те вещи, которые не имели строгой половой нагрузки. Исключительно женский инвентарь — головной убор. Наиболее часто в женских захоронениях присутствуют фибулы, остатки пояса, височные подвески, бусы, следовательно, можно эти вещи рассматривать как индикаторы пола. Исключительно мужской инвентарь определить не удалось, возможно, по причине малой выборки мужских погребений с наборами. Полагаем, что подарочные наборы можно рассматривать как атрибутику женских погребений.

Сравнительное изучение подарочных наборов и сопроводительного инвентаря погребений еще раз подтверждает, что независимо от того, когда появлялся этот набор украшений и бытовых вещей в какой-то емкости (при жизни или при погребении) — это были подарки реальному человеку [4, с. 19].

Список литературы

1. Арматынская О. В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 26-47.
2. Бернц В. А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: материалы Международного симпозиума. Ижевск, 2006. С. 351-389.
3. Бернц В. А., Голдина Р. Д. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.17. Ижевск, 2010. 499 с.
4. Голдина Р. Д., Сабиров Т. Р., Сабирова Т. М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Среднем Каме. Т. III. / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.29. Казань, Ижевск, 2015. 300 с.
5. Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯ УрО РАН, 1997. 327 с.
6. Останина Т. И. Покровский могильник IV–V вв.: Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. 95 с.
7. Бернц В. А. Отчеты об археологических исследованиях в Киясовском районе Удмуртской Республики за 2009 и 2010 гг. Ижевск // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 517, 539.
8. Черных Е. М. Отчеты об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики за 2002–2005, 2007–2009 гг. Ижевск // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 421, 422, 438, 449, 484, 495, 518.
9. Черных Е. М. Отчеты об археологических раскопках Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской Республики в 2012–2014 гг. Ижевск // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 569, 578, 590.

Е. С. Мананкова, гр. ОМ-46.04.01.02-22

Научный руководитель — Е. М. Черных

**НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ КАРАКУЛИНСКОГО РАЙОНА УР)**

Применение ГИС в археологической науке насчитывает уже более двадцати лет, с момента презентации в 1985 г. в Денвере на Симпозиуме международного общества доисторических и протоисторических наук работ С. Джилла, Д. Хоуэrsa и К. Квамм. С тех пор применение ГИС в археологических исследованиях неуклонно расширялось, занимая все более заметное место в науке.

В мировой археологии уже в начале 1990-х гг. исследования, тесно связанные с геоинформационными технологиями, были представлены большим количеством теоретических и практических работ, охватывавших широкую и разнообразную сферу методических подходов к использованию информационно-аналитического потенциала геоинформатики. В это время наметился настоящий массовый интерес археологов к ГИС.

Работы в данном направлении в Удмуртии начались лишь в начале нового тысячелетия, когда сотрудники Управления по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры Удмуртской Республики приступили к созданию геоинформационной системы «Историко-культурное наследие Удмуртской Республики». Курировали эту сферу Л. Ф. Князева, С. В. Беглецова, М. В. Телегина.

Выбор Каракулинского Прикамья для работы ученых Удмуртии по картографированию объектов археологического наследия обусловлен, прежде всего, насыщенностью района архео-

логическими памятниками. Но этот район еще и наиболее уязвим перед «лицом» катастрофической ситуации, складывающейся в сфере охраны, сохранения и использования историко-культурного наследия.

В ГИС пользователь рассматривает реальный мир через призму тематической базы данных. На сегодняшний день реляционные БД являются наиболее популярной структурой для хранения данных, так как сочетают в себе наглядность предоставления данных и относительную простоту манипулирования ими. Они свободны от всех ограничений, связанных с организацией хранения данных и спецификой запоминающих устройств. Эти модели имеют табличную структуру. Каждая строка таблицы содержит данные об одном объекте, а столбцы таблицы содержат различные характеристики этих объектов-атрибуты.

Основная причина сложности проектирования базы данных заключается в том, что объекты реального мира и взаимосвязи между ними вовсе не обязаны иметь и, как правило, не имеют структуры, согласованной с реляционной моделью данных. Разработчик при проектировании должен придумать представление для реальных объектов и их связей в терминах таблиц, полей, атрибутов, записей и т. п., то есть в терминах абстракций реляционной модели данных.

Реляционные базы данных состоят из таблиц. Каждая таблица состоит из столбцов (их называют полями или атрибутами) и строк (их называют записями или кортежами). Таблицы в реляционных базах данных обладают рядом свойств. Основными являются следующие:

- в таблице не может быть двух одинаковых строк;
- столбцы располагаются в определенном порядке, который создается при построении таблицы. В таблице может не быть ни одной строки, но обязательно должен быть хотя бы один столбец;
- у каждого столбца есть уникальное имя (в пределах таблицы), и все значения в одном столбце имеют один тип (число, текст, дата);
- на пересечении каждого столбца и строки может находиться только атомарное значение (одно значение, не состоящее из группы значений). Таблицы, удовлетворяющие этому условию, называют нормализованными.

Для построения тематической БД по результатам археологических исследований на территории Удмуртского Прикамья необходима компоновка и систематизация имеющихся данных о памятниках археологии. В настоящее время на территории Каракулинского района выявлено 175 археологических памятника. В опубликованной Археологической карте Каракулинского района УР Р. Д. Голдиной и Е. М. Черных выделяется четыре категории памятников: древние поселения (стоянки, селища), городища, могильники, места отдельных находок. Необходимо отметить, что все эти памятники имеют как схожие характеристики, так и присущие лишь данной категории памятников. Среди общих характеристик при проектировании БД были выделены:

- порядковый номер объекта;
- название объекта;
- вид памятника;
- хронологическая атрибуция;
- археологическая культура;
- населенный пункт;
- адрес;
- ландшафтные особенности размещения;
- координата X;
- координата Y.

Среди индивидуальных характеристик памятников были выделены:

для городищ:

- количество валов;
- количество рвов;
- размер площадки.

для могильников:

- тип могильника;
- способ обращения с трупом;

для отдельных находок:

- количественный показатель;
- тип находки.

Сложность при формировании БД заключается в том, что археологические памятники являются многослойными объектами и существуют в разные эпохи. Один памятник может нести в себе элементы разных археологических культур и соответственно существовать в различные временные эпохи. Учитывая требования к таблицам реляционных БД, одному объекту должно соответствовать лишь одно значение. Следовательно, необходимо ввести в БД связующие таблицы.

Реляционная модель характеризуется использованием ключей и отношений. Существует отличие в контексте реляционной базы данных терминов *relation* (отношение) и *relationship* (схема данных). Отношение рассматривается как неупорядоченная, двумерная таблица с несвязанными строками. Схема данных формируется между отношениями (таблицами) через общие атрибуты, которые являются ключами.

Имеется несколько типов ключей и они иногда отличаются только с точки зрения их взаимосвязи с другими атрибутами и отношениями. Первичный ключ уникально идентифицирует строку в отношении (таблице), и каждое отношение может иметь только один первичный ключ, даже если больше чем один атрибут является уникальным. В качестве первичных ключей были выбраны кодовые значения соответствующих таблиц (КодК, КодП, КодХА, КодС, КодГ, КодО, КодМ, КодЭК). В некоторых случаях требуется более одного атрибута для идентификации строк в отношении. Совокупность этих атрибутов называется составным ключом. Составной ключ используется при связи таблицы Памятники с таблицами соответствующих видов памятников. В других случаях первичный ключ должен быть специально создан (сгенерирован). Другой тип ключа, называемый внешним ключом, существует только в терминах схемы данных между двумя отношениями. Внешний ключ в отношении – это атрибут, который является первичным ключом (или частью первичного ключа) в другом отношении. Это распределенный атрибут, который формирует схему данных между двумя отношениями в БД. Внешним ключом является Код Памятника, связывающий объект памятник с археологическими культурами и хронологическими атрибуциями.

Связь — это ассоциация, устанавливаемая между сущностями. Выделяют два типа связей. Первый тип — связь «один к одному». В каждый момент времени каждому памятнику соответствует только один памятник с таким же названием в видовых таблицах (Селища, Городища, Могильники, Отдельные находки).

Второй тип — связь «один ко многим». Памятник мог использоваться носителями одной или нескольких археологических культур, он также мог существовать на протяжении нескольких эпох.

Таким образом, таблица Памятники связана с таблицами Могильники, Городища, Селища, Отдельные находки связью «один к одному» по идентификационному номеру памятника (КодП), который является уникальным значением для каждого из объектов БД. Также связью «один к одному» связаны таблицы Памятники и Археологические культуры по характеристике КодАК, которая является значением, совпадающим с идентификационным номером памятника.

Связь «один ко многим» представлена при связывании таблицы Эпохи и культуры с таблицами Хронологическая атрибуция и Археологическая культура. Для построения этого типа связи было введено значение Код, которое отображает время существования археологической культуры в определенную эпоху. Также связь «один ко многим» применяется при связывании таблиц Памятники и хронологическая атрибуция по значению КодП, так как один памятник может атрибутироваться разными археологическими эпохами.

Таким образом, в единой БД появляются отдельные таблицы, характеризующие каждую категорию памятников. Каждая горизонтальная строка представляет отдельную физическую сущность – один археологический памятник. Она же будет представлена на карте одним графическим объектом. Все строки таблицы составляют N памятников Каракулинского района УР. Все данные, содержащиеся в конкретной строке таблицы, относятся к археологическому памятнику, который описывается этой строкой.

Все значения, содержащиеся в одном и том же столбце, являются данными одного типа. Например, «название объекта» — это столбец с текстовыми значениями, а «координаты» столбец числовых значений.

После заполнения всей БД она загружается в ГИС MapInfo для дальнейшего картопостроения.

Н. Ю. Логачева, гр. ОАБ-46.03.01-11
Научный руководитель — В. В. Пузанов

АЛЕКСАНДР I ГЛАЗАМИ НАПОЛЕОНА: НАДЕЖДЫ ТИЛЬЗИТА И РАЗОЧАРОВАНИЕ ЭРФУРТА

Сложившиеся в обществе стереотипы восприятия того или иного этноса, отдельной личности, несомненно, влияют на отношения между людьми и народами. Но есть еще индивидуальный опыт, который может войти в противоречие со сложившимися стереотипами как общественными, так и личными. Данное обстоятельство особенно важно для отношений между политиками, определяющими ход жизни целых народов, а порой и всего человечества. Проиллюстрировать данную ситуацию можно на примере двух наиболее ярких политических деятелей начала XIX в. — Наполеона и Александра I. История их отношений важна не только для понимания конкретной исторической ситуации, но и актуальна в контексте проблемы взаимовосприятия России и Европы.

Цель настоящей работы — выяснить, как эволюционировало отношение Наполеона к Александру I по итогам их личного общения от Тильзита до Эрфурта.

Представление Наполеона об Александре I сложилось задолго до их первой встречи, произошедшей в Тильзите 25 июня 1807 г. Оценка личности русского царя во многом определялась как агрессивной антинаполеоновской кампанией, проводившейся в России в те годы, так и стереотипными представлениями, что Россия — это страна варваров. Наполеон был заранее невысокого мнения о полководческом даре русского царя, так как считал, что он, Александр, вносил разлад в русскую армию. Особенно он выделял момент бегства царя с поля битвы при Аустерлице. Французский монарх неоднократно подчеркивал, что Александр не создан для военного ремесла и лучшее, что он может сделать — это оставить русскую армию и выкинуть свою «бесполезную шпагу».

Невысокого мнения он был и о моральных устоях Александра. В Европе история убийства Павла I не была секретом, как и причастность к ней Беннигсена. В этой связи Наполеон изумлялся, как Александр способен был приблизить отцеубийцу к своему двору и позволить ему командовать русской армией в 1805 г.

Не остался без внимания Наполеона казус с клятвой союзников третьей коалиции осенью 1805 г. Правители России и Пруссии клялись в вечной дружбе и верности у могилы Фридриха Великого, который в своё время, как едко отмечал Бонапарт, «отчаянно воевал с русскими». Особую пикантность ситуации в глазах Наполеона придавало активное участие в этом действии прусской королевы, которая подозревалась в близкой связи с императором России. Это обстоятельство давало еще один повод для сарказма со стороны французского императора.

Недооценка Наполеоном Александра накануне их первой встречи подтверждается и мемуарами Талейрана. По словам последнего, Наполеон в Тильзите надеялся сначала запугать русского царя, так как был невысокого мнения о его талантах, уме и характере, а затем уже хотел воздействовать на его тщеславие и честолюбие.

Очная встреча серьезно скорректировала взгляд Наполеона на Александра. Конечно, отчуждение и предвзятость исчезли не сразу. Бонапарт не преминул указать на ту двойственность, которую накладывала на переговоры агрессивная антинаполеоновская кампания, проводившаяся в России в те годы: «Вчерашний антихрист, корсиканское чудовище, безродный лейтенант, кровавое дитя революции (как только меня не честили в России все эти годы!) — и православный царь, потомок двухсотлетней династии» должны были обняться на глазах всего народа. Согласимся, что перед Александром стояла нелегкая задача: вчерашний враг народа стал его союзником, братом и другом.

В воспоминаниях Наполеона времен Тильзита сохранился словесный портрет русского монарха; император отмечал женственность, юность, безвольность и доброту русского царя. Он подчеркивал в письмах к своим приближенным красоту Александра, говоря знаменитую фразу: «Если бы он был женщиной, я сделал бы его своей любовницей».

В продолжение двух недель Тильзита монархи встречались каждый день, беседовали о самых различных предметах: обычно рассуждали о политике и философии. Наполеон отмечал, что Александр – «человек весьма образованный и придерживается либеральных взглядов. Иногда я затруднялся определить, что проявляется в чувствах, им выражаемых, – подлинное ли его мнение или же воздействие тщеславия, которое побуждает людей высказывать взгляды, резко противоречащие их положению».

Император Франции возлагал надежду на Александра I в альянсе держав, направленных на континентальную блокаду Англии, так как хотел сыграть на личных чувствах царя, склонного к честолюбию, окружающего себя ореолом успеха. Наполеон считал царя истинным визионером, увлекающимся идеями будущего, идеями достижения мировой славы – это позволяло Бонапарту «играть» на русском государе с помощью своего «гения и непререкаемого авторитета» посредством громких слов о том, что союз России и Франции принесет не только Европе, но и всему человечеству неоценимую помощь.

Наполеон в политике с Александром выбрал путь философского характера, то есть он более старался говорить о будущем, чем о настоящем, делать уступки человеку, но не государю. Изменившееся отношение к Александру в ходе встречи в Тильзите явно выражено в письме Наполеона к императрице Жозефине: «Я только что имел свидание с императором Александром, я был крайне им доволен! Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый император; он гораздо умнее, чем думают». В этих коротких строках можно заметить, что Наполеон возлагает некую надежду на Александра и союз с ним. Прежде всего, он видел в нем впечатлительного, нежного и чуткого к вниманию, требующего многого от дружбы человека. Отмечая склонность русского царя к мистицизму, Наполеон полагал, что Александр способен больше мечтать, чем действовать.

По воспоминаниям Талейрана, Бонапарт считал, что «молодой император будет его добычей, что он вполне поддастся влиянию его властного гения». Однако благодаря произведенному впечатлению на Наполеона, Александр, под видом дружбы и услужливости, соглашался со всеми выдвинутыми предложениями французского монарха и легко подписал мирный договор, отстояв перед императором лишь вопрос Пруссии. Несмотря на то, что Александр с первого дня встречи очаровал французского императора, Наполеон продолжал относиться к нему двояко, так как противопоставлял в нем политика и личность.

Таким образом, несмотря на ряд нерешенных вопросов, оба монарха расставались с дружескими намерениями, впечатленными от встречи. Они далее вели частную переписку, обмениваясь не столько политическими взглядами, сколько личными мнениями об общих вопросах. Из-за нерешенного вопроса о разделе Турции была назначена новая встреча в Эрфурте, которая пришлась на 1808 г.

Достижение славы, честолюбие, желание быть известным, почувствовать «свою звезду», которая ведет его на протяжении жизни – на этих чувствах Наполеон хотел сыграть во время новой встречи с Александром I. Однако во время Эрфурта произошел сговор между французским министром иностранных дел Талейраном и русским императором, в результате чего Наполеон познакомился с новой чертой Александра I: умением не поддаваться на резкость, авторитет и харизму французского монарха.

Отношения к русскому императору у Наполеона открыто начинают портиться именно с Эрфурта, когда не удалось подписать договор. Свою роль в этом сыграло появление во Франции графа Румянцева, русского посла, который при наполеоновском дворе разжигал распри между державами: доказывал Бонапарту несостоятельность Франции выполнять Тильзитский мирный договор, говорил, что Александр вскоре переключится к Англии. Французского императора вдобавок не устраивало, что Россия приобрела Валахию и Молдавию в спорах с ним, а в Европе, особенно в Вене, началось разжигание антифранцузской мысли со стороны русской аристократии, а также появились англичане, заклятые враги Наполеона, в мундирах русских офицеров, эполетах полковников, состоящих на личной службе царя Александра.

Последней попыткой к сближению с русским царем стало предложение Наполеона о заключении династического брака между дворами. Он предлагал жениться на одной из сестер Александра I. Однако Александр, со свойственной ему манерой, отказал французскому монарху, сославшись на то, что он не может вмешиваться в дела своей матери, которая до сих пор имеет влияние на своих дочерей. Наполеон прекрасно понимал, что причина отказа выдумана. Даже будучи сосланным на остров Святой Елены, он сетовал и признавал, что это главная его промашка.

Наполеона настораживала и раздражала манера русского царя давать ответы в неопределенной форме, практически игнорировать вопросы, прямо интересующие французского императора. Он презирал Александра как государственного деятеля и политика за нерешительность, хитрость, которая, по его мнению, граничила с трусостью.

«Я никогда не встречал подобных людей, – говорил Наполеон Меттерниху, – они всегда готовы жаловаться; я – я никогда не жалуясь; я предоставляю жаловаться женщинам, а сам действую». Такой взгляд на царя укрепился в голове французского императора уже до самого конца его жизни. Под приятной внешностью Александра I он всё сильнее замечал слабохарактерность и внутреннее непостоянство, которое не должно быть свойственно мужчине – ибо он постоянно жаловался и нуждался в поддержке и утешении, постоянно звал на помощь в затруднительных ситуациях. Наполеон со времени Эрфурта начинает презирать Александра, как женщину, которая лезет в политику.

Наполеон прямо говорил Чернышеву, что сейчас между дворами существует некоторая холодность в отношениях, что, хотя его личные чувства к императору Александру несколько не изменились, но между ними нет уже прежней дружбы, ни прежнего доверия. Он относился к Александру I с тем чувством привязанности, которое ставило его, в глазах Бонапарта, выше других монархов того времени. Ум, вежливость и тактичность очаровывали Наполеона в личности Александра, но абсолютно противопоставляли его как политика.

Несмотря на ряд нерешенных вопросов, политики расставались после Эрфурта в дружественных отношениях, сохраняя видимый внешне союз, что видно из их частной переписки, однако внутренние конфликты тотчас отражались на болезненных пунктах их внешней политики.

Подводя итог, важно сказать, что двоякое отношение к Александру I сохранилось у Наполеона до конца его жизни. Французский император не изменил царю в личных чувствах: он уважал его более других монархов того времени, считая его умным и хитрым византийцем, он сохранял надежду на их взаимное уважение и преданность друг к другу. Однако отношения между державами оказались на грани катастрофы, по мнению Наполеона, из-за колебаний Александра I как политика и государственного деятеля. Император Франции списывал это на такие внутренние черты русского монарха, как нерешительность, слабохарактерность, внутреннее непостоянство и женскую робость, а также боязнь высказывать прямо свою точку зрения на волнующие вопросы внешней политики.

Таким образом, в отношении русского императора Наполеон чувствовал сумбурное смешение чувств: он любил и ненавидел, восхищался им и презирал его одновременно.

Список литературы

1. Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. Том II. От Тильзита до Эрфурта. Ростов-на-Дону, 1995.
2. Лас-Каз. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне. М., 2010.
3. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.
4. Наполеон. Годы величия 1800–1814. В воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Констана. Захаров. М., 2002.
5. Стендаль. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т.11: Жизнь Наполеона. М., 1959.
6. Талейран. Мемуары. М., 1959.

*Д. Р. Сентякова (Шакурова), гр. ОАБ-46.03.01-41
Научный руководитель — В. В. Пузанов*

ЗОЛОТАЯ ОРДА И КАЗАНЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА АВТОРА «КАЗАНСКОГО ЛЕТОПИСЦА»

Историческая эпоха и её реалии часто накладывают глубокий отпечаток на сознание людей, что в итоге отражается и на современной им книжной традиции. Исключение не составила и «Казанская история», автору которой, в силу ряда исторических обстоятельств, удалось пожить в двух разных этнополитических и культурных системах: в Русском государстве и Казанском ханстве. Помимо смены места жительства, летописец прошел и через смену религий: христианскую веру, находясь в плену у казанцев, автор сменил на ислам. Все эти важные аспекты жизни летописца, сопровождавшиеся историческими событиями, главное из которых – это взятие Казани русскими войсками, нашли яркое воплощение в главном труде его жизни – «Казанской истории» (далее – КИ).

Несмотря на то, что автор жил среди казанцев и принял их веру, а также, как указывает он сам, относились к нему в плену с любовью [3, стб. 3, л. 3], летописец сохранил русскую идентичность. Поэтому Русская земля в этнокультурной иерархии КИ стоит выше Казанского ханства и его предшественницы – Золотой Орды.

Исследуемое сочинение повествует об истории русско-татарских отношений в течение трех веков: с момента образования Золотой Орды и до момента взятия войсками Ивана Грозного Казани в 1552 г. Однако произведение не дает нам полного и детального описания Золотой Орды, поскольку его сюжет в большей степени ориентирован на взаимоотношения России и Казани.

Следует отметить, что привычное теперь наименование «Золотая Орда» стало употребляться в то время, когда от основанного Бату государства не осталось и следа. Это словосочетание впервые встречается нам именно в КИ в форме «Золотая Орда» и «Великая Орда Златая». Происхождение его связано с ханской ставкой, а точнее с богато украшенной золотом и дорогими материями парадной юртой хана, описанной путешественниками XIII–XIV вв. [1]

Подводя итог исторического развития Золотой Орды, автор указывает на неуютность существования этого государства для других земель и народов: «И тако бысть отвсюду зело угнетение ордѣ...» [3, стб. 14, л. 7].

Не останавливаясь на подробном описании Золотой Орды, автор продолжает свой рассказ, в котором особое внимание уделяет Казанскому ханству, как месту, в котором он прожил достаточно долгий период, где познакомился с бытом и нравами казанцев, а также познал мусульманство.

Автор, в соответствии с русской традицией того времени, проводит историко-генетические связи Казанского ханства с Золотой Ордой: «... и нача изнемогати. время то и Великая Орда Золотая, усилияти и укрѣплятися мѣсто Золоты Орды Казань, новая орда, запустевши Саиновъ юртъ, кровію Рускою кипя. Проиде царская слава, и честь, и величество зъ Большія Орды и старыя матери ордамъ всѣмъ на преокаянную дщерь, младую Казань, и паки же возрасте царство, аки древо измерше отъ зимы, и оживе, аки солнцу обогрѣвшу весне. Отъ злаго древа, реку же отъ Златыя Орды, злая, злая вѣтвь произыде, Казань, горки плодь изнесе, второе зачася отъ другаго царя Ординьского» [3, стб. 19-20, л. 12 об.].

Таким образом, Золотая Орда – это мать, великая, старая, мудрейшая, для которой характерны царская слава и честь. Однако в то же время она и злое дерево. Дерево является основным элементом традиционной славянской картины мира, оно моделирует пространственные и временные образы [2, с. 60], поэтому неудивительно, что автор КИ использовал для более яркого представления образа Казани данное сравнение. Эпитет же «злой» не только противопоставляется добру, как несчастье, неудача, но также имеет значение «чужого» [2, с. 99]. Таким образом, Золотая Орда, а затем и Казань в сознании автора соотносятся с «чужими». Проводится мысль, согласно которой Казанское ханство смогло перенять у своей «матери» царскую славу и великую честь. Однако «дочь» оказалась «горьким плодом», преокаянной, то есть проклятой, стала «злой ветвью» дерева. В целом данная историко-генетическая связь отчетливо

дает понять читателю главный замысел всего источника — показать, что взятие Казани являлось победой Русского государства над Золотой Ордой, над татаро-монгольским игом.

Далее автор проводит яркое художественное сравнение: после освобождения Русской земли от золотоордынского ига она начала обновляться («яко от зимы и на тихую весну прелатгаться» [3, с. 57, л. 141]). Когда летописец повествует о Казани, как о замерзшем от зимы дереве, которое обогрелось благодаря солнцу и весне, он подразумевает, что Россия — это «весна», а Казань — «дерево», которое смогло прорасти только благодаря природному обновлению.

Однако все же негативные черты Казанского ханства прослеживаются на протяжении всего повествования довольно часто. Уже с начала своего рассказа автор называет Казань презлым царством сарацинским [3, стб. 189–190, л. 2 об.], что указывает на негативное отношение к вере казанцев. В то же время Казань предивная [3, стб. 189–190, л. 2 об.], что, вероятно, ассоциируется с территориальными, природными представлениями бывшего пленника.

Такое двойственное отношение к Казани можно увидеть в различных фрагментах источника. Летописец не перестает с восхищением описывать всю красоту и все богатство территории Казанского царства: «...и обрѣте мѣсто на Волге на самой украине Руской, на сеи странѣ Камы рѣки, концемъ прилежа къ Болгарской земле, другимъ же концемъ къ Вятке и къ Перми. Мѣсто пренарочито, и красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всеяцями сѣмяны родимо, и овощи преизобилно, и звѣристо, и рыбно, и всякого много угодыя, яко не обрести можно другаго такова мѣста по всѣи Руской землѣ, нигдеже подобно такому угодыемъ челоувѣческимъ, // инее вемъ же, аще есть въ чужихъ земляхъ» [3, стб. 10–11, л. 4]. Таким образом, очевидно, что автор владел пространственно-географическими представлениями, актуальными в его время, имел сведения о границах государств. Пленник с восхищением описывает природные богатства Казани и отмечает, что подобных мест нет не только в России, но и на других территориях.

Однако и природа не всегда бывает на стороне Казани. Такие ситуации достаточно часто прослеживаются в тексте, в случае, если казанцы совершали зло и из-за этого проливалась христианская кровь. Так, например, за подобные согрешения летом на их землю не пролилась ни единая капля дождя [3, стб. 119, л. 118].

Но не только природным богатствам Казани летописец отводит особое внимание. Восхищение вызывают и фортификационные сооружения города, и боевой дух жителей Казани. Автор говорит, что город нельзя взять одними только стрелами, а помимо пушек для этого еще требуется и милость Господа [3, стб. 119]. Удивляет бывшего пленника красота и крепость стен города, за счет мощи которых русские достаточно долгое время не могли взять Казань.

Приводит летописец и «русское» наименование Казани – Котел, золотое дно [3, стб. 45, л. 38 об.].

Но, несмотря на все эти преимущества Казани в глазах летописца, он всё же выделяет главный минус Казани — ее веру, магометанскую веру, ведь именно она погубила множество христиан. Поэтому после завоевания Казанского ханства летописец радуется, что теперь оно православное, что теперь не только природная, но и духовная красота будут присущи и его территории, и его народу. Этому восхвалению автор посвящает целую главу своего повествования: «О, блаженъесинынѣ, градѣ прекрасный Казань, и от Бога благословен еси, зѣло радуйся и веселися паче всѣхрусских градѣ! Вся бо Руская земля и градѣ издавна от благодати Святаго Духа просвѣщенеприяша, ты же нынѣ ново православиемъ просветися и Божественными храмы обновися и, яко младенець, породися, избѣгтемныявѣрысуетства, и всяко нечестие потреби, и поганую бахмичювѣру до конца погуби. Яко солнце красное от темных облакъ произшед, от прелести тоя провосия, всю страну ту лучами благовѣрия просвѣщаеши. И сего ради не унывай, но паче ликоствуй и свѣтло торжествуй, и красуйся! Отъят бо Господь от тебе неправды твоя, бывшая от зачала в тебѣ, избави тя от варварскаго державства и жертвъ служения сквернаго Бахмета. И воцарися Господь посреде тебѣ, и той сохранил тя, яко сѣницу ока десницею своею покрывает, и заступит тя от враг твоих, и не узриши зла к тому ни от кого же, яко новорожденнаго младенца, и мир Божий на тебѣ до вѣка временных пребудет!» [3, стб. 171–172, л. 170–170 об.].

В конце же своего повествования казанский летописец весьма интересными эпитетами описывает Казань, когда говорит о том, что Бог отдал Казанское царство в руки Ивана Грозного: «...и предаде его в руцѣ, яко *малу и худу птицу*, великое царство Казанское, на час его от

прародителей его у бреже ему [3, стб. 185, л. 186]». Автор называет Казань «малой и бедной» как отпрыск Золотой Орды, как «замерзшее дерево» своего прошлого, со своей верой, исламом; «великой» же, как территорию, награжденную богатствами природы, силой и храбростью своих жителей и как переданную в руки Русскому государству землю, ставшую православной.

Список литературы

1. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XV вв. М., 1985: URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1016106/Egorov_-_Istoricheskaya_geografiya_Zolotoy_Ordy_v_XIII-XIV_vv.html (дата обращения 10.04.2016)
2. Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. Т. 2. Д-К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. 697 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки Русской Культуры, 2000. 368 с.

Р. А. Соловьева, гр. ОАБ-46.03.01-21

Научный руководитель — В. В. Пузанов

ГЕНДЕРНЫЕ И ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ ПО МАТЕРИАЛАМ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА

Для понимания менталитета, мировоззрения человека важную роль играет изучение социальных отношений, сущность которых во многом определяют половозрастные характеристики. В Древнерусском государстве, где правила традиции, переплетаясь с нормами христианской морали, отношения между людьми разных полов и разных возрастов были строго регламентированы, что хорошо прослеживается на примере такого памятника древнерусской литературы, как Киево-Печерский патерик.

Патериками назывались сборники назидательных рассказов об «отцах церкви» — подвижниках монашеской и отшельнической жизни. Первым оригинальным русским патериком был Киево-Печерский патерик — сборник рассказов о Киево-Печерском монастыре, возникшем в середине XI столетия. В этом памятнике отразились традиции переводных патериков, но от них он отличается связью с реальным бытом и историческими личностями.

Хотя Киево-Печерский патерик рассказывает о чудесах Божиих и о подвигах иноков Киево-Печерского монастыря, в нем неизменно проявляется мирская, реальная жизнь, причем в ее устоявшихся чертах, ведь монахам следовало отречься от условий обыденной жизни.

Бытовые зарисовки отношения к детям присутствуют в «Житии Феодосия Печерского». В нем описаны стандартные модели детского поведения, которых Феодосий избегал, отказываясь от игр и выходя на работу в поле со смердами. Получается, что игра являлась основным занятием детей и вместе с тем основным способом социализации в зажиточных кругах древнерусского общества. Пора взросления наступала у них, по-видимому, в 15 лет, о чем свидетельствует другой эпизод Киево-Печерского патерика. В нем говорится о двух друзьях, принявших постриг. Один из них смертельно заболел и передал своего пятилетнего сына на попечительство друга. Сыну же завещал золото и серебро. Достигнув пятнадцатилетнего возраста, юноша смог потребовать серебро и золото отца своего, приобрел, таким образом, имущественные права.

Дети находились на попечении и во власти своих родителей. Примером тому служат и жестокие побои, которые терпел Феодосий от своей матери, и другие истории о приходивших в монастырь юношах. Так, один боярский сын, постригшись в монахи без ведома отца, много мук терпел от него. Боярин забрал его из монастыря и разными способами пытался вернуть его в мир. Но отрок терпеливо и в молчании превозмог все искушения, поэтому на четвертый день отец пожалел его и отпустил в монастырь.

Сложно понять, как в рассказах о святых старцах могли отразиться сведения об отношениях людей разных полов. Но ведь от связей с женщинами отрекались иноки. В целом Киево-Печерский патерик не отождествляет женщину со вселенским злом, напротив, он допускает

благоразумие, благочестие женщины и брачных отношений. Родители Феодосия Печерского составляли благочестивую христианскую семью. В «Житии Феодосия Печерского» говорится, что все действия матери Феодосия были от большой любви к сыну, в чем она позднее покаялась, по совету сына приняла постриг и до конца своих дней служила Богу.

Есть в патерике также и пример неразумной, злой жены. В Слове «О преподобном Моисее Угрине», который оказался в плену в Польше, рассказывается о знатной вдове, выкупившей Моисея из плена, чтобы взять власть над ним. И разными способами пыталась женщина прельстить его: и красотой своей, и богатством, и побоями. Но не попал юноша под власть ее и тайно принял постриг, за что вдова многие муки причинила ему, а князь Болеслав, любовь питая к ней, устроил гонения на черноризцев. Когда же умер Болеслав, поднялся бунт в Польской земле, и народ убивал бояр, и женщину ту убили. Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел в монастырь Печерский.

Таким образом, неизменные требования к младшим, как в монастырской, так и в мирской жизни, – послушание и покорность, потому что старшие заботятся о них, опекают и направляют их. Типичной моделью поведения и средством социализации младших в миру является игра, в монастыре же – служение братии.

В Киево-Печерском патерике не встречается негативного отношения к женщине и браку в целом. Рассказы Патерика направлены не против женщин, а против их власти над мужчинами, жена должна была быть послушна мужу, и только такой брак мог быть благочестивым.

В сборнике поучительных рассказов об основателях и первых насельниках Киево-Печерского монастыря проявилось немало ярких сюжетов реальной жизни. Следует отметить, что Киево-Печерский патерик не освещает всю полноту гендерных и половозрастных отношений в Древней Руси, но отражает общие, устоявшиеся тенденции

Е. Д. Кудрина, гр. ОАБ-41.03.05-41
Научный руководитель — Н. Е. Цепулина

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КИТАЕ

Россия и Китай — две крупнейшие державы, обладающие огромным влиянием в мире. Два крупнейших государства (одна по площади, другая по населению), имеющих длительную историю контактов и протяженную общую границу. С начала 2001 г. между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией установились отношения добрососедства и стратегического партнерства. Однако, как в России, так и в Китае признают, что народы двух стран относятся друг к другу неоднозначно. Как отмечают исследователи, как российские, так и китайские, причинами взаимной настороженности является недостаточная обоюдная информированность и дисбаланс между экономической и политической составляющими отношений двух стран. Исходя из этого, складывается образ страны. Образ страны определяет, какую репутацию приобретает государство в сознании мировой общественности в результате тех или иных действий. А для правительства, ориентированного на участие в международных соглашениях и договорах, репутация — это решающий ресурс.

Несмотря на то, что Китай крайне позитивно говорит о том, что отношения с Россией развиваются наилучшим образом, что между двумя странами наладилось взаимопонимание и взаимопомощь — все эти слова могут, на самом деле, быть обманчивыми. Так уж заложено в китайской душе, не говорить всю правду, дабы не обидеть, поэтому узнать, о чем на самом деле думают наши восточные соседи, практически невозможно. Так же, как и понять их истинное отношение к России. Однако есть такие китайские исследователи, которые не прочь приоткрыть занавес. Среди них, например, Бобо Ло — независимый ученый, ранее директор программ «Россия и Китай» в Центре Европейских реформ в Лондоне. У него множество работ, в целом направленных на российско-китайские отношения. В одной из таких под названием «Как китайцы видят Россию» автор разделил отношение китайской элиты к России на 6 перспектив

(сама работа разрабатывалась на протяжении нескольких лет, материал был собран из разговоров с другими китайскими исследователями, учеными и политологами) [6, с. 8].

Первая — это взгляд на Россию в историческом контексте. История хоть и проходит, но так или иначе она не прекращает играть роли в отношении двух стран. Так, например, Китай рассматривал Российскую империю как одну из сильных иностранных держав, которая умела превращать свои недостатки в достоинства. А в эпоху «нерушимой дружбы» после подписания договора между Китаем и Советским Союзом в 1950 г. Мао Цзэдун видел СССР как властного союзника, которому не стоит доверять. Затем возникли разногласия на почве территориальных споров, и отношение было соответственное. Разумеется, эти отпечатки в истории уже не так сильно выражены, чем когда-либо, но это не может не оказывать влияния на то, как китайцы видят Россию.

Во-вторых, Китай видит в России державу, одновременно и сильную, и слабую, настойчивую, но небезопасную, партнера, но, в то же время и конкурента, к примеру, в области Центральной Азии. В третьей перспективе Россия выступает, как непосредственно важный сосед. Развернувшаяся на километры географическая близость ко второй мировой ядерной державе заметно увеличивает ставки для Пекина в развертывании политики «доброе соседства». Китайское отношение к России как к соседу включает в себя несколько элементов: хорошо продуманную стратегию ведения политики, межрегиональное сотрудничество между северо-востоком Китая и Дальним Востоком России, а также политика национальной безопасности. В-четвертых, это личное отношение к России.

Один из парадоксов китайско-российских отношений это удивительная комбинация с одной стороны физической близости двух стран и психологическое и культурное отдаление с другой. Это можно наблюдать и в современном мире, ведь отношения русских и китайцев едва ли были когда-то лучше. Еще одно противоречие заключается в разнице отношений: в то время как официальные связи пропитаны кажущейся теплотой, большинство китайской политической элиты и общества к России питают безразличие. Пятая перспектива заключается в том, что с распадом Советского Союза огромные успехи в улучшении китайско-российских отношений произошли на базе «партнерства по интересам». Пекин ясно показывает свою заинтересованность в сотрудничестве с Москвой по трансграничному управлению, а также в целях сохранения безопасности региона Центральной Азии, развитии коммерческих связей и в поддержке против критики Запада на счет уровня демократии в Китае и несоблюдении прав человека. КНР понимает, что Россия как партнер и иногда конкурент очень сложна и ненадежна, однако другого выбора, кроме как сотрудничать, не представляется. И шестой перспективой автор выделяет потенциал России в будущем. Существует мнение, что в целом влияние России будет со временем уменьшаться, особенно, если она не встанет на ноги. В этом случае значение этой страны для Китая также может претерпеть некоторые изменения. Россия в состоянии стагнации была бы не в приоритете быстро растущих международных связей Китая. Но, тем не менее, Россия сохранила бы свою значимость, как бывшая великая держава, как ключевое соседнее государство и как источник сырья для китайцев.

Образ России как политического игрока на мировой арене в основном формируется благодаря средствам массовой информации и заявлениям политических лидеров, министров, политиков двух стран. На сегодняшний день китайцы подчеркивают объективную общность интересов Китая и России, как тактических, так и стратегических. Общность видится в стремлении к миру в долгосрочной перспективе, в заинтересованности в устойчивом экономическом развитии, обеспечении безопасности для населения и т. д. В то же время есть и кардинальные различия, подмечаемые в китайских СМИ, среди которых можно назвать разный экономический рост, где Китай является лидером в мире по темпам экономического роста, в то время как Россия отличается слабой, экспортно-ориентированной экономикой. Китайские СМИ достаточно верно оценивают состояние российской экономики, определяя ее как уступающую советской. Подчеркивают, что недостаточный уровень экономического развития отчасти восполняется за счет энергетической мощи.

Тем не менее, в плане политическом, нельзя было не заметить, что Китай выступил союзником России в сложном противостоянии России и Запада, обострившегося по поводу конфликта в Украине. Китайские СМИ поддержали курс официального Китая, который считает

санкции Запада в отношении России ошибочными. Официальное информагентство КНР «Синьхуа» выступило с заявлением, которое можно трактовать, как однозначное обвинение Запада и США в организации переворота на Украине [2]. И хотя китайские СМИ писали о готовности Китая наложить «вето» на любое антироссийское решение Совбеза ООН, на проект резолюции США о нелегитимности референдума в Крыму Китай поднял руку «воздерживаюсь» с улыбкой [4]. Всё это можно рассматривать, как отношение и видение России в роли важного партнера и союзника. Вдобавок к этому можно привести слова министра иностранных дел Китая Ван И, заявившего год назад, что «китайско-российские отношения не подвержены влиянию мировых потрясений и не направлены против третьих стран, они характеризуются прочным взаимным доверием и стабильностью. Как у стратегических партнёров, у нас сложилась хорошая традиция поддержки друг друга» [3]. Таким образом, мы видим, что восприятие Китаем России на международной политической арене последнее десятилетие находилось на достаточно удовлетворительном уровне и, возможно, что оно сместится в положительное русло.

В сфере культурного отношения Китая к России тоже нельзя дать однозначного ответа. Достаточно высок уровень культурного обмена между двумя странами: китайцы читают как русскую классику, так и современную русскую литературу, которая, так или иначе, составляет в умах наших восточных соседей представление о России. Другим фактором в формировании образа может служить и образование: международные обменные программы для студентов, изучение русского языка в китайских университетах. Стоит, однако, отметить тот факт, что 50 лет назад русский язык был самым популярным иностранным языком в Китае. Но после распада СССР его статус изменился, и число людей, изучающих его, значительно уменьшилось, как и число студентов, которые бы хотели продолжить свое обучение в России. Это связано со многими факторами, такими как бесперспективность, тяготение к Западу или же с негативными оценками, которые китайцы могут слышать о современной России.

Несмотря на это, опросы общественного мнения свидетельствуют о сравнительно позитивном образе России в КНР. По итогам исследования, проведенного Институтом изучения России, Восточной Европы и Средней Азии Академии общественных наук КНР и опубликованного в 2008 г., ответы на вопрос «Считаете ли Вы Россию близкой Вам страной?» распределились следующим образом: очень близкой Россию назвали 6,24 % из 2292 респондентов; близкой – 36,47 %; более-менее близкой – 46,9 %; неблизкой – 4,1 %; совсем не близкой – 1,75 %; 4,54 % опрошенных затруднились с ответом. Таким образом, 8 лет назад 43 % опрошенных считали Россию близкой или очень близкой страной [5, с. 4].

Однако следует отметить, что китайское общество настолько неоднородно, что просто немыслимо говорить о «Китае вообще» – без учета регионов, социальных и возрастных групп. Так, например, северный Китай и южный отличается в своих оценках России. И если можно сказать, что север более осведомлен о России в целом ввиду ряда причин, таких как: непосредственная близость границ, туризм, университеты, сотрудничающие с российскими вузами и пр., то на юге Китая нашей страной заинтересованно крайне малое количество людей. Южане больше ориентированы на Запад и можно сказать, что юг Китая недостаточно проинформирован о ситуации в России как в политико-экономическом, так и в социальном и культурном плане. Так, например, можно встретить на юге китайца-пенсионера, который до сих пор будет называть нас «Красными» или же программиста, который поставит Россию в один ряд со странами третьего мира [1, с. 121].

Не существует единого «китайского видения» России, скорее присутствует разнообразное восприятие нашей страны. Оно может различаться от китайской политической элиты до всего китайского народа, от севера Китая до юга. И хотя Москва и Пекин описывают отношения между странами как «лучшие за всю их совместную историю», на сегодняшний день так называемому «стратегическому партнерству» многого не хватает. Несмотря на нашу с Китаем географическую близость, психологически наши народы отдалены друг от друга. Ко всему прочему, российский образ в Китае строится в большинстве своем на том, как мы ведем себя на мировой арене и на том, как Россия внутренне развивается и растет, в частности по экономической составляющей. С одной стороны, российско-китайские интересы во многом перекликаются, а партнерство двух стран и вовсе характеризуются обоюдной поддержкой и стабильностью, но, с другой стороны, Россия не успевает за темпами Китая и рискует оказаться не в приоритете

его международных, в частности экономических, связей, как верно подмечают китайские СМИ. Таким образом, для формирования положительного облика России в Китае необходимо стремиться к внутривосточной и экономической стабильности.

Список литературы

1. Балданова Р. А., Бураев Д. И. Образы России в Китае (по материала опроса в городе Гуанчжоу) [Электронный ресурс] // Вестник Бурятского университета. 2014. № 8. С. 119–122. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-rossii-v-kitae-po-materialam-oprosa-v-gorode-guanchzhou> (дата обращения: 21.04.2016).
2. Комментарий: Поражение Запада в Украине [Электронный ресурс] // Информагентство «Синьхуа». 2014. 3 июля. URL: http://russian.news.cn/cis/2014-03/07/c_133169235.htm (дата обращения: 21.04.2016).
3. МИД КНР: Отношения России и Китая прочны, но не направлены против третьих стран [Электронный ресурс] // Телевизионная сеть Russia Today. 2015. 8 марта. URL: <https://russian.rt.com/article/78345> (дата обращения: 21.04.2016).
4. РФ заблокировала, а Китай «не поддержал» резолюцию США против Крыма [Электронный ресурс] // Издание Политонлайн. Ру». 2014. 15 марта. URL: <http://www.politonline.ru/interpretation/20874191.html> (дата обращения: 21.04.2016).
5. Смирнова Л. Предложения по улучшению образа России в Китае. М.: Российский совет по международным делам: рабочая тетрадь, 2014. 40 с.
6. В. Lo. How the Chinese See Russia [Электронный ресурс] // Russia/NIS Center. Ifri. 2010. №10. URL: <http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/rnr6chinaloengdec2010.pdf>

*Я. О. Малышева, гр. ОАБ-41.03.05-41
Научный руководитель — Н. Е. Цепулина*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ЦЕЛИ ИРАНА НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В XXI ВЕКЕ

Иран является одной из самых динамично развивающихся стран Ближнего и Среднего Востока. Обладая выгодным географическим положением, мощным экономическим и политическим потенциалом, страна оказывает значительное влияние на процессы, происходящие внутри региона. Следовательно, внешняя политика ИРИ (Исламская республика Иран) представляет собой большой интерес и вызывает бурные дискуссии на международной арене.

Существенную роль на формирование концептуальных основ внешней политики Ирана оказали внешнеполитические приоритеты лидера исламской революции Р. Хомейни. Установленные им доктринальные принципы и сегодня продолжают играть определяющую роль во внутренней и внешней политике Ирана.

Можно выделить следующие принципы, заложенные Р. Хомейни относительно внешней политики ИРИ:

- принцип «ни Запад, ни Восток, а ислам»;
- принцип борьбы всех «угнетенных» народов мира против «угнетателей»;
- принцип экспорта исламской революции.

Принцип «ни Запад, ни Восток, а ислам» означал противопоставление исламской концепции миропорядка Хомейни капиталистической и коммунистической системам. Согласно взглядам имама, мусульмане, опираясь на религию ислама, смогли бы создать свой индивидуальный путь развития, который отличался бы как от капиталистической, так и от коммунистической моделей.

В соответствии со вторым принципом Р. Хомейни делил мир на «угнетенных» и «угнетателей». К первой группе он относил страны Запада во главе с Соединенными Штатами, а также Советский Союз и страны социалистического лагеря, ко второй группе — «страны третьего мира, угнетаемые мировым империализмом» [1, с. 394]. В соответствии с этой кон-

цепцией «угнетатели» благоденствуют и процветают за счет неравномерного распределения материальных благ и за счет эксплуатации «угнетенных». В связи с этим Р.М. Хомейни призвал всех «угнетенных» стран мира бороться против империалистов для того, чтобы восстановить равноправие.

Важное место в политической доктрине Р. М. Хомейни занимает концепция «экспорта» исламской революции. В ее основе лежало «стремление к созданию великого всемирного исламского общества под эгидой Ирана путем экспорта исламской революции Хомейнистского образца» [2, с. 212]. В ИРИ стремление экспортировать революцию обосновывалось тем, что лидеры многих мусульманских стран отошли от праведного мусульманского пути и ради материальной выгоды установили тесные отношения с западными странами и Советским Союзом. В связи с этим «угнетенные» мусульманские народы не могут полагаться на руководство своих стран в борьбе против Запада, они должны сами восстать против империалистов и установить «истинно исламское правление».

Вышеизложенные принципы учений имама Хомейни остаются неизменными на сегодняшний день, и, так или иначе, отражаются во внешнеполитических приоритетах президентов XXI в. В начале нынешнего столетия внешнеполитический курс Ирана претерпел изменения. Занимавший в тот период пост президента Мохаммад Хатами (1997–2005), выбрав реформаторский подход в своем правлении, проводил более мягкую внешнюю политику, направленную на диалог с мировым сообществом.

В основе внешнеполитического курса М. Хатами лежала политика разрядки международной напряженности в отношениях с Исламской республикой. Политика разрядки предполагала нормализацию отношений Ирана со всеми странами мира и выход ИРИ из изоляции, куда страну завел радикальный фундаментализм своей целенаправленной политикой самоизоляции, господствовавшей в стране под лозунгом «Ни Запад, ни Восток, а ислам».

Провозглашение политики разрядки было необходимо для обеспечения национальных интересов Исламской Республики. Стремление Ирана улучшить отношения с другими странами было обусловлено, во-первых, процессами глобализации, интенсификацией политических, социальных, культурных и экономических связей между странами мира; во-вторых, тем, что после ирано-иракской войны Иран нуждался в укреплении экономики страны и в привлечении иностранных инвестиций. Помимо этого, за счет включения в мировые процессы глобализации и интеграции Иран рассчитывал повысить свой имидж на международной арене.

В рамках Ближнего и Среднего Востока политика разрядки ставила задачу обеспечения регионального мира и безопасности. Президент Хатами в своем выступлении на восьмом саммите ОИК в Тегеране в 1997 г. сказал, что «Исламская Республика Иран выступает за создание региональной безопасности и сотрудничества с участием всех государств Персидского залива. Также Иран намерен принять надежные меры, которые принесут плоды в обеспечении долгосрочной безопасности в регионе, и которые будут способствовать осуществлению совместной защиты общих интересов всех стран и наций» [4, р. 54].

Таким образом, с приходом к власти М. Хатами внешняя политика ИРИ стала более открытой. Впервые за долгое время новому президенту удалось улучшить отношения как с Западом, так и со странами исламского региона.

Однако с приходом к власти в 2005 г. Махмуда Ахмадинежада, радикала и сторонника консервативных взглядов, страна вновь возвращается к первым годам исламской революции, ее принципам и ценностям.

В основе внешней политики нового президента в регионе Ближнего и Среднего Востока лежали следующие принципы:

- принцип объединения мусульманского мира;
- враждебная политика по отношению к Израилю;
- активное развитие ядерной программы Ирана;
- стремление превратить Иран в регионального лидера.

Израиль рассматривался в качестве врага Ирана с момента свершения исламской революции. Но по сравнению с предыдущими президентами ИРИ Ахмадинежад относился к Израилю более радикально и утверждал о том, что еврейское государство является причиной всех

кризисов в регионе и настаивал на его полном уничтожении. Сионистский режим, по мнению президента, был создан великими державами в качестве инструмента влияния на страны и народы Ближнего и Среднего Востока.

С приходом во власть М. Ахмадинежада обострился конфликт вокруг иранской ядерной программы. Новое правительство отказалось идти на уступки в переговорах с Западом, прекратило сотрудничество с МАГАТЭ и возобновило обогащение урана [3, с. 497]. Основной мотивацией для реализации ядерной программы Ирана в рамках региона стала необходимость сбалансировать ядерные возможности Израиля.

Важным направлением нового президента стало стремление добиться лидерства в регионе. Так, в 2005 г. правительством ИРИ был принят двадцатилетний план развития страны до 2025 г., одной из важнейших задач которого является превращение Ирана в мощную державу региона с претензиями на роль лидера на Ближнем и Среднем Востоке. В документе указано, что к 2025 г. Иран займет первое место в области экономики, науки и техники в пределах Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Помимо этого, руководство ИРИ поставило задачу продвижения исламской модели демократии в мусульманском мире, достижение регионального единства на основе ислама и учений имама Хомейни, развитие продуктивных и эффективных взаимоотношений со странами исламского мира и за его пределами.

Так, с началом президентства М. Ахмадинежада политическая напряженность вокруг Ирана значительно возросла: связи с Западом были разорваны, а отношения со странами региона заметно охладели. Это было связано с развитием ядерной программы ИРИ, агрессивной позицией по отношению к Израилю, а также довольно амбициозной задачей превратить Иран в регионального лидера.

Тем не менее, с началом правления следующего президента Хасана Роухани (является действующим президентом ИРИ с 2013 г.), внешнеполитический курс Ирана вновь был преобразован. Х. Роухани, который позиционирует себя как центрист – прагматик, в первую очередь был нацелен на устранение санкционного режима и восстановление стратегического потенциала страны.

Прежние региональные направления внешней политики Ирана, такие как создание наиболее благоприятных условий для функционирования исламского государства, превращения Ирана в регионального лидера и распространение иранской шиитской модели общественного развития, не утратили своего значения. Однако за время нахождения у власти нового президента произошла определенная корректировка внешнеполитической парадигмы Тегерана.

В первую очередь изменения коснулись ядерной программы. М. Роухани осознавал, что улучшение экономического положения страны и ее выход из международной изоляции невозможен без разрешения ядерной проблемы. К тому же экономические санкции Запада подрывали стратегический потенциал Ирана и препятствовали усилению его влияния в регионе. В связи с этим новый президент взял курс на построение конструктивного диалога со странами Запада и выразил готовность пойти на уступки по поводу ядерной программы [5, р. 4]. В результате длительных переговоров ИРИ и западные страны достигли исторического соглашения об урегулировании многолетней проблемы иранского атома. Так, в июле 2015 г. сторонами был принят совместный всеобъемлющий план действий, выполнение которого предполагало снятие с ИРИ введенных ранее экономические санкции СБ ООН, Евросоюза, и Соединенных Штатов при условии, что иранская ядерная программа будет развиваться в мирных целях; 16 января 2016 г. произошла имплементация данного соглашения и с Ирана были сняты санкции.

Говоря об основных направлениях внешней политики ИРИ на Ближнем и Среднем Востоке, необходимо подчеркнуть ту роль, которую новый президент Ирана отводит сотрудничеству с мусульманскими странами региона. Х. Роухани неоднократно заявлял, что приоритетом Тегерана являются тесные и дружеские отношения с мусульманскими странами, в первую очередь со странами региона, основанные на взаимном уважении и взаимных интересах. Особое место среди мусульманских стран, по мнению руководства ИРИ, занимают страны Персидского залива, поскольку обострение противоречий с ними способствует углублению противоречий между суннитами и шиитами и подрывает силу и единство мусульманского мира.

Следовательно, внешнеполитические цели Ирана в рамках Ближнего и Среднего Востока, установленные предыдущими президентами, такие как достижение лидирующей позиции в регионе и распространение иранской шиитской модели развития, сохранились. Однако новое

правительство Ирана во главе с Х. Роухани реализует эти задачи в рамках более открытой внешней политики, направленной на сотрудничество как с западными, так и с мусульманскими странами.

Таким образом, на протяжении срока правления трех президентов — М. Хатами, М. Ахмадинежада, Х. Роухани в основе внешней политики страны лежали следующие задачи: продвижение исламской модели демократии в мусульманском мире, достижение регионального единства на основе принципов ислама и учений имама Хомейни, превращение Ирана в региональный центр силы, обеспечение мира и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке, создание благоприятных условий для развития ИРИ. Сильное влияние на политику президентов оказывали и продолжают оказывать внешнеполитические принципы имама Хомейни. Однако каждый президент в своем правлении использует разные методы достижения указанных целей, одни выбирают радикальную и неуступчивую политику, другие — более мягкую и открытую. Причем здесь можно выявить некую закономерность: если М. Хатами являлся либералом и сторонником компромиссов, то следующий президент — М. Ахмадинежад был ярким радикалом и ультраконсервативом, тем не менее, после него к власти вновь пришел умеренный либерал и прагматик Х. Роухани. Такая закономерность не случайна, она обусловлена настроениями в самом иранском обществе. Стремясь сохранить уникальность страны, ее независимость от внешних факторов, иранцы поддерживают консервативные силы. Однако, разочаровываясь в результатах жесткого внешнеполитического курса консервативных сил, иранское общество выступает за приход к власти реформаторов и смягчение внешней политики.

Список литературы

1. Лукоянов А. К. Исламская революция. Иран — опыт первый. 1979–2009. М., 2010.
2. Сажин В. И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск пятый. М.: ИИИиБВ, 1988.
3. Сажин В. И. Ядерная программа Ирана как фактор дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2012. № 7.
4. Noof Rashid ALDosari. Foreign Policy from Khatami to Ahmadinejad. World Journal of Social Science Research. Vol. 2. No. 1. 2015.
5. Rodger Shanahan. Iranian foreign policy under Rouhani. Lowy institute for international policy. February, 2015.

Д.В. Тюрева, гр. ОАБ-41.03.05-41

Научный руководитель — Н.Е. Цепулина

МЯГКАЯ СИЛА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ УЧЕНЫХ

В последнее десятилетие концепция «мягкой силы» стремительно набирает популярность в мировой политике. Заметно возрастает роль гибких факторов, усиливается влияние «мягких» инструментов воздействия на систему международных отношений. Мировые державы, такие как США, КНР, страны Европейского Союза, Россия все чаще прибегают к этой стратегии, продвигая свои интересы на международной арене. В условиях столь активного использования стратегии возникает необходимость в точном понимании — что же такое «мягкая сила»? Помимо основной теории, представленной миру Джозефом Найем-младшим, существует еще множество несогласных с ним по разным аспектам ученых, которые представляют свои видения концепции. Цель исследования: рассмотреть концепцию «мягкой силы» в интерпретации различных исследователей.

Автором термина «мягкая сила» является профессор Гарвардского института государственного управления Джозеф Най-младший. Впервые он прибегнул к этому понятию в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» в 1990 г. [7, р. 336]. В 2004 г. политолог вернулся к этой теме и продолжил своё исследование, написав книгу «Гибкая сила: как добиться успеха в мировой политике» [8, р. 145], в которой раскрыл суть концепции, её источники и способы реализации.

Традиционными источниками влияния в международных отношениях являются экономическая и военная мощь, которые Джозеф Най рассматривает как составляющие жесткой силы государства. В противопоставление он приводит «мягкую силу», суть которой заключается в способности получать желаемое путем привлечения внимания, а не через принуждение или подачки.

Разница между этими двумя теориями заключается в разных инструментах воздействия на субъект. «Жесткая сила» использует элемент принуждения и навязывания, тогда как «мягкая сила» формируется через механизмы сотрудничества, на базе единых ценностей.

«Мягкая сила» государства базируется на трёх компонентах: его культуре, внутренней политике и внешней политике. Культура Америки здесь имеет преимущественное значение по отношению к другим странам, так как поп-культура США всегда имела значительное влияние на весь мир. Её преимущество состоит в том, что она не столь сильно зависима от правительства, как инструменты «жесткой силы».

Что касается внутренней политики, то непопулярные меры и курсы, принимаемые в действии правительством, в значительной степени могут являться причинами провала «мягкой силы». Здесь Джозеф Най приводит в пример политику расовой сегрегации 1950-х гг., которая подорвала авторитет американской «мягкой силы» в Африке, и существующую сегодня практику смертной казни и слабого контроля над реализацией закона, регулирующего продажу и использование оружия, которая не способствует продвижению «мягкой силы» США в Европе [8, р. 13].

Внешняя политика государства в рамках рассматриваемой концепции может ослаблять или усиливать действие мягкой силы. Так, например, война в Ираке в 2003 г. нанесла существенный урон по привлекательности Америки в мире, и поддержка США сократилась даже в таких странах, как Испания и Италия, чьи правительства поддерживали военные действия.

Сформулированная Джозефом Наем стратегия получила широкое распространение. Сразу после выхода в 2004 г. книги, обосновавшей основные принципы функционирования «мягкой силы», западные исследователи стали проводить дискуссии касательно природы силы, её ресурсов, составляющих, и представляли свои интерпретации концепции, которые подчас разительно отличались от оригинала.

На уровне теории «мягкая сила» рассматривается ими, наряду с устоявшимся определением Наея, как способность создавать искаженную картину мира, заставляя участника международных отношений, который испытывает воздействие, принимать политические решения, выгодные тому, кто применил в его отношении силу. Тем самым у объекта формируется ложное сознание.

Профессор Азиатско-Тихоокеанского центра по изучению вопросов безопасности Александр Вьювинг в своем исследовании поднимает вопрос о том, что создает привлекательность — одну из составляющих силы. Отвечая на этот вопрос, Вьювинг приводит три атрибута власти, которые можно назвать источниками привлекательности [5, р. 20]. Первый — добросердечие, работающее на принципах взаимного альтруизма. Среди людей этот атрибут производит мягкую мощь за счет благодарности и сочувствия. Два этих качества убеждают общество, что субъект имеет мирные намерения, и тем самым запускают процесс сотрудничества. Второй — великолепие. Он функционирует за счет тенденции людей учиться на успехах других. Он генерирует мягкую силу за счет производства восхищения. И, наконец, третий атрибут — красота, которая сближает акторов за счет наличия общих идеалов, ценностей, точек зрения. Это предоставляет им ощущение безопасности и надежности, идентичности и общности. О размытости понятия такого элемента как «привлекательность» писали и исследователи-конструктивисты. По их мнению, привлекательность — сконструированное участниками диалога общее понимание притягательности идеи; интерпретация, которая прошла отбор из других возможных пониманий в ходе коммуникативного процесса [6, р. 585].

Проблема «мягкой силы» находит отражение и в трудах российских ученых. Среди отечественных авторов нет единого понимания концепции «мягкой силы». Так, в некоторых работах термин «мягкая сила» используется в качестве синонима таких понятий, как «национальный брэндинг», «национальный имидж». О. Г. Леонова, профессор МГУ, характеризует soft power как впечатление, мотивирующее действие и побуждающее к действию [2, с. 18], внешнеполитический ресурс и специфический инструмент латентного управления международными

процессами; и совокупность внешних и внутренних факторов государства. Доктор исторических наук Д. В. Мосяков считает, что в современном мире «мягкая сила» превратилась в необходимый атрибут любой экспансионистской политики, так как дает возможность добиться доминирования на мировой арене без использования вооруженной силы. [3, с. 4]. О манипулировании сознанием посредством «мягкой силы» пишет и О. Ф. Русакова. Она определяет «мягкую силу» как власть, реализуемую в форме коммуникативного воздействия, в процессе которого навязываемое субъектом поведение трактуется объектом как свободный выбор, приносящий ему радость и удовольствие.

Особо актуальна проблема «мягкой силы» для Китая. В китайской культурной традиции большое внимание уделялось ненасильственным методам воздействия, тому, что сегодня называют «мягкой силой». Подобные вопросы встречается в работах таких мыслителей, как Лао-Цзы, Конфуций, Сунь-Цзы, посвященных искусству управления государством, военной мысли. Так, в трактате Лао-Цзы «Канон пути и добродетели» содержится суть «мягкой силы» Китая: «В Поднебесной самое мягкое одерживает верх над самым твердым» [4]. В другом древнекитайском памятнике «Искусство войны» Сунь-Цзы приводятся следующие принципы: «используй мягкие средства, чтобы побороть силу», «избегай сильных сторон противника, используй его слабости», «лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь» [1]. Он возвел «нематериальное» (мягкое) воздействие в ранг наиболее выигрышной стратегии в военном противоборстве. Для достижения поставленной цели хороши все средства: ложь, сговоры, разжигание ссор, срыв деятельности правительства и тому подобное.

В современном Китае ученые, взяв за основу концепцию Ная, разрабатывают собственную теорию *soft power*. На абстрактном уровне они определяют мягкую силу как неосязаемую, не поддающуюся количественному измерению, нематериальную или духовную мощь. Более конкретно они рассматривают её как способность убеждать разумными доводами и моральными принципами.

В процессе изучения стратегии появились различные школы, которые подчас придерживаются абсолютно разных позиций. Самыми известными среди них считаются доминирующая в обществе шанхайская «культурная школа» и «политическая школа». Представители шанхайской школы считают главным источником стратегии традиционную культуру страны. Эксперты «политической школы» утверждают, что ядром «мягкой силы» является политическая власть.

Также стоит отметить, что некоторые ученые продвигают идею комбинированного использования «мягкой» и «жесткой» сил. Кроме того, в отличие от Джозефа Ная, они полагают, что в зависимости от контекста источниками мягкой мощи могут выступать ресурсы обеих сил, и что лучше всего «мягкая сила» КНР проявляется в так называемой «Модели Китая», составляющими элементами которой являются многосторонность, экономическая дипломатия и политика добрососедства [9, p. 38].

В официальной идеологии теория «мягкой силы» нашла своё отражение в идее «совместного построения гармоничного мира», которая была выдвинута Ху Цзиньтао в апреле 2005 г. на саммите Азия-Африка в Джакарте. В 2007 г. на XVII съезде КПК впервые была провозглашена задача увеличения потенциала «мягкой силы» культуры. Термин «мягкая сила» был закреплен в программных документах партии в разделе, посвященном развитию культуры. И китайская трактовка теории превратилась в «культуроцентричную».

Итак, концептуализация «мягкой силы» происходит в 1990-е годы. Автор концепции Джозеф Най рассматривает *soft power* как привлекательную силу. Как инструмент, который предоставляет странам возможность продвигать свои интересы и цели на мировой арене мирными средствами. Однако не все исследователи придерживаются данной точки зрения, и в мировом научном сообществе возникают различия в интерпретации стратегии. Даются противоположные оценки работы «мягкой силы» – одни ученые рассматривают её как инструмент построения благоприятного образа, другие авторы подчеркивают экспансионистский характер силы. Зарубежные исследователи в своих работах пытаются исправить недочеты стратегии, подробно раскрывая такой аспект, как ресурсы «мягкой силы», уточняя расплывчатые моменты, которые не получили в работе Ная четкого определения. В свою очередь, российские ученые понимают концепт *soft power* и как самостоятельную политику, и как часть внешней поли-

тики государства, и как технологию воздействия на сознание социума. В Китае использование «мягкой силы» органично налагается на китайскую культурную традицию. Свой отпечаток в современном понимании концепции «мягкой силы» оставили такие мыслители как Лао-Цзы и Сунь-Цзы, в трактатах которых пропагандировались «бескровные», мирные методы борьбы с противником. Учитывая специфику своего мировоззрения, китайские ученые создают собственную стратегию «мягкой силы», расширяя её содержание. Они делают акцент на влияние традиционной культуры и добавляют в число ресурсов «мягкой силы» экономику.

Список литературы

1. Лао-Цзы Канон о пути и добродетели / пер. А. Кувшинова. С.-Пб., 1991.
2. Леонова О. Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель – Observer. 2014. №3.
3. Мосяков Д. В. «Мягкая сила» в ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т.14.
4. Сунь-цзы Искусство войны / пер. с англ. Н.И. Конрада. М.: АСТ, 2012.
5. Alexander L. Vuving, "How Soft Power Works" (paper presented at the American Political Science Association, Toronto, Ontario, September 3, 2009).
6. Janice Bially Mattern Why `Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium – Journal of International Studies June 2005. Vol. 33.
7. Joseph S. Nye. Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power. New York: Basic Books, 1991.
8. Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
9. Li, M. J Soft power in Chinese discourse: popularity and prospect // RSIS Working Paper. 2008. No. 165.

Е. Н. Ефимова, гр. ЗМ-46.04.01.06-15
Научный руководитель — Т. К. Ютина

НАРОДНАЯ ИГРА В РАМКАХ МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА АЭМЗ «ЛУДОРВАЙ»

«Если вы хотите узнать душу народа, приглядитесь, как и чем играют его дети» – так гласит народная мудрость. На протяжении многих веков в детских играх сохраняются элементы народных традиций.

На дворе XXI век — век технологий и прогресса. Стремясь жить динамично, «в ногу со временем», отдавая предпочтение изучению информационных технологий и иностранных языков, человек начинает забывать народную культуру. Поэтому важно сохранить культурное наследие народов, проживающих в Удмуртской Республике и передать его последующим поколениям. К объектам культурного наследия относятся и народные игры.

«Народные игры — это игры, которые устойчиво характерны, типичны для данного народа и признаются таковыми национальным сознанием. Они включают различные виды: подвижные, спортивные, детские, юношеские, музыкальные, речевые, хороводные, фокусы, ролевые игры и т. д. В широком смысле, к народным играм относят обычно и традиционные забавы (ходули, качели, катание с гор и т. п.), народные упражнения и состязания (подъем и метание камня, прыжки, борьбу, скачки и др.)» [1].

В Архитектурно-этнографическом музее-заповеднике «Лудорвай», расположенном в Завьяловском районе Удмуртской Республики, уделяется внимание вопросам сохранения культуры народных игр. История развития Музея-заповедника насчитывает всего 30 лет. Это молодой музей-заповедник, активно развивающийся в последние годы: «11 июля 1986 г. распоряжением Совета Министров Удмуртской АССР был создан «Архитектурно-этнографический музей «Ильинка» — филиал Удмуртского республиканского краеведческого музея, с целью сохранения памятников народной архитектуры. Музей «Ильинка» располагался на историче-

ском месте бывшего починка «Ильинка», основанного переселенцами из поселка Ижевский завод в середине XIX в. С начала работы музея была поставлена задача — выявить объекты деревянной архитектуры Удмуртии. В соответствии с реставрационным заданием были организованы совместные экспедиции по обследованию сельских поселений Удмуртии специалистами Всесоюзного объединения «Союзреставрация», Удмуртского республиканского краеведческого музея, Удмуртского научно-исследовательского института. В результате были выявлены и поставлены на учет объекты деревянной архитектуры с целью их дальнейшей музеефикации. В 1997 г. музей открыл двери для своих первых посетителей. В 2003 г. получил статус самостоятельного государственного учреждения культуры и был переименован в «Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай». Площадь, занимаемая музеем-заповедником, составляла 39, 9 га, была переведена в статус особо-охраняемых территорий (Распоряжением Правительства УР №875-р от 13 октября 2003 г.) [2].

Музей динамично развивается, открывает новые ландшафтные экспозиции, проводит праздничные массовые мероприятия и интерактивные экскурсии. Посетители имеют возможность познакомиться с удмуртской и русской культурой в экспозициях: «Усадьба центральных удмуртов», «Усадьба верхнечепецких удмуртов», «Усадьба южных удмуртов» (гостевой дом), «Ветряная мельница», «Русский починок «Ильинка». Священная роща, родники, пасечный комплекс дополняют образ музея под открытым небом» [2].

На сегодняшний день музей-заповедник активно ищет новые методы работы с посетителями, одними из которых являются проведение интерактивных экскурсий с использованием организации народных игр. Главная цель — воспитание патриотических чувств у детей младшего школьного возраста через возрождение народных традиций, знакомство с ними детей и молодёжи.

Взаимодействуя с предметами музея в атмосфере приключений и увлекательных путешествий, происходит погружение посетителей в определенную историческую эпоху. Игровая форма подачи музейного материала способствует непринужденному приобретению знаний по истории, так как игровая форма наиболее близка детской категории посетителей и иначе воздействует на аудиторию детей, в отличие от классической экскурсии. В музее-заповеднике во время работы с детьми, используются следующие удмуртские игры: «Ми таримес кизимы-кизимы» — «Мы просо сеяли-сеяли», «Пис бекмыльтон» — «Урони полено», «Уя зазег, уя чожд» — «Плыви гусь, плыви утка» и др. [Приложение 1].

Большое значение для Архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай» имеет сбор и изучение материалов этнографии во время проведения экспедиционных и однодневных выездов в села Удмуртии. Так, в сентябре 2015 г. сотрудниками музея-заповедника была осуществлена экспедиция на север Удмуртии — Ярский, Юкаменский и Красногорский районы. Позже были обследованы некоторые районы южной части Удмуртии — Малопургинский и Можгинский. В период проведения экспедиционных исследований были получены новые важные источники по истории народных традиционных игр, исследованы формы народных игр, как бытующие в настоящее время на данной территории, так и сохраняющиеся только в памяти жителей сельской местности. Было выявлено, что кардинальных отличий в игровой деятельности северных удмуртов и южных удмуртов нет. Все респонденты были гражданами пожилого возраста, коренными жителями исследуемого поселения. В беседах с пожилыми людьми звучала мысль, что, в прошлом, с ранних лет дети работали, времени играть было мало, поэтому зачастую игры импровизировали трудовую деятельность. Это, например, такая игра как «вуж кут» — «старый лапоть». Суть игры состоит в том, что дети собирают старые изношенные лапти в одну кучу около бани. Один игрок охраняет эту кучу, все остальные пытаются ухватить лапоть и перенести в другое место. Если желающих играть было много, то делились на две команды. Таким образом, данная игра развивала внимательность и ловкость, а также учила детей правильно применять старые ненужные вещи в хозяйстве [3].

Другая игра называется «Лиял вылын пужы» — «Узоры на песке», о которой рассказала Чигвинцева Нина Григорьевна, уроженка д. Малая Уча (Шупшади) Малопургинского района Удмуртии. Правила игры таковы: первый участник игры проводит ногами по песку линии, напоминающие путаницу, узор. Задача второго — пройти от начала линии до конца, не запутав-

шись, не наступив за края линии узора. Эта игра развивает творческое воображение, внимательность и мышление [4].

Собранные во время научных экспедиций новые этнографические материалы пополняют копилку источников по истории культуры народных игр удмуртского этноса, представляя собой важный пласт культурного наследия коренных жителей Прикамского региона.

Сегодня необходимо найти эффективные формы передачи знаний по истории и культуре народа подрастающему поколению. В связи с этим, в настоящее время, специалисты музея уделяют много внимания особому музейному пространству, которое определяют и как интерактивное. Главная задача интерактивного пространства – погружение ребенка в мир игры и приключений, которые ему помогают незаметно для себя приобретать новые знания и делать открытия. Игровые методы выходят в этом процессе на первый план.

На протяжении многих веков игры являются неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Благодаря народным играм, у детей вырабатываются характерные черты менталитета, присущего народу, а также формируются и развиваются личностные качества. В народных играх нашли отражение особенности этнической культуры в различные хронологические периоды, черты общественного устройства и мировоззрения народа.

Знания о народных играх способствуют процессу формирования всесторонне развитой личности, уважительного отношения к истории и культуре своего народа и решению задач по сохранению культурного наследия Удмуртии.

Список литературы

1. Крысько В. Г. [Электронный ресурс] Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ. 1999. URL: <http://ethnopsychology.academic.ru>. (Дата обращения: 24.03.16).
2. Научная концепция развития Архитектурно-этнографического музея «Ильинка». Ижевск, 2001 г. // Архив БУК УР АЭМЗ «Лудорвай».
3. Отчет об экспедиции по северным районам Удмуртии. Ижевск, 2015 // Архив БУК УР АЭМЗ «Лудорвай».
4. Отчет по выезду в д. Малая Уча, д. Арляново, д. Чекалкино Малопургинского района Удмуртской Республики. Ижевск, 2015 // Архив БУК УР АЭМЗ «Лудорвай».

М. В. Матвеева, гр. 46.04.01-06

Научный руководитель — О. А. Казанцева

ПОИСКОВО-ПОЭТАПНЫЕ ИГРЫ НА БАЗЕ МУЗЕЕВ ИЖЕВСКА КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Среди поисково-поэтапных игр особое место занимают квесты [1]. Английское слово quest означает «вызов, поиск, приключение». Обычно квестом называются компьютерные игры, состоящие из нескольких уровней, где игроку нужно проявить смекалку и преодолеть разного рода трудности, чтобы добраться до условного «сокровища» или стать повелителем мира. Живой квест — это салонная детективная игра. Участники живого квеста оказываются в ситуации, в которой перед ними стоит общая цель — поиски убийцы, борьба за сокровища, раскрытие тайны, спасение от бедствия. Каждый из участников получает индивидуальную роль в этой ситуации, а также имеет свои цели, иногда даже идущие вразрез с общей — например, вернуть возлюбленного или узнать о предательстве, восстановить справедливость или, наоборот, замести следы преступления.

Наличие нескольких целей в квесте обеспечивает разноплановость игры. Игрок сам может определять, какая цель для него первоочередная. Суть игры — выполнить как можно больше целей. Для этого игрокам необходимо общаться между собой, анализировать информацию о других персонажах, известную им из их роли, получать дополнительную информацию, искать улики, думать над мотивами, вступать в союзы, блефовать, интриговать и убеждать. Исход игры обычно полностью зависит от действий игроков.

Специфика квестов в том, что чаще всего искомое «сокровище», конечная цель игры, оказывается тематически связанным с профилем и деятельностью музея или же с тематикой выставки, в рамках которой организовано мероприятие.

Система культурно-массовых мероприятий учреждений культуры в настоящее время весьма успешно использует квесты в качестве метода работы с командами, молодыми коллективами — школьными, студенческими, сформированными по какому-либо иному — профессиональному или информационному признаку — такому, как, например, общее увлечение какой-либо книгой: в таком случае квест организовывается в соответствии с ее темой, локациями и атрибутикой. Тематика и территориальный охват данного рода мероприятий совершенно разные — от ограниченных одним помещением до проводимых в рамках улицы, района и города.

Впервые квесты в музеях России появляются в Санкт-Петербурге в 2010 г. Их отличие от других форм работы с посетителем состоит в том, что в условиях ролевой игры за ее исход ответственны не организаторы, а участники. К тому же квест подразумевает более полное погружение в атмосферу музея, чем традиционный осмотр экспозиции.

Квесты на образовательной основе позволяют не только развлечься, но и усвоить информацию в легкой форме, адаптированной на публику разных возрастов. Зачастую на общедоступных ресурсах — официальных сайтах музеев, а также сообществах в социальных сетях или афишах выложена не только краткая концепция, но и само задание. Правда, без практического подхода невозможно оценить, как именно приоткрытый полог тайны влияет на посещаемость мероприятий — лишает он их интриги или напротив, побуждает все более широкие слои населения принять участие в квесте.

Также информацию, подчас эксклюзивную, можно получить из средств массовой информации, целенаправленно публикующих сведения о мероприятиях для читателей. Примечательным является то, что мероприятия разделены не только по тематике, но и по возрастным категориям. Следовательно, и их разработка происходит с учетом целевой аудитории — детей младшего и среднего школьного возраста.

Музейный квест в реальности выполняет сразу несколько функций:

- информационная — в процессе прохождения квеста участники получают необходимую информацию, чтобы правильно распорядиться ресурсами и отпущенным временем и достигнуть поставленной цели;
- созидательная — иногда результатом квеста, также как и любого другого мероприятия, проходящего в музейной среде, является некий материальный предмет, созданный участниками в процессе поэтапной игры, который впоследствии можно использовать в экспозиционных целях в зависимости от его значимости;
- воспитательная — зависит от тематики квеста и тематики экспозиции, в рамках которой он проводится. Это может быть и патриотическое, и эстетическое воспитание, преподносимое ненавязчиво, в игровой форме.

Позитивным в поэтапных играх как образовательном процессе является тот факт, что необходимые навыки участникам не насаждаются насильно — их освоение является необходимым условием для завершения игры, следовательно, у каждого принимающего в ней участие есть собственная мотивация на освоение этих навыков.

Одним из рисков квестовой системы, однако, является неверная расстановка приоритетов заданий участниками. Например, в начале игры организаторами оговаривается, что побеждает та команда, которая достигнет цели быстрее всех, если идет состязание между несколькими командами. В результате информационный интерес в сознании участников, и особенно подростков, подменяется на спортивный — группа с ошеломительной скоростью проходит все этапы, при этом не утруждая себя запоминанием преподносимой информации, а ведомая цель — быстрее достигнуть финиша. Данная ситуация чревата тем, что в конце мероприятия, даже при условии скорейшего достижения цели, необходимая информация так и не усваивается участниками. Ответственность за верное и корректное преподнесение цели и задачи игры в данном случае лежит на организаторах.

Музеи — сначала частные, такие, например, как Музей Социалистического быта (г. Казань), а теперь и государственные, в том числе и музеи Ижевска — выставочный центр

«Галерея», Музей Ижевска, Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств – также взяли идею с квестами на вооружение.

Проанализируем опыт проведения квестов, как одного из интерактивных способов работы с посетителем, Музея Ижевска [3]. В июне 2014 г. сотрудники Музея Ижевска организовали квест «Тайны Генеральского дома» при помощи студентов Исторического факультета УдГУ (в числе которых была и автор статьи) и обучающихся Республиканского колледжа культуры. Участниками квеста стали учащиеся начальных классов из школьных лагерей. Игра длилась около часа, в день в ней участвовало до трех отрядов (60 человек). Каждый отряд делился на несколько команд — примерно по пять человек, которые соревновались за право разгадать тайны Генеральского дома и добыть сокровище.

Сценарий квеста состоял из четырех этапов, за каждым из которых была закреплена определенная пространственная локация. Первый этап проходил во входном холле Генеральского дома, где дети узнавали об архитекторе И.Т. Коковихине. Второй этап состоялся в пространстве под балконом Генеральского дома, выходящим на набережную, а третий этап – в ротонде «Ореадна» и, наконец, четвертый — у памятника М. Горькому, находящемуся на территории Летнего сада. Участникам квеста предстояло узнать, почему дом называется «Генеральским», кто был его архитектором, какие учреждения и комитеты располагались в нем в советское время, почему парк им. Горького так назван, хотя, сам Горький никогда в Ижевске не был.

Один из наиболее запоминающихся моментов квеста был придуман и проработан организаторами уже на этапе апробации мероприятия — школьникам была проиллюстрирована старая легенда о том, что в Генеральском доме обитает призрак. Кому именно этот призрак принадлежит, не уточнялось, однако все негласно сошлись во мнении, что «привидением» вполне может быть Вера Евстафьевна Богдановская — супруга генерала Якова Козмича Попова, доктор химии, дочь известного русского хирурга, профессора медико-хирургической академии Е. И. Богдановского, одна из первых русских женщин-химиков.

В результате игры каждая команда достигла конечной цели — клада, спрятанного в одной из комнат Генеральского дома, найти который можно было, только сопоставив все полученные в ходе игры сведения.

Впоследствии коллективом музея были организованы квесты «Рождественские тайны Генеральского дома», приспособленные уже только для проведения в помещениях, так как проводился в зимнее время.

После каждого квеста Администрация музея проводила среди участников опрос на предмет того, какая информация показалась им самой интересной и запоминающейся. В результате удалось выяснить, что наибольшее впечатление на детей произвела история Веры Евстафьевны Богдановской.

Ярким примером квеста является прошедшая со 2 февраля по 20 марта 2016 г. в ВЦ «Галерея» выставка «Живая механика Да Винчи» [2]. Организованные экскурсии для посетителей младшего школьного возраста имели форму путешествия с подсказками — возле нескольких экспонатов детей ждали записочки, открывающие какую-нибудь тайну, касающуюся сооруженных механизмов, но прочитать их просто так было невозможно — каждое послание было зашифровано «почерком Леонардо» — для того, чтобы прочесть его, необходимо было воспользоваться зеркалом. Однако наибольшее впечатление на участников произвели сами экспонаты, которые можно было не просто трогать, но самостоятельно собрать, следуя чертежам самого Леонардо. И хотя территория выставки во время квеста напоминала в большей мере игровую площадку, нежели территорию соприкосновения с искрой гения, участники и организаторы остались взаимно довольны происходящим.

Интерактивные методы работы с посетителем в музеях г. Ижевска на данный момент приобретают все большие масштабы. Причем, если ранее речь шла о том, что более гибкую и активную политику в этом отношении проявляют малые музеи — частные и ведомственные, то по результатам «Библионочи» и «Ночи-Музеев-2016» уже можно смело говорить о том, что очередь дошла и до государственных. Например, в Удмуртском музее изобразительных искусств был проведен квест «ИЗО: Исследуй – Запоминай – Открывай» в виде игры-викторины по выставкам музея для детей от 12 лет [4].

Статичность постоянных выставок с их монументальной серьезностью не может служить гарантом того, что посетитель уйдет из музея, обогатившись знаниями и с чувством полного удовлетворения и уважения к создателям выставки. Музеям стал необходим личностный подход к посетителю, направленный на гармоничное взаимодействие музея и публики, часто проявляющийся через культурно-массовые мероприятия музеев.

Квесты, проводимые в музеях, наряду с такими мероприятиями, как экскурсии, кинопоказы, тематические вечера, лекции, чтения, дискуссии, круглые столы, концерты, балы, викторины, презентации становятся неотъемлемой частью современной музейной культурной жизни.

Квест как один из видов интерактивной деятельности в перспективе может подойти не только детям, но и взрослым посетителям. По мере развития система поисково-поэтапных игр усложняется, перенимает некоторые приемы из уже существующих так называемых фандомных квестов для взрослых (проводимых по материалам и с атрибутикой, например, известного литературного произведения). В недалеком будущем, надо полагать, музеи также будут расширять и развивать квестовую систему, придавая ей все большую информационную емкость и многогранность.

Список литературы

1. Квест «Империя квестов» [Электронный ресурс]. URL.: <http://quests.by/o-nas/chto-takoe-zhivye-kvesty/> (дата обращения 29.04.2016 г.).
2. Сайт «ВЦ Галерея» [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.centrgalereya.ru/> (дата обращения 10.05.2016 г.).
3. Сайт «Музей Ижевска» [Электронный ресурс]. URL.: <http://muzeiizhevsk.ru/> (дата обращения 20.05.2016 г.).
4. Сайт «Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств» [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.urmii.ru/> (дата обращения 03.05. 2016 г.).

А. В. Нечаева, гр. 46.04.01

Научный руководитель — Г. Н. Журавлёва

ПРОДВИЖЕНИЕ МУЗЕЯ В ИНТЕРНЕТЕ НА ПРИМЕРЕ ЧАЙКОВСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ

Музеи, начиная с XVIII в., являлись центрами культурной, образовательной жизни, показывали уровень развития общества и отношения к своему прошлому. Все это сохраняется в настоящее время, но задачи музеев, методы и формы действия на протяжении лет меняются, что продиктовано экономической, политической, культурной ситуациями. В России в XX в. музей должен был учить своего зрителя, но уже в конце XX в. музейно-педагогическая концепция передачи научного знания пересматривается. Музеи активно начинают взаимодействовать с обществом и индивидуальным посетителем. И если раньше главным в музее являлось показать коллекцию, то сейчас музей – это площадка для социального взаимодействия разных групп населения, экспериментов и нововведений.

Катализатором укрепления позиции, что музей — это не место, где диктуется свой взгляд на мир, а площадка для выражения разных мнений, суждений и взглядов, стало развитие интернета. «Всемирная паутина» характеризуется быстротой передачи информации, ее своевременностью, из-за чего музей уже не может оставаться в застывшем состоянии. Ему постоянно нужно взаимодействовать с посетителем, узнавая, каков он и чего хочет и каким образом музей может в этом помочь. Из-за этого исследование коммуникативной функции — взаимодействие с различными аудиториями, является важным направлением в изучении музея.

Чтобы найти новые способы коммуникации со зрителем музеи используют современные способы: музейный сайт, социальные сети. По данным ФОМ за весну 2015 г. более 65% взрослого населения страны, 76 млн, охвачено сетью Интернет. За 2015 г. в стране появилось почти 6 млн новых пользователей, а дневная аудитория выросла на 6,7 млн человек [1]. А это значит, что использование этих ресурсов является хорошим подспорьем для развития коммуникационной стратегии музея.

Два основных направления развития музея в интернете: социальные сети и сайт музея. Сайт музея берет на себя много функций, он становится официальным представителем учреждения в сети. Многие посетители перед тем, как пойти в музей, ищут информацию на сайте. Так мы видим его имиджевую функцию: как выглядит сайт, как он поддерживается, постоянно ли обновляется информация — все это влияет на мнение о музее.

Также у сайта есть просветительская функция, которая заключается в представлении коллекции, научно-популярных материалов, связанных с музеем, лекций, видео-экскурсий.

Чайковская художественная галерея является одним из интереснейших русских провинциальных музеев. Своим рождением она обязана московскому коллекционеру А.С. Жигалко, знатоку и ценителю изобразительного искусства. В течение всей своей жизни он собирал произведения живописи, графики, скульптуры и в 1969 г. подарил их г. Чайковскому на Каме. Галерея была открыта 21 февраля 1970 г. На протяжении длительного времени происходит непрерывный процесс формирования музейных коллекций. В 1986 г. в галерее был открыт отдел современного искусства Урала. Целью его создания явилось желание познакомить зрителей с наиболее интересными произведениями мастеров уральского региона.

Весомый вклад в формирование коллекций галереи внес пермский врач, кандидат медицинских наук Марк Михайлович Ботштейн. В результате многолетнего увлечения он сформировал собрание каслинского художественного литья, которое подарил галерее в 1985 г. В 1993 г. свои картины подарил галерее московский художник И.П. Рубан, посвятивший свое творчество полярным областям нашей планеты. Кроме Чайковской художественной галереи наследие художника хранится в лучших музеях нашей страны и за рубежом, в том числе в Государственной Третьяковской галерее и Государственном Русском музее.

Каждый музей имеет свое лицо. Чайковская художественная галерея – это музей даров. Крепкие творческие контакты связывают галерею со многими современными художниками Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Ижевска и других городов [4].

На сайте галереи просветительская функция отражена в виде электронных экспозиций: «Бубновый валет», «Я воспою тебя в веках», «Коллекция детских образов», экспозиция к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне [3]. Все художественные работы для электронной экспозиции были взяты из фондов, для того чтобы осветить коллекцию, недоступную обычному посетителю, и показать обширность коллекции. Информация о художниках, выставленных в галерее, позволяет расширить кругозор перед походом в галерею или после, узнать о насыщенности коллекции. Способствует просвещению и информация об истории открытия галереи, а отсканированные статьи о галерее, начиная с ее открытия, могут быть использованы как исторический источник для исследований.

Уже перечисленные возможности сайта могут служить и для удовлетворения информационной функции, такие как история галереи, статьи о галерее, электронные экспозиции. На сайте есть раздел, посвященный коллекции галереи. Как раз благодаря ему одна из работ стала атрибутированной. Сотрудник Русского музея заинтересовался картиной, на которой была изображена сидящая девушка в платье стиля ампир, но кто изображен и автор картины были неизвестны (надпись каталога: «Неизвестный художник. Портрет неизвестной»). У искусствоведа сразу появилась догадка, что это может быть портрет великой княгини Елены Павловны. Сравнив изображение из коллекции Чайковской галереи с известными ранее изображениями, искусствовед сделал заключение, что написанная на портрете девушка — великая княгиня Елена Павловна, а сделан он неизвестным художником около 1823 г.

В галерее есть виртуальная 3D-экскурсия, где посетитель может «походить» по залам и ознакомиться для дальнейшего взаимодействия с музеем. Афиша выставок, уроки прекрасного (музейно-образовательные программы), заявка на экскурсию помогают потенциальному посетителю разобраться в предоставляемых услугах и продуктах галереи.

Подробнее рассмотрим структуру сайта Чайковской художественной галереи.

Прежде всего, сайт музея адаптирован для разных целевых категорий, сайт удобен для пользования туристами и горожанами, СМИ и общественностью, которые, кроме личного интереса, профессионально заинтересованы в активной деятельности музея на сайте (например, своевременная подача новостей); сотрудниками и волонтерами; меценатами, спонсорами. Для удобства работы вся информация о времени работы и телефоне для справок выведена на верх-

ную панель страницы. Ниже «Афиша выставок» — то, что с самого начала может привлечь потенциального посетителя. Главная страница музея содержит два промоблока, один из которых находится в верхней части страницы и презентует постоянную экспозицию, другой, находящийся в верхней панели правом поле страницы — выставки в галерее. Достоинством верстки является новостная лента, размещенная на главной странице сайта. На ней можно увидеть события, которые только анонсируются или недавно прошли в галерее (вернисажи, мастер-классы, конкурсы). Сайт музея адаптирован к работе на небольших экранах смартфонов, так как в интернет все чаще заходят с мобильных устройств или планшетов. Разработка с применением адаптивной верстки (динамически подстраивается под заданные размеры окна браузера), делает его универсальным для различных пользователей.

Сайт галереи полностью интегрирован с социальными сетями и позволяет использовать встроенные виджеты. Таким образом, веб-сайт музея выполняет имиджевую, информационную и просветительскую функции, которые делают его удобным и эффективным коммуникационным инструментом для работы с его аудиторией. Это прежде всего его многофункциональность, отработанные сценарии взаимодействия с различными пользователями, открытость в использовании материалов музея, удобная навигация и интерфейс, универсальность в работе с различными устройствами, а также красивый дизайн. Так, с 2013 по 2016 г. количество посетителей сайта возросло на 200%.

Каналом музейной коммуникации также являются социальные сети. В России наибольшей популярностью пользуются ВКонтакте, Одноклассники, Твиттер, Фейсбук и Инстаграм. Этот канал активно используется как зарубежными, так и российскими музеями. К функциям, которые уже были перечислены для работы с сайтом (имиджевая, информационная, просветительская), добавляется еще одна — коммуникационная. Социальные сети объединяют большое количество людей, по данным за 2015 г. более 54,6 млн человек зарегистрировано во ВКонтакте, 40 млн — в Одноклассниках, 24 млн — в Фейсбуке, 13 млн — в Инстаграмме и 8 млн — в Твиттере [2]. С помощью соцсетей люди общаются, делятся интересной информацией, находят контент, исходя из своих предпочтений. И музеи должны быть активным участником этих событий: создавать группы в соцсетях, мероприятия, для того чтобы доступ к ним для потенциального посетителя был проще. Также благодаря соцсетям можно привлечь посетителя, еще незнакомого с музеем, а главная и уникальная возможность состоит в поддержании долгосрочного общения с посетителями.

Специалист, работающий с соцсетями, должен осознавать, какие задачи стоят перед музеем, маркетинговые стратегии, потому что от этого зависит выбор соцсети, способ общения с подписчиками. Вне зависимости от конкретных задач музея, можно выделить общие задачи, характерные для каждого музея:

- 1) привлечение аудитории посредством интересного контента для просмотра музея вживую;
- 2) представление информации о выставках, проектах, музейно-образовательных программах, научной работе и т. д.;
- 3) формирование позитивного образа музея в обществе;
- 4) проведение конкурсов и акций с целью привлечения к тематике музея и самому музею;
- 5) общение с аудиторией (ответы на заданные вопросы, сглаживание возможного негатива);
- 6) продвижение культуры и искусства;
- 7) сбор качественных и количественных данных о настоящей и возможной аудиториях музея.

Чайковская художественная галерея имеет страницы на 3 площадках: ВКонтакте, Instagram, Twitter. Они используются для информирования о новых событиях, новостях в музее и его выставках, там публикуются фотографии с мероприятий. Важно, что аудитория может обратиться напрямую к сотруднику (его контакты доступны пользователям).

На данный момент (23.05.2016) в группе галереи в ВКонтакте — 354 подписчика; в Твиттере — 6683, в Инстаграмме — 42. Небольшое количество подписчиков в Инстаграмме обусловлено малой распространенностью этой сети в небольших городах [2].

Для того чтобы работа в социальных сетях приносила отдачу в виде новых посетителей музея, заинтересованных в работе музея людей, следует разделять посетителей на целевые аудитории и работать с ними по-разному. Целью коммуникации является привлечение различных пользователей и расширение аудитории, ведь музей — это площадка для людей, имеющих разные взгляды и мнения, через которые отражается современность. Только благодаря активному диалогу сотрудника музея с его посетителями музей может существовать.

Список литературы

1. Развитие интернета в регионах России. Режим доступа: https://yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015/#privolzhskijfederalnyjjokrug. 23.05.2016
2. Социальные сети в России сегодня: цифры, тренды, прогнозы. Режим доступа: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-cifry-trendy-prognozy/>. 23.05.2016
3. Чайковская художественная галерея. Открытые фонды. Режим доступа: <http://chaikovskiy-gallery.ru/otkrytye-fondy.html>. 23.05.2016
4. Чайковская художественная галерея. О галерее. Режим доступа: <http://chaikovskiy-gallery.ru/o-galeree.html>. 23.05.2016

*Д.С. Болотников, гр. ОМ-46.04.01.04-13
Научный руководитель — В. Р. Золотых*

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Прежде чем рассматривать такое политическое течение, как «неоконсерватизм», необходимо разобрать структуру самого термина. Приставка нео- происходит от греческого слова «neos» — новый, соответственно, можно сделать вывод о том, что термин «неоконсерватизм» подразумевает новый взгляд на консерватизм, возрождение консерватизма в исключительно новом ключе и имеющем ряд отличий. Вторая часть термина — «консерватизм». Консерватизм как идеология зародился в Великобритании, в 1790 г. увидела свет книга Э. Бёрка «Размышления о Французской революции», где были изложены основные принципы консерватизма и резкая критика французских революционеров.

«Консерватизм (от лат. conserve — сохранять) — идеологическое направление, сторонники которого (консерваторы) отстаивают идеи сохранения существующего государственного положения, форм управления и традиций в социально-политической жизни, культуре, быту и духовной сфере» [3, с. 237].

Ближе ко второй половине XX в. в США формируется новое политическое течение, именуемое неоконсерватизмом. Родоначальником теории неоконсерватизма является Лео Штраусс, ведь именно его идеи были подхвачены группой студентов Нью-Йоркского городского колледжа, которые впоследствии стали идеологами неоконсерватизма. В эту группу входили Ирвинг Кристол, Натан Глейзер, Дэниэл Белл, Филип Селзник, Ирвинг Хау, Сеймур Мартин Липсет, Дэниэл Патрик Мойнихен. Особенностью этих студентов было то, что по большей части они были выходцами из рабочего класса, из семей ранее иммигрировавших в США. В середине XX в. многие студенты в США выступали против набирающей обороты Холодной войны и проводимой политики маккартизма, многие из них были приверженцами левых, либеральных и троцкистских взглядов. Ряды неоконсерваторов ширились и в 1945 г. появляется издание «Commentary», которое занималось вопросами религии, политики и социума и продвигало неоконсервативные идеи в массы. Возглавил данный журнал Норман Подгорец, который позже объяснил, почему стал придерживаться правых взглядов.

Первоначально неоконсерваторы пытались занять свое место в политической системе США, примкнув к Демократической партии. Это объяснялось тем, что демократы уделяли должное внимание потенциалу выходцам из иммигрантских семей, а также Демократическая партия имела прогрессивные принципы, направленные на социальные и экономические рефор-

мы: расширение прав различных групп населения — религиозных, национальных, сексуальных меньшинств, сбалансированный бюджет.

Из идеологов неоконсерватизма прежде всего необходимо выделить «крёстного отца» неоконсерватизма — Ирвинга Кристола. Именно он считается основным теоретиком данной идеологии, хотя сам позиционировал неоконсерватизм как убеждение: «Неоконсерватизм — это то, что покойный историк джексоновской Америки Марвин Мейерс назвал убеждениями, которые выявляются в течение долгого времени и имеют смысл, поддающийся уяснению только в ретроспективе» [2].

И. Кристол не только блестящий автор множества книг и статей, посвященных неоконсервативной мысли, а также создатель печатных изданий, пользующихся большой популярностью во всем мире: *The Public Interest* и *The National Interest*. Республиканская партия также обратила свое внимание на неоконсерваторов и в 1970-х гг. данное течение получает большую популярность среди республиканцев. Несомненно, первоначально неоконсерваторы тяготели к демократам, о чем говорит фраза Ирвинга Кристола: «Неоконсерватор — это либерал, схваченный за горло реальностью» [2]. Но позже, в своей работе И. Кристол заявил: «Исторические и политические цели неоконсерватизма сразу были очевидны: сделать Республиканскую партию и американский консерватизм в целом новым видом консервативной политики, пригодным для осуществления современной демократии. Неоконсерватизм является первым специфически американским вариантом американского консерватизма. Он исполнен надежды, а не мрачен, перспективен, а не ностальгичен, его общий тон радостен, а не желчен. Его герои XX века — это, как правило, Рузвельт и Рейган» [2].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что И. Кристол видел в неоконсерватизме будущее США. Будущее, основанное на консервативной традиции. Также необходимо упомянуть Нормана Подгореца, как одного из идеологов неоконсерватизма. Н. Подгорец создал издание «*Commentary*», и на его страницах совместно с Ирвингом Кристолом формировал неоконсервативную теорию. С конца 1960-х гг. Н. Подгорец отрекся от либеральной идеи и стал приверженцем консерватизма, покинул Демократическую партию и примкнул к республиканцам.

В теории неоконсерваторов прослеживаются идеи консерватизма и традиционализма: поддержка национального самосознания, моральных и нравственных устоев, частной собственности, семьи, церкви, школы. Прослеживается некая степень изоляционизма как ответ на миграционные процессы. В теории неоконсерватизма можно выделить три главных политических течения.

1. Либертариизм. Основными теоретиками либертариизма являются Ф. Хайек и М. Фридман. В основе данной теории находится идея свободы человека как индивида от всякого принуждения. Приоритет должен отдаваться индивидуализму, свободному рынку и конкуренции.

2. Этноцентризм. В этноцентризме приоритет отдается этническим и культурологическим вопросам. От традиционного консерватизма они отличаются тем, что отдают приоритет народу или нации, а не христианским ценностям, считая в свою очередь, что именно христианство в XIX–XX вв. породило идеи коммунизма и социализма.

3. Неотрадиционализм. Неотрадиционализм является наиболее близким течением к классическому консерватизму, так как основывается на традиционных идеалах консервативного общества: церковь, семья, школа, частная собственность. Неотрадиционалистами близки идеи классиков консерватизма, таких как Э. Берк и Токвиль.

Знаменитый философ нашего времени Френсис Фукуяма одно время причислял себя к неоконсерваторам и в теории неоконсерватизма выявил четыре основополагающих принципа. Данные принципы раскрывают основную суть этого политического течения, а также помогают выявить отличия в идеях неоконсерваторов от приверженцев других политических воззрений:

1. Внутренний характер режима влияет на внешнюю политику, которая должна отражать глубинные ценности либерально-демократических обществ.

2. Убеждение, что американская мощь уже использовалась и может быть использована в нравственных целях и Соединенным Штатам необходимо по-прежнему активно участвовать в международных делах.

3. Недоверие к масштабным проектам социального строительства. Нежелательные последствия программ социального планирования — постоянная тема сочинений авторов неоконсервативного направления и скептический взгляд в 1960-х гг. на проект «Welfare state».

4. Наконец, скептицизм в отношении легитимности и эффективности механизмов международного права и международных институтов при обеспечении безопасности или справедливости [5].

Неоконсерваторы в своих политических воззрениях довольно часто обращаются к наследию консерваторов и к достижениям отцов-основателей США — двухпалатная законодательная власть, система сдержек и противовесов, мир и консенсус, обеспечение прав и свобод человека, представительная демократия и разделение властей.

Как правило, неоконсерваторы позиционируют себя ревностными защитниками прав человека, как в США, так и по всему миру. По их мнению, права и свободы человека может обеспечить государство, основанное на традиционных демократических принципах. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что неоконсерваторы определяют государство и правительство как важный инструмент общества, созданного для обеспечения и защиты прав и свобод человека, независимости, морали, частной собственности и охраны общества от каких-либо внутренних и внешних угроз.

В отношении экономики неоконсерваторы являются яростными приверженцами неоклассических теорий монетаризма и рациональных ожиданий. Вслед за неоклассиками экономической теории Р. Лукасом и Р. Барро они верят в ценности свободного рынка, частного предпринимательства и конкуренции. По мнению неоконсерваторов, роль государства в экономике должна быть существенно ограничена, быть исключительно регулирующей — направленной на расширение рынков и создание новых экономических возможностей. Данная экономическая модель нацелена на общее укрепление экономических отношений, обогащение общества и государства.

В сфере международной политики воззрения неоконсерваторов наиболее точно были изложены Ирвингом Кристолом:

1. Патриотизм — это естественное и здоровое чувство, которое должно поощряться частными и государственными институтами.

2. Мировое правительство — это ужасная идея, так как она может привести к мировой тирании. К международным институтам, которые придают особое значение основному мировому правительству, следует относиться с большим подозрением.

3. Государственные деятели должны, прежде всего, уметь отличать друзей от врагов. Это не так просто, как кажется, о чем свидетельствует история «холодной войны».

4. Для великой державы «национальные интересы» — это не географическое понятие, если не принимать во внимание достаточно прозаичные вопросы регулирования торговли и окружающей среды [2].

Подводя итог, можно сказать, что Ирвинг Кристол был прав в своем изречении: «Неоконсерватизм полон надежд, а не скорби, он смотрит в будущее, а не тоскует по прошлому» [2], так как принятые в администрации США неоконсервативные методы ведения политики показали свою эффективность, особенно в период президентских администраций Джорджа Буша-старшего и Джорджа Буша-младшего. Неоконсерваторы отличаются тем, что они больше, чем последователи других политических течений в правительстве Соединённых Штатов, привержены глобальному лидерству США, и они знают, что цена такого лидерства очень высока. В комплексе теория неоконсерватизма представляет собой относительно новую, но крайне продуктивную модель управления государством.

Список литературы

1. Irving Kristol. Neo-conservatism: The Autobiography of an Idea, 1995.
2. Ирвинг Кристол. Неоконсервативное убеждение.
URL: <https://www.proza.ru/2013/01/07/1481>
3. Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012.
4. Сергеев И. Ф. Партии и партийные системы стран западной Европы и США в XX – начале XXI века: учеб. пособие. Ч. II. Ижевск, 2013.

5. Фрэнсис Фукуяма. Наследие Неоконсерватизма.
URL: [https:// burusi.wordpress.com/2013/01/21/fucuyama/](https://burusi.wordpress.com/2013/01/21/fucuyama/)

А. А. Лукьянов, гр. ОАБ-41.03.01-31
Научный руководитель — А. Л. Колзина

ОБРАЗ МАО ЦЗЭДУНА В ГЛАЗАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Несмотря на то, что Мао Цзэдун оставил в истории XX в. не меньший след чем, например, Черчилль, Сталин, Рузвельт или Гитлер, его личность не часто становится предметом специального исторического исследования в российской науке. В этих условиях говорить о наличии каких-либо академических работ в русле историко-антропологического подхода и вовсе не приходится. Между тем представления о Мао Цзэдуне в научном и массовом общественном сознании имеют самый разнородный и противоречивый характер. Что уж говорить об остальном мире, когда в самом Китае образ Мао в массовом сознании за последние 40 лет изменялся два раза. Сначала он был великим и идеальным вождём, после 1980-х гг. Мао остался таким же великим, но уже не столь идеальным — признавалось, что он совершил ряд ошибок. С 2012 г. Мао вновь обрел ореол совершенного вождя [1]. Подобная ситуация ещё более разжигает интерес к изучению истоков этих представлений: когда они зародились, кто их создавал и на сколько сильно они отличаются от тех, что распространены сейчас.

Для воспроизводства образа Мао Цзэдуна в глазах современников автором была проведена предварительная работа, заключающаяся на первом этапе в отборе источников, их обработке на предмет выявления образа и его резюмировании. На втором — проводилось расщепление каждого образа на ключевые характеристики, и их систематизация. На третьем — анализ полученных результатов. Некоторые из полученных выводов приводятся ниже.

Главным критерием отбора источников для исследования служило условие, согласно которому их авторы должны были состоять в прямом контакте с Мао. Таким образом, было отобрано 19 человек, которые в разные годы с 1935 по 1999 г. составляли о нём то или иное мнение. Среди них были личные врачи, секретари, телохранители, разведчики, родственники, соратники, журналисты, дипломаты, лидеры сверхдержав и так далее. Систематизировав все данные, можно увидеть, как их представления о Мао Цзэдуне эволюционировали в течение почти 60 лет.

Следует понимать, что в нашем исследовании речь не идет об образе Мао в массовом сознании. Если же о нем упоминается, то только для придания контраста основному предмету обсуждения. Главный вопрос в том, каким был Мао в представлении современников, имевших с ним опыт общения. В процессе изучения источников, все воспоминания современников подвергались критическому анализу на предмет достоверности передаваемого образа. То есть в задачу ставилось выяснить, мог ли автор в момент фиксации образа находиться под воздействием факторов, которые бы заставили его исказить собственное представление в угоду интересам третьих лиц.

Для начала отметим следующую закономерность. Там, где степень достоверности образа низкая, там характеристики Мао приобретают абсолютный характер: он выглядит либо совершенно идеальным вождем, либо совершенно ужасным деспотом.

Идеальным вождём Мао предстает в биографии, составленной его 3-й женой Хэ Цзэчжэнь [2, с. 263–272], и в анкете, составленной его братом Мао Цзэминь [2, с. 251–259]. Оба образа были зафиксированы примерно в одно и то же время. Один — в 1938 г., другой — в 1939 г. соответственно. И тот, и другой также были записаны по просьбе Коминтерна по прибытии в СССР. И в том, и другом документе личные представления выражены очень скудно.

Более обширные, но такие же идеальные представления о Мао встречаются у Эми Сяо — друга юности, который позже вспоминал о Мао в своих мемуарах [3]. Однако наличествующая на данный момент информация не позволяет однозначно толковать его образ как образ высокой степени достоверности.

Абсолютный, но противоположный по коннотации образ создаётся в записках Власова. Он был советским разведчиком, пребывавшем в Китае с 1942 по 1949 г. [4]. Степень достоверности его записей низкая, вследствие последующих переработок этих воспоминаний соответствующими советскими органами перед их публикацией в связи с ухудшением отношений с Китаем. В них Мао выглядит ужасным деспотом.

Что касается конкретных представлений о Мао, то они довольно разнообразны. Рассмотрим некоторые из форм воплощения «Великого кормчего».

Первый — довольно очевидный — образ вождя. Интересно то, что его положительное восприятие преобладало над отрицательным восприятием. Мао гораздо чаще описывают как великого, идеального, незаурядного, заботливого, свободного от мании величия вождя, императора, эпического героя, бойца [5; 2, с. 263–272; 2, с. 251–259; 2, с. 232–245; 6, с. 94–105; 7, с. 286–309; 8; 9, с. 384–437; 10; 11, с. 79–102]. И гораздо реже встречается восприятие Мао как феодального деспота, диктатора, современного Цинь Шихуанди, плохого управленца, жестокого, авторитарного [12; 13; 14; 15]. При этом оценки ближнего и дальнего окружения относительно этих двух ипостасей распределяются поровну. Также заметим, что в целом образ вождя гораздо чаще проявляется в 1950-е, 1960-е, 1970-е гг. Ранее, до 1949 г., этот образ возникает, но значительно реже.

Никто из обозначенного круга современников непосредственно не воспринимал Мао как властолюбца до 1950-х гг. В это время косвенно об этом говорят лишь два человека — оба американских журналиста. Один говорит, что Мао верит в своё предзнаменование быть вождем [5, с. 117], а другой просто констатирует факт, что у Мао есть огромная власть [16, с. 165]. После 1949 г. об этом начинают говорить прямо (Мао — властолюбец), при этом уже в два раза большее количество людей [4, с. 82; 13, с. 368; 10, с. 449; 17, с. 88].

До 1949 г. в представлениях современников Мао жил как оратор [5, с. 94; 16, с. 40; 3, с. 103; 6, с. 182]. Чаще его называли «блестящим» оратором. Хотя отрицательные образы также наличествуют. В любом случае, плохим или хорошим, но оратором он был. Однако, после 1950-х гг. образ оратора исчезает.

Если же говорить об образах, которые прошли через всю жизнь, то один из них — это образ очень умного человека [3; 5; 2; 17; 18; 13; 8; 7]. Об этом писали как те, кто его любил, так и те, кто его ненавидел. Например, Н.С. Хрущев, который к нему отрицательно относился, писал, что, мол, «сейчас у некоторых людей проскальзывает мнение, что Мао — дурак, выживший из ума. Неверно! Он умный человек» [13, с. 370]. Эту черту в Мао он подчеркивает достаточно часто, подтверждая её тем, что его, Хрущева, Мао порою «просто обманывал». Данный сюжет звучит особенно комично, если вспомнить, что Мао Цзэдун, после встреч с Н. С. Хрущевым, называл его «дураком».

Образ Мао как природы не совсем правдивой и искренней, проявляется на протяжении всей жизни, но в наибольшей степени в конце 1940–1950-х гг. [6; 2; 4; 18; 13; 8; 10]. При этом половина современников, у которых возникает этот образ, являются представителями Советского Союза. Создавая этот образ, современники используют такие эпитеты, как: неискренний, лицедей, артист, льстец, знаток двуличья; человек, который не договаривает; говорит не о том, о чем думает; обманывает; разыгрывает спектакли.

Также образ, который Мао пронес через всю жизнь, это образ человека с отличным врожденным чувством юмора. О нем пишут, что он мог пошутить, разрядить обстановку, его смех был приветливый и до конца жизни он сохранял оптимистичный настрой [9; 7; 8; 5; 3].

Один из самых популярных образов, который воспроизводят современники — это образ сильного духом человека. Подавляющее большинство на протяжении всей жизни Мао отмечали его огромную силу воли, настойчивость, упрямство, твердость духа, решительность, упорство и целеустремленность [16; 5; 3; 2; 17; 7; 8; 9; 11].

Крестьянская сущность в Мао проглядывает чуть реже, но также стабильно проявляется в течение жизни. Этот образ всплывает в 1930-х, конце 1940-х и 1950-х гг. [18, с. 116; 5, с. 418; 9, с. 402]. Современники отмечают, что манеры его просты и грубы, человек он совершенно простой, от земли, эдакий китайский Пугачев, крестьянский вождь.

Когда читаешь мемуары того ближнего окружения [16; 9; 7; 11], которое не было связано с политикой: личных врачей, телохранителей, секретарей, то невольно проникаешься к

Мао той симпатией, которой проникались они. Именно они испытывали к Мао наиболее теплые чувства. Они в своих воспоминаниях изображали его как заботливого, справедливого и при этом видели в нём не божество как массы, а прежде всего обыкновенного человека, который был не обделен сентиментальными чувствами и мог заплакать в грустный момент. В их восприятии у Мао один вид крови вызывает настолько сильное отвращение, что он не может на неё смотреть, а напрасные жертвы порождают злость и негодование. Если привязывать этот образ ко времени, то возникает он в 1950-е гг. и держится до самой смерти.

Не менее примечателен тот факт, что образ Мао как пожилого человека впервые появляется лишь к началу 1970-х гг. [7, с. 293; 11, с. 87]. То есть в сознании современников он состарился только к 1977–1978 гг., а до этого он был «моложав». В эти годы он предстает в образе: Старца с Горы; одряхлевшего старика; седовласого, почтенного старца; мертвенно-бледного облика. Этот образ лишь косвенно коррелирует с образом Мао в массовом сознании: с 1970 г. в газетах перестают писать о Мао как о «пышущем здоровьем, полным сил» [18; с. 724] председателе, о состоянии его здоровья отныне просто умалчивают.

Обозревая представления современников, понимаешь, что Мао был весьма многогранной личностью. Однако, если сразу после смерти Мао Цзэдуна в Китае это понимали и принимали на официальном уровне (как заслуги, так и промахи), то в нынешние дни общественные представления всё более склоняются в сторону обожествления личности Мао [1]. В англоязычном мире выходящая литература порой демонстрирует противоположные тенденции [19]. Между тем, если разобраться, то всё оказывается намного сложнее. Вырисовывается множество различных сюжетов: часть из образов строго привязана к историческому времени, другие проходят сквозь всю жизнь, третьи проявляют наибольшую активность в какой-то из периодов. Одни являются порождением его ближнего, другие дальнего окружения. Одни живы и культивируются по сей день, а о других давно забыли.

Список литературы

1. Панцов А. В. О возвращении маоизма // The Prime Russian Magazine – 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://primerussia.ru/article_materials/60 (дата обращения 18.04.2016)
2. Мао Цзэдун. Автобиография. Стихи / сост. А. В. Панцов. М.: «Рубежи XXI», 2008.
3. Перевод раздела из книги Эми Сяо «Мао Цзэдун. Чжу Дэ» («Вожди китайского народа»). М., 1939. с. 12–94. Цит. по: Галенович Ю. М. Великий Мао. «Гений и злодейство». М.: Яуза: Эксмо, 2012. 784 с.
4. Владимиров П. П. Особый район Китая. 1942–1945. М.: Новости, 1973. 714 с.
5. Snow E. Red star over China. Ney York: Grove Press, 1968. 529 p.
6. Ледовский А. М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 94–105.
7. Перевод раздела из книги Цюань Яньчи «Мао Цзэдун ды сыжэнь шэнхэ» («Частная жизнь Мао Цзэдуна») // Жэхэ, № 7–8, 1989. С. 68–130. Цит. по: Галенович Ю.М. Великий Мао. «Гений и злодейство». М.: Яуза: Эксмо, 2012. С. 286–309.
8. Андре Мальро. Антимемуары. М.: «Владимир Даль», 2005. 528 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.maoism.ru/Malro.html> (дата обращения 18.04.2016).
9. Перевод раздела из книги Цюань Яньчи «Цзоуся шэньтань ды Мао Цзэдун» («Мао Цзэдун, сошедший с Олимпа»). Изд.: «Дунфан чубаньшэ». Пекин, 1989. С. 219–278. Цит. по: Галенович Ю. М. Великий Мао. «Гений и злодейство». М.: Яуза, Эксмо, 2012. С. 384–437.
10. Киссинджер Г. О Китае / перевод В.И. Верченко. М.: АСТ, 2014. 635 с.
11. Перевод раздела из книги «1976 нянь да ши нэй му» («Подоплёка великих событий 1976 года»). Сост. Сю Жу. Изд-тво «Дунфан чубаньшэ». Пекин, 1989. С. 377–400. Цит. по: Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. М.: ИзографЪ, 2005. С. 79–102.
12. Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. 510 с.
13. Галенович Ю. М. Великий Мао. «Гений и злодейство». М.: Яуза: Эксмо, 2012. 784 с.
14. Xiaotong F. A Great Trial in Chinese History. The Trial of the Lin Biao and Jiang Qing Counter-Revolutionary Cliques. Oxford, etc., 1981. 248 p.
15. Smedley A. Battle Hymn of China. New York: A. A. Knopf, 1943. 261 p.

16. Siao-yu. Mao Tse-tung and i were beggars. Syracuse: University Press, 1959. 297 p.
17. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991. 142 с.
18. Панцов А. В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. 867 с.
19. Чжан Ю., Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. 845 с.

Д. А. Оранж, гр. ОАБ-41.03.01-41
Научный руководитель — А. Л. Колзина

К ВОПРОСУ ОБ ИСКОННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУРИЛ И ПЕРВЫЕ РУССКО-ЯПОНСКИЕ ДОГОВОРЫ

В XVIII в. среди прочих территорий в северной части Тихого океана, открытых экспедициями российских мореплавателей, были острова Курильской гряды. В то время, по нормам международного права, принадлежность новых территорий определялась тем, кто первый «откроет» их, а также установит знаки, которые бы обозначали, какому государству эти земли принадлежат [1, с. 232].

В XVIII в. множество европейских морских держав стремилось открыть и присоединить себе новые земли. Поэтому перед Россией стояла задача составить карты новых территорий и уведомить другие страны о том, что эти земли принадлежат ей. Так, в атласе Российской Империи от 1796 г. Курилы были отмечены как принадлежащие к Иркутскому Наместничеству [2]. В то же время, в немецком атласе от 1854 г. к Японской империи не относили о. Хоккайдо, только его южная часть и более северные земли, вплоть до о. Итурупа, были отнесены к «Aino Gemainden» (то есть территория айнов — коренных жителей остров) [3]. Есть множество упоминаний о том, что айны платили ясак [4, с. 399, 400, 404], собиравшийся переселившимися туда казаками, что свидетельствует об их подданстве России, который был отменен Екатериной II в конце XVIII в. [5, с. 33].

В 1876 г. появляется записка А.Р. Воронцова и А.А. Безбородко, члена Коллегии иностранных дел тайного совета, обращенная к Екатерине II, в которой говорится о том, что Российская империя имеет территориальные права на земли, которые она первая открыла, а также установила свой знак. Далее идёт перечисление тех земель, которые должны быть включены в состав Российской империи, и что никто не имеет права на них претендовать. Нас в данном случае интересует 4 пункт, где говорится, что гряда «Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном». В конце записки А.Р. Воронцов и А. А. Безбородко просят о том, чтобы о присвоении этих земель было сообщено при дворах всех морских европейских держав [1, с. 232]. 22 декабря 1786 г. Екатерина II издаёт Указ о сохранении прав России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане [1, с. 229].

На следующий год начальнику Первой кругосветной экспедиции, капитану первого ранга Г. И. Муловскому предоставляют наставление из Адмиралтейств-коллегии, где предписывается соорудить эскадру для охраны и обозначения тех земель, которые были открыты российскими мореплавателями на Восточном море. Для этого были предоставлены 14 карт, составленные предыдущими мореплавателями в период от 1724 по 1779 гг. В 7 пункте наставления говорится о том, что эскадре следует узнать больше информации о северных землях Японской империи, которая указывается как земля Езо (Эдзо, то есть Матмай-Хоккайдо – *автор*) [1, с. 233-235, 237, 239]. Из этого следует, что в 1787 г. Курилы не относились Россией к японским землям.

Исполнение Указа об объявлении морским державам о границах России можно проследить на примере материалов переговоров с послом Испании, «министром и кавалером» Гальесом, в 1789–1790 гг. Кавалеру Гальесу были указаны владения Российской империи на Восточном море, а также что их «суда будут дружески приняты во всех наших, в том крае, портах как на твердой земле, так и на островах Курильских, Алеутских и прочих, российскими мореплавателями обретенных...» [6]. Из этого следует, что испанцы соглашались с тем, что данные земли относятся к России. Особо стоит отметить о. Хоккайдо. В рапорте от 28 февраля 1794 г. губернатор И. А. Пиль передает сообщение о благополучном плавании А. К. Лаксмана и

В. М. Ловцова до 22-го Курильского острова (Матмая-Хоккайдо – автор) и далее до японского владения [1, с. 316]. Это свидетельствует о том, что Хоккайдо относили к Курилам, он не находился под контролем Японии.

После учреждения Павлом I в 1799 г. Российско-Американской компании, ей были предоставлены права на открытие и освоение новых земель, в том числе и Курильских островов, которые простираются до японских берегов [5, с. 38]. Эти права будут подтверждены указом Александра I в 1821 г., где снова упоминаются Курилы, на которых вели свой промысел казаки, включая территории до Южного мыса о. Урупа. Однако острова южнее уже не попадали под ведение промысла со стороны Российско-Американской компании.

С начала XIX в. Российская держава стремится наладить торговые отношения с Японией, что позволило бы решить проблему продажи её товаров с Аляски и других дальневосточных территорий России, куда относились и Курилы. Помимо торговли нужно было также решить проблему размежевания границ между Россией и Японией, что было сложно сделать по ряду причин. Японская империя в то время находилась в самоизоляции и сторонилась любых контактов с европейцами, за исключением голландцев. Поэтому попытка Н. П. Резанова, который участвовал в Первом русском кругосветном плавании И. Ф. Крузенштерна 1803–1806, гг. наладить контакт с Японской державой, оказалась не удачной.

Н. П. Резанов предоставил меморандум, в котором от лица императора Александра I обращался к японскому правительству с требованием не продвигать свою северную границу далее северной оконечности островов Матмая, так как далее земли принадлежат Российской империи. То есть, на начало XIX в. Россия относилась к своей территории все Курильские острова, которые доходят до о. Хоккайдо. Предъявление таких требований в меморандуме связано с тем, что японцы к тому времени стали более активными, что проявилось в сносе пограничных табличек на островах, принадлежавших Российской империи, и установление японских [5, с. 40].

Следующий этап переговоров происходил уже в середине XIX в., когда удалось заключить первый договор между Россией и Японией. Для подписания соглашений был отправлен русский адмирал и дипломат Е.В. Путятин, которому была предоставлена инструкция МИД, с требованием заключения выгодного договора с Японией. Российская империя была готова разграничить территорию о. Сахалин, то есть оставить южную его часть за японцами, если переговоры будут удачными. Если же договориться не получилось бы, то предписывалось оставить остров не разграниченным. Важность Сахалина для России заключалась в возможности контролировать р. Амур [5, с. 41–42]. На островах Курильской гряды Россия старалась закрепиться на о. Уруп и севернее, тогда бы северной границей со стороны Японии являлся о. Итуруп. Из этого следует, что Российская империя к середине XIX в. потеряла контроль над южными островами, которые отошли де-факто к Японии. Исходя из этих условий, Россия и хотела заключить договор о территориальном размежевании.

В переговорах с японцами Е. В. Путятин приводит доводы о принадлежности большей части о. Сахалина России, так как он издавна осваивался русскими, а японцы только недавно начали осваивать для себя его южную часть. Это подтверждается тем, что Япония сама признала, что не знает, где находится северная часть острова. Основной спор шел из-за о. Итуруп. Японцы приводили неубедительные аргументы по поводу принадлежности им Курильских островов. Во-первых, что они издавна принадлежали Японии, как и остров Сахалин, но потом большая часть из них перешла под ведение России. Во-вторых, айны являются подданными Японской империи, а это значит, что и населенные ими острова должны принадлежать японцам. На это Е. В. Путятин привёл аргумент о том, что айны также являются подданными России, и поэтому обе империи имеют одинаковое право на о. Итуруп [5, с. 43–44].

Очевидно, Е. В. Путятин лишь пытался торговаться с японцами о более выгодных условиях договора, так как в его инструкции говорится о том, что Россия готова ограничиться о. Уруп как южной границей России, а о. Итуруп будет являться северной границей для Японии. В 1855 г. был заключен Симодский трактат между Японией и Россией. Это был первый договор между странами, в котором оговаривались границы между ними. По данному трактату граница между странами проходила между островами Итуруп и Уруп. Весь о. Итуруп

принадлежит Японской империи, а весь о. Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Остров Сахалин остается неразделенным [7].

Необходимость скорого подписания соглашения была продиктована Крымской войной, где противниками русских выступали Франция и Великобритания. Россия опасалась, что если не заключить договор с Японией, то Великобритания может захватить территории, которые являлись предметом обсуждения в русско-японских соглашениях.

Из-за того, что Симодский трактат так и не определил территориальную принадлежность границ о. Сахалин, странам снова пришлось заключать новое соглашение. В новом трактате, заключенном между Россией и Японией, в Петербурге 25 апреля (7 мая) 1875 г., Россия уступила Японии все 18 островов Курильской гряды, которые ранее принадлежали ей, взамен Япония отдала свои права России на полное владение о. Сахалин [8].

Такое соглашение было не выгодно российской стороне. Японцы практически не контролировала о. Сахалин. В южной части острова располагались только летние стоянки японских рыбаков, а остальная часть была освоена русскими поселенцами. Первой причиной подписания договора с Японией является то, что в то время внешняя политика России была сконцентрирована в Европе, особенно на Балканах, где народы данного региона старались выйти из турецкой зависимости. Вторая причина — это слабость и малочисленность российского флота на Дальнем Востоке и отсутствие широких торговых связей в АТР. Последний фактор — это недалководность государственных чиновников, которые не смогли оценить важность Курил. После Петербургского трактата в 1895 г. был заключен Договор о торговле и мореплавании, который в целом закреплял предыдущие договоренности [7].

Таким образом, еще в XVIII в. русские мореплаватели открыли и закрепили за собой острова Курильской гряды, что подтверждено различными дипломатическими документами и картами, которые были сделаны теми же мореплавателями. Историческую принадлежность островов стоит относить к айнам, которые являлись на тот момент единственным туземным населением, но не имели собственной государственности. Договоры, заключенные между Россией и Японией во второй половине XIX в., в которых определялись границы между странами, были подписаны ими добровольно, без принуждения. Однако Япония сделала их недействительными, когда напала на Россию в 1904 г., поэтому не может ссылаться на эти договоры при решении территориального вопроса на современном этапе.

Список литературы

1. Макарова Р. В. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1989. 400 с.
2. Атлас Российской Империи, состоящий из 52 карт изданный во граде Св. Петра в лето 1796-е в царствования Екатерины II XXXV-е. СПб., 1796. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.litres.ru/raznoe/atlas-rossiyskoy-imperii-sostoyaschiy-iz-52-kart-izdannyy-vo-grade-sv-petra-v-leto-1796-e-a-carstvovaniya-ekateriny-ii-xxxv-e/>
3. Карта № 74 "CHINESISCHES REICH und JAPAN" (Китайская Империя и Япония) из Атласа: Sohr K. "Vollstandiger Hand - Atlas der neueren Erdbeschreibung uber alle ... staaten" (К.Сор. Полный Малый Атлас с новейшим землеописанием всех стран мира). Leipzig, 1854 (на немецком языке). [Электронный ресурс]. – URL: <http://goo.gl/vOUqnL>
4. Полонский А. С. Курилы // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии / под ред. А.И. Савельева. СПб.: Типография Майхова, 1871. Т. 4. С. 367–576 [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-1225/RuPRLIB12047237/index.html>
5. Русские Курилы: история и современность. Сб. док. по истории формирования рус.-яп. и совет.-яп. Границы / В. К. Зиланов, А. А. Кошкин, И. А. Латышев [и др.] / Издание 2-е, расширенное и дополненное. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
6. Россия. Государственный Совет. Архив. Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб., 1869. 932 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/10321-t-1-sovet-v-tsarstvovanie-imperatritsy-ekateriny-ii-y-1768-1796-gg-ch-2-otdelenie-yuridicheskoe-1869#page/395/mode/inspect/zoom/6>
7. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. (1842–1925). М.: Ин-т востоковедения, 1927. 218 с. [Элек-

тронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/1-20/6.htm

8. Ключников Ю., Собакин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. М.: Литиздат НКВД, 1925. 447 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10079636>

Д. А. Антонова, гр. ОМ-46.04.01.03-12

Научный руководитель — Ю. А. Перевозчиков

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЭКТЫНЫ» И «ТЭТЧАНЫ» В УДМУРТСКОЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

Одним из самых распространенных средств коммуникации человека является устная речь, язык, основной единицей которого, служащей для именованя предметов, лиц, процессов, свойств, является слово. В течение всего культурно-исторического процесса происходят изменения и в словарном составе языка: появляются одни слова и исчезают другие, наравне с использованием прежнего слова появляется новое заимствованное, при этом важно учитывать, что слово как таковое может остаться, но при этом изменится вкладываемый в него смысл. Все эти и многие другие нюансы представляют собой весьма интересное явление, которое напрямую отражается в словарном составе современных языков.

В процессе научного исследования каждый ученый так или иначе сталкивается со специфической лексикой в области изучаемой проблемы, будь то термины, понятия и др. Наука требует конкретности, и потому используемые слова, термины должны иметь определение. Как раз с такой проблемой, проблемой терминологии, пришлось столкнуться и при изучении танцевальной культуры удмуртов. Для обозначения танцевального действия в удмуртском языке чаще всего используют два слова: «тэтчаны» и «эктыны».

Обратимся к понятию «тэтчаны». При переводе с удмуртского на русский язык слова «тэтчаны» заметим, что слово имеет несколько значений.

Во-первых, чаще всего в слово «тэтчаны» вкладывают значение «прыгать, скакать, подпрыгивать». Таким образом, можем говорить, что прыжки могли быть также элементом традиционной танцевально-пластической культуры. Притопывания, прыжки вверх символизировали призыв к пробуждению природы, земли, обилию урожая. Ярким примером для удмуртской танцевальной традиции является ритуальный танец служителей культа и мужчин-домохозяев на озимом поле. После христианизации этот обряд стали приурочивать к празднованию Петрова дня. Пляска их преимущественно складывается из притопываний, прыжков.

Прыжки, скакание часто фигурируют в обрядах перехода. В обрядах, связанных с рождением ребенка, во время пляски скачут и танцуют на печной заслонке; в обрядах инициации в качестве основных элементов выступают прыжки и подскоки; во время поминального обряда «вал сюан» («йыр-пыд сётон») основой пластического решения танца вокруг короба с костями жертвенного животного были прыжки, так пытались подражать движениям лошади (коровы). В качестве примера приведем также и танцевальное поведение родственников со стороны невесты («бóрысьчи») на свадебном пире в доме жениха. У них можно отметить особую манеру пляски, когда с силой ударяют в пол ногами. Прыжки в данном случае связывались с приобретением удачи, успехом и социальной динамикой.

Второе значение слова «тэтчаны» — колотиться, биться, стучать. Так, например, во время эмоционального волнения учащенное сердцебиение удмурты называют «сюлэм тэтча» (сердце бьется). Если обратиться к самому родственному языку удмуртов — коми языку, то слово «тотшкыны» будет переводиться как «стучать, стучать».

Но в том же коми языке вторым значением будет «чүфыркать», «токовать» (о тетереве), «крякать» (об утке). Так в слове отражается и момент звукоподражания, в данном случае подражание звукам, которые издают птицы. Особенно громко и разнообразно пение птиц в брачный период, когда самцу необходимо было привлечь самку. Именно в этот период многие птицы исполняют, помимо трелей, свои так называемые брачные танцы. Вероятно отсюда, от под-

ражания человека животным появились первые примитивные танцы (пляски), основой пластического решения которых были прыжки, удары ногами (топание).

Возможно, что эти два значения, которые мы находим в коми языке относительно слова «тотшкыны» воспринимались изначально как одно. Звукоподражательность слова дополнительно подчеркивает его появление, его перенесение из окружающей среды, в данном случае из природы в язык человека.

Однако есть еще одно значение слово «тэтчаны» в удмуртском языке. У северных удмуртов «тэтчаны» это еще и «танцевать, плясать» (у бесермян «текчан», у южных удмуртов «эктон» – «собственно танец»).

Далее обратимся к понятию «эктыны». В переводе с удмуртского языка «эктыны» имеет вполне определенное значение — «танцевать, плясать». То же самое можем проследить и в коми языке: перевод достаточно однозначен: «йоктыны» — танцевать, плясать. Следовательно, то, что в настоящее время мы понимаем под ритмически организованными движениями, или, как дает определение «танцу» известный советский исследователь танцевальной культуры Эльфрида Александровна Королева, «это пространственно-временное искусство, художественные образы которого создаются средствами эстетически значимых, ритмически систематизированных движений и поз» [2, с. 21]. Но насколько распространенное определение соотносится с тем смыслом, которые действительно вкладывают в него сами носители культуры? Рассмотрим категорию «умение танцевать» в удмуртской этнокультуре.

Как правило, соблюдение метроритмики являлось одним из основных критериев для оценки умения петь и танцевать. Людей, которые поют и танцуют невпопад, критиковали. Но встречаются случаи, когда несоблюдение метроритмики танца становились допустимым, а иногда даже необходимым.

Исследователь удмуртского танца, этнохореолог Андрей Николаевич Прокопьев в статье «О контексте бытования концепта «умение танцевать» в удмуртской танцевальной традиции» [3, с. 211–216] отмечает несколько подобных случаев. Так, по отношению к танцу ребенка, где соблюдение строгого ритма является не обязательным, в удмуртской традиции используют словоформу «тйн-на-на», которая фиксируется в детской лексике в значении «танец». Танцем в понимании носителей традиции являются и формы хореографии ряженья, где отказ от соблюдения метроритмики подчеркивает «инаковость» ряженных, их особого знакового статуса. К примеру, кульминационным моментом сюжетно-ролевой обрядовой игры «вал лэчкыса» (ряжение конем), разыгрываемого во время святочного ряжения «вожо келян» у нижнечепецких удмуртов [3, с. 213] является танцевальная импровизация, в основе пластика-хореографического решения которой — выраженные, акцентированные удары стоп, исполняемые в произвольной последовательности («дынгыр-дынгыр лэгаське» — «ступание грузным, тяжелым шагом»).

Рассмотренные случаи несоответствия танца метроритмике, очевидное подражательное начало (изображение животных, духов и т.д.) и использование по отношению к данным формам танцевального поведения иных определений («тйн-на-на», «дынгыр-дынгыр», опять-таки построенных на звукоподражании), наводят на мысль о том, что понятие «эктон» содержит в себе отличительные от вышеперечисленных форм качества: в танце и через танец («эктон») человек пытается проявить свои человеческие свойства. Среди танцевальных моделей поведения мы находим и обязательное соблюдение этикета, и модели поведения девушек/женщин и юношей/мужчин, которые через танец проявляют свое гендерное начало и др. Человеку важно двигаться в соответствии с ритмом музыкального сопровождения. Причем интересно, что музыка также усложняется, на смену музыкальному сопровождению, основанному на ритме, приходят музыка с развитой мелодикой.

Сравнивая понятия «тетчаны» и «эктыны», следует отметить, что понятия и контекст употребления двух терминов сильно переплетаются. Ярким примером этого являются данные языка, в которых отразилось практическое приравнение двух понятий через перенос свойств с одного объекта на другой. Так, например, «скавание» коня воспринимается как танец и т.д. Но при этом в данном случае можно проследить некоторое его «очеловечивание». Таким образом, вероятно, следует говорить все-таки о противопоставлении человека и животного.

Человек, человеческая танцевально-пластическая культура, которую следует понимать под термином «эктон», подразумевает гармонию, строгую подчиненность метроритмике. Танец

человека часто имеет определенную структуру, хотя элементы импровизации также встречаются. Однако в импровизации чаще всего можно выделить базовые элементы, единицы — определенные позы, ходы, движения.

«Танец» животного, подражание человека животному, попытка человека выразить в движениях (которые часто считаются танцем, пляской) инаковость в хореографическом решении, напротив, не подчинены метроритмике (дети, ряженные, животные). Движения исполнителя не имеют упорядоченности, какой-либо системы: они спонтанны, непредсказуемы. Движения человека, исполняющего подобную хореографию, зачастую могут восприниматься представителем более современной культуры как примитивные, а иногда даже и вульгарные, в которых отсутствует эстетическое начало.

Возможно, процесс подобного противопоставления начинается после неолитической революции, когда происходит удвоение мира, то есть наряду с естественной начинается формироваться искусственная, социальная среда, суть которой была уже не в уподоблении, а расподоблении биологического и социального, природы и культуры [1, с. 24]. В основе новой программы лежат часто те же образы, но уже иные модели. Так, между «тэтчаны» и «эктыны» прослеживается связь, но, тем не менее, значительное различие. Имеет смысл говорить о бинарности данных понятий, медиатором между которыми является человек.

Развивая данную мысль, было бы интересно проанализировать данные языка у народов, которые не испытали значительного влияния цивилизации, у кого не произошло перехода к производящему хозяйству, либо у этносов, оказавшихся в силу экологических, географических условий в значительной степени связанными с природой, окружающей средой. Танцы этих народов, среди которых можно перечислить народы Крайнего Севера, аборигенов Австралии и так далее, сохранили огромный пласт традиционной танцевально-пластической культуры, главным способом построения которой является подражание, имитация образов, взятых из природы.

Список литературы

1. Байбурин А. К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 23–41.
2. Королева Э. А. Ранние формы танца. Кишнев, 1977. 215 с.
3. Прокопьев А. Н. О контексте бытования концепта «умение танцевать» в удмуртской танцевальной традиции // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2008. С. 211–216.

И. В. Исупова, гр. №ОМ-46.04.01.03-12

Научный руководитель — О. М. Мельникова

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО НАРОДА В 1920–1930-е ГГ.

Проблема адаптации людей к другой культурной среде в последние десятилетия стала исключительно важной как в зарубежной, так и в российской науке. Причина такого пристального внимания кроется в глобальных изменениях современного мира. Большое количество миграций и других типов перемещений стали на сегодняшний день обычным явлением. В связи с этим такое социальное явление, как приспособление к инокультурной среде становится актуальной междисциплинарной проблематикой, ставшей предметом изучения различных наук. История в этой связи не является исключением.

Вхождение в инокультурную среду можно рассматривать не только в связи с взаимодействием различных этнических культур, но и в связи с переходными историческими эпохами, когда традиционное общество встречается с эпохой модерна. На пути народа к современным формам самоорганизации история и литература отвечали в этом движении за духовную консолидацию и воспитание народа в свете избранной модели общественного развития, как правило, на примерах героических событий прошлого [9, р. 97–108]. Не является в этом исключением и история удмуртского народа.

Столетиями коллективные версии прошлого удмуртов существовали в фольклорной традиции. Будучи популярным жанром в народной среде, устная историческая проза выстраивала знаковые для этноса исторические образы о древних обитателях края, о вождах и богатырях, о межэтнических отношениях, об основании селений и культовых объектах. В пореволюционных условиях потребовалась, с одной стороны, новая интерпретация прошлого опыта, зафиксированного в устной исторической памяти; с другой стороны, — оказалась востребованной собственно история народа, которая бы позволила осознать себя в качестве самостоятельного субъекта исторического процесса. При этом важно было не только создать такую историю и включить ее в широкий контекст российской истории, основываясь на тщательной историко-этнографической работе, но и придать ей новую — письменную форму.

«В разреженном интеллектуальном пространстве ВАО в 1920-е гг. в отсутствии высших учебных заведений и научных учреждений особую миссию в формировании новых культурных идентичностей удмуртского народа стала играть историческая журналистика» [8, с. 166–180]

Зарождению публицистики и печати в Удмуртии предшествовало появление письменности (XVIII в.), религиозно-просветительская работа, становление национальной литературы. Первые печатные издания на удмуртском языке появились в России лишь в конце XIX в. В начале XX в. сильный толчок на развитие провинциальной периодики оказала первая русская революция [7, с. 21–30]).

Периодика 1920-х гг. активно публикует статьи на темы истории и этнографии удмуртов: особенно в этом преуспели газеты «Ижевская правда» на русском языке и «Азьлань» на удмуртском языке. Интересен тот факт, что с материалами на исторические и этнографические темы выступали как образованные, подкованные в исторических вопросах деятели из числа удмуртской интеллигенции (например, этнограф, поэт, общественный деятель К. П. Герд), профессиональные ученые (например, вятский историк П. Н. Луппов), так и обычные люди, краеведы, интересовавшиеся историей родного края. Именно они способствовали формированию в новых условиях исторического сознания местного населения, конструированию новых образов национальной истории и становлению исторической науки в Удмуртии.

Историко-этнографические наблюдения, опубликованные на страницах периодических изданий, имеют социально значимый характер, формируют новые культурные идентичности.

Авторы статей пытаются описать древнюю историю края, этническую историю региона. Так в периодических изданиях появляются этнографические очерки о древней истории удмуртского народа, о быте и обычаях удмуртов. В статьях уделяется особое внимание теме происхождения и прародины удмуртов: «Вотяки вместе с зырянами представляют одну из отраслей финского племени и уже в доисторические времена обитали на севере Азии и на юге Европейской России. Об этом свидетельствует греческий историк Геродот, живший за 400 лет до Рождества Христова. Русскому населению они были известны под именем ары, аряне, арское племя, вотяки. Название вотяки за ними упрочилось в конце XVIII в. Сами же они называют себя од или удмурт, что в переводе на русский язык значит: человек из племени од или уд» [3]. В другой статье указывалось: «По вопросу первоначальной родины вотяков существует три мнения: Шлецер и Островский родиной их считают страну между Ладогой и Наровой, так называемую, вотскую пятину новгородцев <...>. Вештомов родиной вотяков считает страну вотичей, то есть нынешнюю Орловскую губернию <...>. Эйхнелд родиной вотяков считает берега Енисея (и Сибири)» [3].

В одном из номеров газеты «Ижевская правда» в статье «Изучайте свой край» К. П. Герд раскрывает суть термина краеведение: «Краеведение есть всестороннее изучение местными силами жизни местной природы, человека, его трудовой деятельности в обществе в его прошлом и настоящем» [4]. Он обращает внимание и на главную задачу краеведения: «Охватывать все разнообразные интересы нашей жизни: науку, школу, самообразование, природу, хозяйство, общественную деятельность и т. д.» [4]. Изучение местного края, по мнению К. П. Герда, имеет не только теоретическое значение, но и несет практическую необходимость: «Жизнь и революция выдвинули вопросы краеведения на первый план. Те задачи, которые стоят перед областью и СССР, могут быть выполнены лишь при условии всестороннего изучения ее природных богатств и особенностей» [4]. В конце автор статьи резюмирует: «Краеведение — в одно и то же время, доступная всем научная и общественная работа. Изучайте наш край! Улучшайте и помогайте улучшить быт и хозяйство нашей области» [4].

Авторы публикаций подчеркивают значимость исследовательской деятельности в области краеведения, сбора и систематизации знаний об истории удмуртского края. Например, деревенский автор в своей статье на удмуртском языке «О музее» просвещает малообразованное население о значимости существования музеев родного края: «Нужно знать прошлую историю. Зная прошлое, можно хорошо наладить будущую жизнь. Каждый народ хочет знать, где живет, быт и историю своих предков. Для этого старую одежду, вещи, предметы быта хранят в специальном доме. Такой дом называется «Музей». Такой музей уже есть в Глазове. Удмуртам надо ходить в музеи, про музеи нужно знать. Если у кого-то есть предметы старины, их нужно отдавать в музеи» [1].

Другой анонимный автор отражает понимание значения письменного фиксирования истории удмуртов в статье «Нужно начинать писать историю удмуртов»: «Нужно браться за это дело уже в скором времени, без этого все данные или теряются, или искажаются. Время пришло удмуртам писать свою историю, время учащимся хорошо знать историю своего края и народа. Эту работу, знание очень ждут удмурты, хотят знать. Учителю, не знающему историю и быт удмуртов, сложно преподавать данный предмет. Книг нет, а учителя по данному предмету не имеют точной, достоверной информации, поэтому преподавание данного предмета идет плохо. Нужно начать писать историю края, чтобы решить данную проблему» [1].

Особая тема газетных публикаций — личности, которые сыграли большую роль в истории удмуртов и удмуртского края. Так в статье «В. Г. Короленко и удмуртский народ» П. Луппов пишет об отношении Владимира Галактионовича к удмуртам и его роли в оправдании удмуртов в Мултанском деле [5]. С. Перевошиков в статье «В. Г. Короленко» актуализирует внимание на обстоятельства, по которым Вотской области и вотякам известен общественный деятель и писатель, В. Г. Короленко: «1) Короленко находился в ссылке в пределах Глазовского уезда, где вплотную познакомился с бытом и нравами вотяков. 2) Короленко — защитник мултанских вотяков, обвиняемых в человеческих жертвоприношениях» [2].

В 1930-е гг. в газете «Ижевская правда» появляются статьи, посвященные становлению научно-исследовательской деятельности в регионе, использованию научной работы в социалистическом строительстве.

Яков Ильин, удмуртский писатель, ученый, возглавлявший в 1930 – 1932 гг. УдНИИ, в статье «К развертыванию научного фронта в Удмуртобласти» отмечал, как важна для исследовательской деятельности роль научных экспедиций и кадров УАО, а также, что УАО нуждается в своем научно-исследовательском институте.

В другой статье «Научно-исследовательскую работу — на службу социалистическому строительству» Яков Ильин отмечал роль науки в национальном строительстве и работу Научно-исследовательского института УАО в этом направлении: «Социалистическое строительство в нашей стране поставлено на строго научных основаниях. Развивая научно-исследовательскую работу и максимально расширяя научные кадры, мы сможем твердо закрепить достигнутые результаты и лучше и быстрее идти вперед в деле нашего социалистического строительства» [6]. Автор уделяет внимание в статье на планирование и ход научно-исследовательской работы в данный период: «Проведена Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. Рождаются новые качественные методы в научно-исследовательской работе, выросли и окрепли новые молодые пролетарские кадры специалистов и научных работников» [6].

Таким образом, исторические и этнографические сведения на страницах периодических газет «Ижевская правда» и «Азьялань» выполняли важную социальную функцию: стали частью накопления историко-этнографических источников о крае, популяризировали значимость и необходимость исследования истории региона, способствовали приобщению народа к новым современным формам жизни, формировали образы его истории.

Список литературы

2. Ижевская правда. 1924. № 43.
3. Ижевская правда. 1924. № 47.
4. Ижевская правда. 1926. № 98.
5. Ижевская правда. 1926. № 299.

6. Ижевская правда. 1931. № 243.
7. Вахрушев А. А. Начало национального журналистского и литературного процесса // Журналистика Удмуртии: история и современность: материалы регион. межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию удмурт. нац. период. печати, 15 февр. 2006 г. Ижевск, 2006.
8. Загребин А. Е., Мельникова О. М. Конструирование национальной истории Удмуртии от устной исторической прозы к письменной истории (1920-е – начало 1930-х гг.) // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 166–180.
9. Hroch M. Historical belles-lettres as a vehicle of the image of national history // National History and Identity / Studia Fennica: Ethnologica. 1999. Vol. 6.

Е. П. Петрова, гр. ОАБ-46.03.01-11

Научный руководитель — к.и.н. И. Г. Шапран

ОБРЯДЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДА ПРОВОДОВ В АРМИЮ ЖИТЕЛЕЙ ДД. ЗЯГЛУД-КАКСЯ И МАЛЫЙ ЗЯГЛУД ВАВОЖСКОГО РАЙОНА УР)

С древних времён принято относиться к военной службе как достойному занятию для молодого человека. Мужчины, которым не пришлось в силу разных причин служить в армии, чувствовали свою неполноценность. Но в конце XX – начале XXI в. сложилось отрицательное отношение к воинской службе. Юноши придумывали разные способы, чтобы «увильнуть» от исполнения гражданского долга. Получается, что ценились не защитники Отечества, а ловкачи, которым удалось уйти от основной обязанности гражданина государства, в котором они жили. В последнее время ситуация начала постепенно меняться. Думается, что в этих условиях возрождение обряда проводов в армию поможет поддержать статус призывника и отразить его активную жизненную позицию — служение Отечеству.

Цель данной работы — изучение особенностей обряда, связанного с проводами в армию, бытующего среди жителей дд. Зягруд-Какся и Малый Зягруд Вавожского района Удмуртской Республики.

Как и во многих удмуртских деревнях, призывника из числа жителей данных деревень после того, как он получал повестку, приглашали в гости односельчане и родственники. Вместе с родителями и друзьями он ходил из дома в дом, в каждом его ждал праздничный стол. Там они веселились: шутили, пели, танцевали. Хозяева дарили рекруту вышитое полотенце, которое вешали ему на шею со словами: «Та чушкон кадь вольыт но капчи мед луозсюресэд» («Чтобы твоя дорога была лёгкой и гладкой как это полотенце») или: «Та чушкон кадь вакчи мед потоз армиин улон арьёсыд» («Чтобы годы службы показались такими же короткими как это полотенце»). Особое значение имело полотенце, подаренное матерью. Его парень брал с собой в армию для того, чтобы в сложные для него времена оно ему помогло (то есть полотенце выступало в качестве оберега).

За день до отправления на службу в родном доме рекрута собирались друзья, родственники, соседи — все те, кто желал его проводить. Накрывали стол, на который обычно ставили каравай хлеба, рубленую капусту, пареную репу, масло, вино. Приглашали гармониста, так как без гармонии не обходилось ни одно застолье. Гости пели песни, танцевали, веселились.

В день отбытия к месту службы в доме рекрута вновь собирались провожающие. Перед выходом из дома мать благословляла сына, а отец давал откусить каравай хлеба. Кусок, который откусил будущий солдат, родители до возвращения сына хранили в угловой полке красного угла. Друзья поднимали рекрута, он вбивал в матицу ленточку (чук). Всё это сопровождалось пением обрядовых песен. Девушка подавала ему нарядно украшенную разноцветными лентами и цветной бумагой веточку калины с тремя концами, на которые привязывались вышитые носовые платочки.

А что означала эта веточка-оберег? По одной версии: центральная часть ветки — это служба в армии, два боковых конца — дорога в армию и обратная дорога домой. По другой

версии: одна ветка — Бог отец, вторая — сын Христос, третья — Святой Дух. Эта версия появилась тогда, когда вместо ветви калины стали использовать веточку вербы.

Новобранца из дома выносили на руках и несли до конца деревни близкие друзья. По дороге новобранец махал веткой и пел песню. Провожавшие шли следом, также пели песни, среди которых были веселые и грустные.

После приезда в военкомат ветку-оберег сын передавал матери. Мать хранила эту ветвь до возвращения сына в угловой полке красного угла перед иконой.

Моя бабушка, Ольга Серапионовна Петрова, проводила в свое время в армию трех сыновей. Она рассказывает, что ее старшему сыну крестная мать в день «провожан» подарила куклу. К сожалению, сейчас она не может объяснить значение этого подарка. Но думается, что в этом подарке также есть обрядовый смысл, так как в то время кукла была большой редкостью (найти ее было достаточно сложно).

В наше время элементы данного обряда сохранились частично: гуляние из дома в дом; забивание «чука» в матицу; дарение полотенца и прутика вербы с тремя ветвями, вместо ветви калины.

Во многих удмуртских деревнях обряд «Проводы в армию» имеет общие черты: призывнику дарятся вышитые полотенца; родственники и жители деревни приглашают рекрута к себе в гости; в матицу рекрут забивает монету/ленточку (чук); родственники, друзья, соседи провожают рекрута до конца деревни и несут его на руках.

Однако в процессе работы над темой выявлены и обрядовые действия, которые характерны только для жителей дд. Зяглуд-Какся и Малый Зяглуд. Это: рекрут кусал каравай хлеба и этот кусок родители до возвращения сына хранили в угловой полке красного угла; рекруту подавался украшенный прутик калины с тремя ветвями.

Эти обрядовые песни пелись именно на территории дд. Зяглуд-Какся и Малый Зяглуд.

Вавож базаре мон мынй но.
Яблок басьтыны шуыса
Яблок басьтыны мон ой вуы.
Монэ асме басьтйзы.
Приём капка азе мон вуи но.
Порьясь тузон мон луи.
Приём азбаре мон пыри но
Порьясь тури мон луи
Приём корказе мон пыри но.
ӧсьессы куинь полэс пияла.

Приём корка мон пыри но
Пукон вылэ пуктйзы.

Пукон вылэ пуктйзы
Чыртыям горд лента ошизы.
Чыртыям горд лента ошизы но
Киям бумага сетйзы.

Киям бумага сетйзы но,
Мемейлы, дядяйлы бӧрдон вылэм.

Из но, му но пилиське но,
Адямылы чидано.
Сьӧдо, сьӧдо пилемъёс но
Васько-васько Кам Кузя.
Гужем ортчиз, сизыыл вуиз,
Туриос но кошкызы.
Ой мемие, ой дядие,
Ми но озыы ик кошком.
Ивормес но, гожтэтмес но

Тодэмды но ай потоз.
Ивормес тодэм потэм дырьяды,
Чагыр гожтэтме лыдӟе.
Асме адзем потон дырьяды,
Карточкаме учкылэ
Я, ӟеч ни лу, мемие,
Я, ӟеч ни лу, дядие,
Люкиськиськом лэся ни.

Я ӟеч луэ, ӟеч луэ,
Яратон эшьёсы,
Мон кошкисько табере
Куинь ар но ӟожелы.

Туж ке гинэ мӧзмиды,
Чагыр гожтет гожте.
Со гожтэтэз тй лэзе
Чуж бубылы сьӧры.

Т. Г. Русинова, гр.ОАБ-46.03.01-31
Научный руководитель — к.и.н. И. Г.Шапран

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В старину самое почетное центральное место в городе или селе отводилось под храм. Контуры храма и его высокой колокольни красиво вписывались в панораму поселений. Ставились они на самой высокой площадке и были видны за несколько километров. Строительство храма являлось большим событием, деньги на постройку собирали со всей округи — «тщанием прихожан». В архитектуре храма, его внутреннем убранстве отразилась история христианства. Храмы, даже полуразрушенные, сейчас можно без труда узнать. Постройка, выполненная из дерева или камня, напоминает очертания корабля — прямоугольник с выпуклой передней частью.

Перспективная цель нашего исследования заключается в сборе максимально полных сведений по всем православным храмам, когда-либо функционировавшим на территории, входящей в настоящее время в административные границы Каракулинского района УР (история их создания, архитектурные особенности и содержание внутреннего убранства, деятельность православной общины). Актуальность данного исследования заключается в том, что время и обстоятельства, связанные с деятельностью человека (антропогенные факторы), не пощадили очень многие памятники православной архитектуры, имевшиеся на территории района. Разрушаются и исчезают прекрасные творения одного из лучших уральских зодчих — С. Е. Дудина. В Каракулинском районе — это Рождественская церковь в с. Колесниково, Георгиевская — в с. Кулюшево, Вознесенская — в с. Галаново и уже разрушенная Покровская — в с. Вятское. Подобная участь уготована Святоникольскому храму в с. Новопоселенное (работа архитектора Федорова). Уже разрушены храмы: в с. Чеганда творение П. А. Анисимова — Петропавловская церковь и в с. Каракулино творение Ф. М. Рослякова — Свято-Троицкая церковь.

Объектом данного исследования является один из памятников православной культовой архитектуры с. Каракулино — храм святого Великомученика и Целителя Пантелеимона. Источниками для работы послужили материалы ЦГА УР, Архивного отдела администрации г. Сарапула, Каракулинского филиала Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул), сведения, полученные в результате опроса жителей района, а также наблюдения автора работы.

На берегу р. Камы в с. Каракулино находилась до 2006 г. деревянная церковь, построенная за Камой в с. Новоселово и именованная Казанско-Богородицкой. В «Ведомости о церкви Казанско-Богородицкой, состоящей в с. Новоселово Сарапульской епархии за 1929 г.» читаем: «Церковь построена в 1903 г. вместо сгоревшей в 1901 г., тщанием прихожан. Здание деревянное, на каменном фундаменте с деревянною колокольнею, в одной связи, покрыта железом, крепка. Вокруг церкви деревянная ограда, с кирпичными столбами, ограда ветхая. Престолов в ней один во имя Казанской Божьей Матери. Утварью бедна. Книги до церковного круга подлежащие есть все. Дома причтовые переданы в коммунальный отдел. Расстоянием сия церковь от епархиального города Сарапула в 50 верстах от благочинного в с. Каракулино в 1 версте, от парадной пристани «Каракулино» в одной версте, от железнодорожной станции в г. Сарапуле 50 верст».¹

Постановлением заседания Исполнительного комитета Каракулинского райсовета депутатов трудящихся от 17.03. 1940 г. церковь закрыли «как бездействующую», а здание церкви было решено использовать под Новоселовскую Н. С. школу.² После Великой Отечественной войны ее разобрали и перевезли в с. Каракулино. В ней размещались советские учреждения — военкомат, районная библиотека.

Решением исполкома Каракулинского райсовета от 18.10.1991 г. (протокол №12 п. 7. 220) «О передаче здания центральной библиотеки и прилегающего участка земли Каракулинской церкви Св. Праведного Иоанна Кронштадтского» здание возвращено церкви. Храм по

¹ АО администрации города Сарапула Ф. 17. Оп. 2. Д 121.

² АО администрации города Сарапула Ф. Р – 620. Оп. 1 Д 201.

благословлению архиепископа Ижевского и Удмуртского Палладия наречен именем Св. Праведного Иоанна Кронштадтского и 19.10. 1991 г. освящен Сарапульским благочинным отцом Вячеславом. 9.08.1997 г. Высокопреосвященнейший архиепископ Ижевский и Удмуртский Николай освятил престол храма в честь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона. С этого дня храм Св. Праведного Иоанна Кронштадтского переименован в храм Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона. Тогда же благочинным митрофорным протоиереем Вячеславом и Владыкой Николаем была выражена надежда о строительстве в ближайшем будущем нового храма.

В мае 2004 г. среди жителей с. Каракулино проводился опрос о целесообразности строительства нового православного храма на территории села взамен старого, неоднократно перестроенного. Свое мнение выразили не только православные христиане, но и люди других национальностей; было собрано свыше 3 тыс. подписей. 18.08. 2005 г. настоятель храма о. Евгений отслужил молебен и освятил место под строительство нового храма. Оно не было случайным — именно на этом месте в XVII в. была построена Воскресенская церковь, функционировавшая до 1780 г.

Непосредственно строительные работы начались 26.10. 2005 г. после согласования всей проектной документации с епархией, и завершились 07.08. 2006 г. его освящением архиепископом Ижевским и Удмуртским Николаем с участием 27 священнослужителей.

Храм воздвигнут по проекту В.В. Борщева, принимавшего в свое время участие в восстановлении храма в честь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона в г. Воткинске, в проектировании комплекса Мало-Дивеевского Серафимовского женского монастыря в с. Норья Малопургинского района УР и являющегося также автором проекта храма в честь Святых Царственных мучеников в г. Ижевске. В оформлении внутреннего пространства храма принял участие художник В.А. Лимонов, выпускник С-Петербургской художественной академии, расписавший иконостас и несколько основных икон.

Строительство храма в селе стало серьезным стимулом для возрождения православной веры и активизации деятельности православной общины в районе: были открыты воскресные школы для детей (18.10.2008) и для взрослых (28.03.2015), ведется активная просветительская и воспитательная работа.

СОЦИОЛОГИЯ

К. А. Григорьева, гр. ОАБ-39-0301-41

Научный руководитель — М. А. Полищук

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДАУНА В ОБЩЕСТВЕ

В современном мире проблема инвалидности очень распространена. С каждым годом рождаемость детей с какими-либо отклонениями возрастает. Все чаще появляются на свет дети с таким диагнозом, как синдром Дауна.

Синдром Дауна — врожденная патология, тяжелая генетическая аномалия. Люди с таким синдромом необычны. Им необходима помощь и поддержка со стороны общества. Наличие в стране разнообразных специализированных образовательных дошкольных и школьных учреждений не решает проблемы адаптации и социализации детей с проблемами развития в социуме. Соответственно, не решается проблема толерантности общества к таким детям. Перед родителями, которые сдают детей в интернаты, стоят большие трудности. Наличие таких детей в социуме не предусмотрено. На сегодняшний день практически нет разработанных обучающих и адаптационных программ для обучения и воспитания детей с особенностями развития. Разделение общества на «нужных» и «ненужных» представляется негуманным.

Для анализа социальной адаптации детей с синдромом Дауна было проведено количественное исследование детско-родительских отношений. В исследовании приняли участие 31 родитель, имеющий детей с синдромом Дауна в возрасте от 1 года до 10 лет. На основе анализа ответов были сделаны следующие выводы. У многих родителей ребенок активен, доброжелателен, любит играть с игрушками, слушать музыку, танцевать. Также большая часть родителей, отвечая на вопросы, делает акцент на том, что их дети любознательные, любят рассматривать книги, иллюстрации, смотреть мультфильмы. Из проблемных моментов многие родители отмечают неусидчивость в своих детей, боязнь даже ненадолго оставаться одному, нежелание играть одному.

Далее, в ходе исследования было выявлено, что почти все родители получают поддержку от родственников, органов здравоохранения и образования и от фонда социальной защиты. Однако трое родителей отмечают тот факт, что никакой поддержки они не получают и надеются только на свои силы.

Большинство родителей (86 %), участвовавших в анкетировании, отмечают, что недовольны врачебной компетенцией. Они считают полученную помощь недостаточной, а также отмечают нехватку знаний и профессиональных качеств специалистов, поставленных для работы с детьми с синдромом Дауна.

Кроме того, родителям приходится переживать различные трудности: наряду с борьбой с болезнью ребенка они часто сталкиваются с непониманием со стороны других людей, с их безразличием и равнодушием. При достижении возраста поступления в общеобразовательное учреждение возникает огромное количество проблем, таких как: нежелание принимать ребенка в общеобразовательное учреждение, незнание педагогов о характеристике и особенностях заболевания, отсутствие продуманной законодательной базы и достаточного финансирования, некомпетентность работников образования. Также родители часто отмечают нежелание педагогов работать с такими детьми.

Для выявления сложившихся тенденций в исследовании был задействован метод экспертного опроса, в котором приняли участие 7 экспертов различных направлений, имеющих высокий уровень компетентности по исследуемой проблеме. Исследование показало, что название «Солнечные дети» закрепилось довольно-таки давно за детьми с синдромом Дауна. Как правило, под «солнечными» подразумевают общительность, лучезарность и отсутствие какой-либо агрессии. Это связано в большей степени с присутствующими им чертами характера, такими как доброта, открытость и нежность. Однако эксперты утверждают, что не всех детей с синдромом Дауна можно назвать «солнечными». Некоторые не нуждаются в постоянном общении с людьми, а кто-то его избегает. Если говорить о различии воспитания детей с синдромом Дауна в семье и в специализированных школах, интернатах, то можно смело сказать, что дети, которые воспитываются в семьях, более социализированы и адаптированы в обществе, чем в специализированных школах и интернатах.

Что касается проблем, с которыми чаще сталкиваются семьи, воспитывающие детей с синдромом Дауна, мнения экспертов разделились: кто-то в первую очередь указывает на несвоевременную или не оказанную вообще квалифицированную помощь. Другие говорят о неприятии некоторых общественных организаций, например таких, как детский сад.

Эксперты сошлись на том, что на семьи, воспитывающие ребенка с какими-либо отклонениями, оказывает давление общество. Чаще всего сначала в роддомах предлагают от него отказаться. Потом появляется прессинг со стороны родственников, знакомых. Еще одна из проблем, которую озвучивали эксперты — это распад семей: не каждый отец, как правило, справляется с воспитанием ребенка-инвалида.

Также была озвучена проблема финансовых трудностей, стоящих перед семьей, воспитывающей подобных детей. Не каждый родитель может себе позволить купить дорогостоящие тренажеры, оборудование, оплатить образованных специалистов.

В качестве особенностей семей, которые воспитывают ребенка с синдромом Дауна, эксперты назвали в первую очередь стремление найти единомышленников со сходными проблемами для обмена опытом. Также наблюдается гиперопека над своим ребенком. Кроме того, отмечается закомплексованность, закрытость таких семей, они, как правило, сами не показываются, редко выходят на улицу вместе, так как на них обращают слишком много

внимания. Также прозвучало мнение, что некоторые семьи, которые воспитывают ребенка с синдромом Дауна, излишне сконцентрированы на своих проблемах и обвиняют в этом общество, педагогов, потом себя.

Эксперты утверждают, что есть люди, готовые общаться с такими семьями. Как правило, это связано со знанием, что такое синдром Дауна: профессиональная деятельность или ближайшее окружение семьи, где воспитывается человек с синдромом Дауна. Другие семьи наоборот сторонятся семей, воспитывающих ребенка с синдромом Дауна: кто-то просто боится; кто-то считает, что это заразно; некоторые думают, что ребенок невоспитанный.

Среди основных проблем социализации, стоящих сегодня перед семьями с такими детьми в Удмуртии, эксперты выделили следующие.

Во-первых, это проблема квалифицированной ранней помощи (от рождения до 3-х лет (до того, как ребенок пойдет в детский садик). Как правило, после рождения ребенка родители вынуждены справляться сами. Отсутствует как таковая педагогическая и психологическая помощь малышу и родителям.

Во-вторых, проблема поиска школы и поступления в нее. На данном этапе стоит вопрос о правильности выбора школы: а справится ли мой ребенок? Возьмут ли его в этот класс? Как к нему будут относиться? Эксперты утверждают, что здесь родителям важно отодвигать свои амбиции для психологического комфорта ребенка. В Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015 г.) указано об инклюзивном образовании — «обеспечения равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей».

Третьей и одной из самых главных проблем на сегодняшний день эксперты считают проблему трудоустройства такого ребенка после окончания школы. Родителям тяжело принять это как факт.

Вопрос отношения «обычных» детей к детям с синдромом Дауна не показал большой разброс мнений. Эксперты отметили, что дети либо объединяются в общую компанию, либо нет. Чаще всего, когда маленький ребенок-Даун ходит в садик, малыши, не видят различий и спокойно играют и принимают такого ребенка. Когда ребенок становится старше, и различия более очевидны, дети, как правило, относятся более настороженно и спрашивают мнения взрослых. Эксперты отмечают важность правильно информировать ребенка и воспитывать лояльное отношение к детям с ограниченными возможностями.

Таким образом, эксперты считают, что постепенно отношение к таким детям и их семьям будет меняться в положительную сторону. Это необходимо таким людям и семьям. Но на вопрос, а нужно ли это обществу, эксперты однозначный ответ не дали.

Список литературы

1. Егорова С. В. Социальное конструирование в структуре современных представлений об инвалидности // Вестник САМГУ. Сер. Социология. Самара, 2002. № 3.
2. Ковалева Е., Синицина Е. Дети-инвалиды в современном обществе. М.: Лист-Нью, 2015. 136 с.
3. Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.

В. А. Дорофеева, гр. ОАБ-39-0301-41

Научный руководитель — М. Н. Макарова

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ Г. ИЖЕВСКА К ЯВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СЕТЬЮ ИНТЕРНЕТ

Резкий всплеск активности международного экстремизма и терроризма на сегодняшний день связан с высоким риском возрастания количества экстремистски настроенной молодежи. Особую популярность приобретает метод воздействия путем пропаганды экстремистской идеологии и так называемой «вербовки» при помощи сети Интернет. С каждым годом пользовате-

лей Интернет-ресурсами становится все больше, среди них преимущественно присутствует молодежь.

Для изучения отношения молодежи к явлению экстремизма, а также для выявления уровня экстремистских настроений среди молодежи был выбран метод опроса, как наиболее подходящий к проверке установленной гипотезы. Объектом исследования выступает молодежь г. Ижевска в возрасте от 14 до 22 лет. Данные возрастные категории были выбраны потому, что именно они охватывают школьников, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования, а также студентов высших учебных заведений.

Предмет исследования — отношение молодежи г. Ижевска к явлению экстремизма в контексте взаимодействия с сетью Интернет.

При проведении исследования была поставлена цель — определить уровень экстремистских настроений молодежи г. Ижевска. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- определить уровень знаний молодежи г. Ижевска о явлении экстремизма;
- выявить наличие влияния экстремистских группировок на молодежь г. Ижевска в контексте взаимодействия с сетью Интернет;
- определить отношение молодежи г. Ижевска к представителям других национальностей, религиозных течений.

В ходе исследования было опрошено 382 респондента в период с 15.09.2015 г. по 01.11.2015 г. При формировании выборочной совокупности использовался метод квотной выборки по половозрастным характеристикам. Таким образом, в выборке представлено 186 женщин и 196 мужчин. При расчете выборки использовалась доверительная вероятность 95 %, погрешность составила 5 %. Ниже приведены результаты, полученные в ходе исследования.

Согласно результатам проведенного исследования, большинство респондентов определяют экстремизм как приверженность крайним взглядам и мерам (36,4 %), а также готовность применять насилие для достижения собственных целей (31,7 %). 18,5 % опрошенных также отмечают, что экстремизм — это отклоняющееся от общепринятых норм поведение. Таким образом, в данном случае можно говорить о том, что в представлении молодежи доминирует определение понятия «экстремизм», которое ассоциируется с «крайней» идеологией, насилием и девиантным поведением.

Актуальность проблемы экстремизма для современной России больше половины респондентов оценили как «среднюю» (58,1 %), то есть было отмечено, что данная проблема важна, но существуют и более важные. 20,7 % отметили, что проблема экстремизма является одной из наиболее серьезных, а 13,4 % опрошенных определили ее как неактуальную на сегодняшний день. При этом можно отметить наличие зависимости между оценкой актуальности проблемы и возрастом респондентов: более старшие возрастные группы дают среднюю оценку актуальности проблемы, а младшие определяют ее как одну из самых важных проблем для нашего общества. Это может быть объяснено тем, что младшие возрастные группы более восприимчивы к той информации, которую они могут получать через СМИ. Старшие возрастные группы, напротив, более осмысленно воспринимают подобную информацию и способны не просто ее принимать, а оценивать и анализировать. Помимо этого, с возрастом появляется больше повседневных проблем, и человек выстраивает собственные приоритеты, определяя наиболее актуальные проблемы для него самого. Важно также отметить, что возрастные группы в объекте исследования были выделены соответственно уровню образования респондентов. Таким образом, на восприимчивость информации из окружающего мира и СМИ может влиять не только возраст, но и уровень образования.

Половина опрошенных отметили, что сталкивались с материалами, призывающими к совершению экстремистской деятельности либо оправдывающими национальное или расовое превосходство. Среди них большинство указало в качестве источника таких материалов сеть Интернет (49,7 %). 19,8 % сталкивались с экстремистскими материалами в телевизионных передачах, 14,5 % — в фильмах и сериалах. Помимо этого, в качестве источников также были отмечены листовки, буклеты и брошюры (10,1 %), книги, журналы и газеты (5,7 %). Незначительная часть респондентов (1,8 %) указали, что встречали подобные материалы среди своих знакомых и друзей, то есть круга общения. При этом у половины опрошенных просмотр таких

материалов не вызвал никаких эмоций, а 29,1 % отметили негативное отношение. Здесь также можно отметить наличие некоторой зависимости между возрастом респондентов и их эмоциями, вызванными от просмотра подобного рода материалов. Младшие возрастные группы чаще отмечали появление положительных эмоций, чем старшие, которые были более склонны к проявлению негативных или нейтральных эмоций. Данный факт может быть вызван тем, что младшие возрастные группы, в данном случае преимущественно учащиеся школ, более восприимчивы к материалам подобного рода. Они более подвержены влиянию со стороны и эмоционально нестабильны. Таким образом, важно учитывать, что они входят в группу риска, и именно данной возрастной группе необходимо уделять особенное внимание при формировании антиэкстремистской политики.

Среди всех опрошенных только 15,7 % сталкивались с ситуациями в сети Интернет, в которых на них оказывалось давление с целью привлечь к определенным групповым движениям. Данная группа не зависит от половозрастных характеристик, однако необходимо отметить, что это преимущественно те респонденты, которые высоко оценили важность проблемы экстремизма для современной России. Большинство респондентов (84,3 %) не сталкивались с подобными ситуациями. Несмотря на то, что значительная часть молодежи не подвергалась подобному влиянию и давлению, важно отметить, что, учитывая данную политическую ситуацию и активность международного экстремизма и терроризма, даже 16 % таких случаев являются достаточно существенным показателем. Тем не менее, тот факт, что данная часть молодежи видит актуальность в проблеме экстремизма и выделяет такую проблему вообще, говорит о сознательности респондентов, а также об эффективности антиэкстремистской молодежной политики и профилактических методов.

Большая часть респондентов указала, что не испытывает раздражения или неприязни к представителям других национальностей, религиозных взглядов — 65,7 %. 26,4 % молодежи в свою очередь отметили негативное отношение к представителям отличных от себя групп. Здесь также существует некоторая зависимость от возраста респондентов. Чем младше респонденты, тем более лояльно они относятся к другим религиозным течениям и национальностям. Уровень раздражения и неприязни повышается с возрастом опрошенных. Данный факт может быть связан с тем, что с возрастом вырабатываются ассоциативные связи между, например, религиозным течением и экстремистской деятельностью. Помимо этого, может вырабатываться негативное отношение к мигрантам, которые в силу своих культурных особенностей, отличных и непривычных для нас, ведут иной образ жизни и демонстрируют другие образцы поведения.

Не приходилось сталкиваться с дискриминацией по национальному, религиозному или иному признаку в отношении своей личности большей части респондентов — 62,6 %. 24,9 % испытывали подобное отношение к себе хоть один раз, а 4,5 % сталкиваются с данным явлением достаточно часто. Здесь также присутствует зависимость от возраста респондентов, но при этом она противоположна предыдущей. Наблюдается, что, чем младше опрашиваемый, тем чаще он встречается с дискриминацией в отношении себя, в отличие от старших возрастных групп. Обращаясь к причинам подобного явления, важно обратить внимание на тот факт, что молодежь в возрасте 14–16 лет более эмоциональна и чувствительна к окружающим факторам. Таким образом, встречаясь с подобными ситуациями, они могут ошибочно интерпретировать это как дискриминацию в отношении своей личности.

Респондентам было предложено представить ситуацию, в которой незнакомый для них человек или организация предложили бы заработок посредством информационной рассылки в сети Интернет материалов, тема и смысл которых были бы не особо ясны. В данном случае 45,3 % отметили, что категорически отказались бы от подобного предложения. 36,6 % указали, что смогли бы принять решение только после того, как ознакомятся с информацией. Наименьшая часть опрошенных (3,1 %) оказались менее бдительны в данном случае и ответили, что согласились бы, так как в рассылке информации нет ничего страшного. Примечательно, что среди таких респондентов большая часть (75 %) уже сталкивалась в своей жизни с экстремистскими материалами, но при этом никогда не сталкивалась с ситуациями, в которых оказывалось какое-либо давление с целью привлечь к определенным групповым движениям (66,7 %). Это может указывать на то, что для данной группы респондентов вопрос не был напрямую связан с материалами экстремистского содержания.

Большинство опрошенных никогда не принимало участие в митингах либо иных массовых собраниях (78,8 %) или принимало участие однажды (10,5 %). При этом, среди тех, кто принимал когда-либо участие, основными мотивами являлись поддержка друзей (40,9 %), а также собственные идеи и взгляды (30,3 %). В данном случае наблюдается зависимость между частотой участия в подобных движениях и мотивами респондентов. Таким образом, среди тех, кто принимал участие вместе с родителями, такое явление наблюдалось однажды. Напротив те, кто принимает участие в подобных собраниях часто, вкладывают в это собственные идеи и взгляды, что является вполне логичным.

В завершение опроса респондентам было предложено ответить на вопрос: «Что для Вас значит свобода?» Большая часть отметила, что свобода — это независимость в выборе жизненных позиций (26,4 %) и способность принимать самостоятельные решения (24 %). Также была популярна интерпретация свободы как возможности самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь (16,6%) и возможности действовать в соответствии со своими убеждениями (13,8 %). Наиболее маргинальные варианты ответа выбрала незначительная часть опрошенных: возможность переступить через общественные ограничения и запреты (4,8 %) и возможность не соблюдать закон, если он не нравится (1,1 %). Интерпретация свободы зависит от возраста респондентов: чем старше возрастная группа, тем более они определяют свободу в наличии и реализации своих прав, а не в возможностях самообеспечения и способности принимать самостоятельные решения. Это вполне очевидно, так как восприятие различных понятий может изменяться в зависимости от жизненного опыта, трансформации ценностей и интересов.

На основе анализа полученных данных была составлена синтетическая шкала, индекс «Уровень экстремистских настроений молодежи г. Ижевска». Ключевыми моментами, определяющими данный индекс, были отношение к представителям других религиозных течений и национальностей, наличие дискриминации со стороны окружения в отношении своей личности, а также общественная активность, направленная против существующего устройства государства. Согласно полученным при обработке данным можно говорить о том, что на сегодняшний день среди молодежи г. Ижевска преобладает низкий и очень низкий уровень экстремистских настроений — 28,8 % и 60,5 % соответственно. Очень высокий и высокий уровень таких «крайних» настроений был отмечен в 3,4 % и 7,3 % случаев соответственно. Таким образом, можно говорить о достаточно благополучной ситуации среди молодежи нашего города касательно отношения к экстремизму. Однако важно учитывать свойственную на данный момент нашему обществу нестабильность в международной политике и активность международного экстремизма, что представляет собой особую угрозу для нашего общества, в особенности для молодежных групп. Поэтому важно пресекать экстремистские настроения среди молодежи и активно разрабатывать и применять различные меры профилактики молодежного экстремизма.

Список литературы

1. Авдеев Ю. И., Арсеньев В. В., Найдено В. Н. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 108–122.
2. Арутюнов Л. С., Касьяненко М. А. Профилактика асоциальных проявлений этнического характера в молодежной среде // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 5. С. 19.
3. Архипцев Н. И., Демко О. С. Особенности проявления молодежного экстремизма в России и в Белгородской области // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи. Белгород, 2008. С. 84–91.
4. Бааль Н. Б. Девиантное поведение в механизме формирования криминального экстремизма в молодежной среде // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4. С. 24.
5. Бабинцев В. П. Перспективы противодействия экстремизму и ксенофобии в молодежной среде // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи. Белгород, 2008. С. 130–149.
6. Воронов В. А., Беспаленко П. Н. Общественное мнение молодежи о причинах молодежного экстремизма // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи. Белгород, 2008. С. 33–46.

7. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.
8. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма. // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 78–88.
9. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Феномен молодежного экстремизма: сущность, формы, социальные детерминанты // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи. Белгород, 2008. С. 62–74.
10. Старосветский Е. А. Экстремизм в современном российском обществе // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 12. С. 187–192.

Е. А. Емелина, гр. ОАБ-39-0301-41

Научный руководитель — Т. А. Власова

ПРОЦЕСС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТУДЕНТОВ ПО ОБМЕНУ В МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО

Иностранные студенты по обмену являются представителями разных социумов с различными культурами, традициями, ценностями и системами норм. Когда такие студенты приезжают в Россию, они попадают в совершенно новые социальные условия. Разница между организацией общественной жизни и условиями обучения порождает проблемы, связанные с адаптацией студента к условиям жизни и обучения в чужой стране. Приезжая в другую страну, он вынужден усваивать новые культурные образцы для успешного функционирования в качестве члена принимающего сообщества. Старые образцы и схемы поведения не всегда работают в новой среде, поэтому требуются время и определенные усилия по преодолению барьеров и встраиванию в новую социокультурную среду. Чтобы глубже изучить процесс социокультурной интеграции и понять, как именно иностранные студенты ощущают себя в новом социокультурном пространстве, использовался качественный метод сбора и анализа данных. Поиск информантов производился с помощью электронной почты, электронные адреса были предоставлены Управлением международного сотрудничества и связей с общественностью Удмуртского государственного университета. Было проведено 8 полуструктурированных интервью с иностранными студентами из Финляндии, Польши, Южной Кореи, Ганы, Ирана и Египта.

Процесс социокультурной интеграции можно условно разделить на четыре этапа: подготовительный, начальный, основной и результирующий [2, с. 118]. Подготовительный этап подразумевает под собой причины, которые мотивируют студента присоединиться к новому сообществу. Учеба на факультете русского языка и литературы, любовь к русской культуре и русскому языку, необходимость языковой практики и интерес к русским людям — все это мотивирует иностранных студентов приехать учиться в Россию. Они сознательно выбирают место обучения, предпочитая маленький город большому, руководствуясь рекомендациями своих преподавателей, друзей и знакомых. Мотивы интеграции, направленные на присоединение к новому сообществу, означают подготовку к началу новой жизни иностранного студента в качестве студента по обмену.

Начальный или адаптационный период включает в себя привыкание к новой социокультурной реальности. В процессе начального этапа социокультурной интеграции студенты по обмену сталкиваются с определенными трудностями: личностные трудности — они связаны с психоэмоциональным напряжением, сменой климата, привыканием к местной кухне, «культурным шоком» и т. д. [3, с. 147]. Эти трудности с течением времени исправляются. Учебно-познавательные трудности определяются недостаточной языковой подготовкой, адаптацией к новым требованиям и системе контроля знаний и организацией учебного процесса. В этом случае также ситуация обычно изменяется в лучшую сторону, поскольку студент по обмену улучшает свои навыки владения русским языком и привыкает к новым требованиям учебного процесса. Социокультурные трудности выражаются в освоении нового социального и культурного пространства, в языковом барьере, возникающем при взаимодействии с представителями

местного сообщества. Здесь тоже со временем прослеживается тенденция к позитивному изменению. Социокультурная дистанция сокращается, меняется при взаимодействии с представителями другой культуры.

Во время основного этапа интеграции формируется активная фаза взаимодействия с местным сообществом, усваиваются новые правила поведения, ценности, культурный обмен. Круг общения обменных студентов преимущественно складывается из взаимодействия с русскими и иностранными студентами. Однако с течением времени количество русских друзей значительно увеличивается, а иностранные друзья отодвигаются на «второй план». Студенты по обмену и их русские друзья проводят много времени вместе, узнают о культурах друг друга, практикуют иностранные языки (языковой обмен), посещают выставки и музеи, вместе ходят за покупками, в кино, бары и рестораны, ездят на экскурсии и путешествуют. Взаимодействия между иностранными студентами и принимающим сообществом складываются в позитивные или негативные отношения. Обменные студенты говорят преимущественно только о «хорошем», однако неприятные ситуации тоже случаются. Например, информанты отмечают случаи негативного отношения со стороны представителей местного сообщества по отношению к иностранным студентам. В процессе взаимодействия с местным населением, общение становится более тесным, русские студенты проявляют инициативу, приглашают своих иностранных друзей к себе в гости, знакомя с русской культурой изнутри. Иностранные студенты отмечают гостеприимность, дружелюбие и открытость русских людей в Ижевске. Под влиянием русских соседей по общежитию, друзей и знакомых у студента по обмену формируются новые привычки и особенности поведения, однако по мнению иностранных студентов их русские друзья от них ничего не перенимают.

В ходе исследования были выделены критерии, которые характеризуют успешность социокультурной интеграции студента по обмену — хорошая ориентированность в местной культуре, владение русским языком, общение преимущественно с местным населением, эмоциональная привязанность к России и русским людям [1, с. 10]. Завершающая или результирующая фаза показывает степень интегрированности обменного студента в местное сообщество. После длительного пребывания в родных, бытовых, социальных и культурных условиях иностранный студент перемещается в совершенно новую среду. Резкая смена условий жизни несет в себе определенные трудности интеграции студента в новое сообщество из-за привычной модели общения и отсутствия новых вариантов поведения. Однако, как показывает исследование, студенты по обмену преодолевают почти все трудности, которые появляются у них в процессе социокультурной интеграции. Стереотипы исчезают, повышается уровень владения языком, в результате общения с принимающим сообществом и другими иностранными студентами происходит большой культурный обмен. Студенты получают новые знания о России и русских людях. После такого краткосрочного обучения их первоначальное мнение кардинально меняется в лучшую сторону, формируется эмоциональная привязанность, что позволяет им рекомендовать Удмуртский государственный университет и г. Ижевск своим знакомым и тем, кто только собирается участвовать в программе по обмену.

В процессе исследования наблюдалось наложение одного этапа на другой. Мы не можем сказать с уверенностью, когда заканчивается этап социокультурной адаптации и когда начинается активная фаза взаимодействия с местным сообществом. Каждый из этапов, несомненно, нужен в процессе интеграции, однако основной этап, который показывает взаимодействие студентов по обмену с местным сообществом, представляет особую важность и интерес, потому что именно он раскрывает смысл социокультурной интеграции — успешное взаимодействие с представителями принимающего сообщества. Таким образом, именно через этот этап процесс интеграции в новом социокультурном пространстве идет лучше всего.

Список литературы

1. Варшавер Е. А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов // МИСКП. 2014. №27.
2. Гриценко Г. Д. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в новое сообщество: структурный аспект // Гуманитарные науки «Наука. Инновации. Технология». 2013. №4.

3. Захаренко Т.А. Условия и факторы интеграции и дезинтеграции иностранных студентов в полиэтничной среде // Грани науки. 2015. №4.

В. О. Степанова, гр. ОАБ-39-0301-41
Научный руководитель — К. Н. Обухов

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕТОЦЕНТРИСТСКИХ СЕМЕЙНЫХ ПРАКТИК ЗАМУЖНИМИ РОССИЯНКАМИ

Интерес к семье и семейным практикам обусловлен несколькими причинами, основной из которых является то, что многие исследователи связывают большинство общественных проблем с семьёй, с отношениями внутри семьи, теми установками, которые первично задаются в семье. В современном обществе наблюдается постепенное изменение установок на количество детей и увеличение масштаба демографического кризиса. Подобные изменения маркируются через понятия «трансформация семьи», «кризис института «семья»» или «демографический кризис». Сейчас чаще встречаются семьи с одним, максимум с двумя детьми. Всё внимание внутри таких семей сосредоточено на ребёнке, на его развитии и благополучии. Такая концентрация внимания на детях получила название «детоцентризм» и имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

В ходе вторичного анализа было выявлено несколько видов детоцентризма, таких как авторитарная, амбивалентная и квазиавтономная модель отношения родителей и детей, которые наиболее подробно рассматривались в трудах С.И. Голода. В рамках каждой из них, ребёнок рассматривался как «ряд», «совокупность» или «набор функций». Вторичный анализ способствовал выявлению нескольких причин такого рода воспитания, но для более детального изучения детоцентризма возникла необходимость в изучении экспертного мнения по данному вопросу. Экспертами также было озвучено несколько видов детоцентризма, одним из которых является рассмотрение ребёнка в качестве «вклада в будущее». По мнению экспертов, родители полагают, что в детстве они помогают ребёнку, чтобы в будущем ребёнок помог им. Не менее значимым является утверждение о том, что ребёнок — это способ самореализации родителей. Через детей они стараются сделать то, что не смогли сами, достичь какие-либо важные для себя цели.

По словам экспертов, женщина считает, что прежде всего ответственность за ребёнка возлагается на неё («У нас так заведено: мы до гробовой доски носимся за своими детьми, их проблемами, заботами»). Также экспертами высказывается мнение, что детоцентризм часто развит в семьях, где нет отца, либо он есть, но не уделяет достаточного внимания детям. Другими словами, женщины чаще занимаются воспитанием ребёнка, и чаще продуцируют детоцентристские модели воспитания. Поэтому именно женщины, состоящие в браке, в возрасте от 18 до 55 лет стали объектом количественного исследования. Предметом было выбрано распространение детоцентризма среди женщин, состоящих в браке. Основной целью исследования является определение уровня проникновения детоцентризма в семейные практики, воспроизводимые женщинами, состоящими в браке.

Методом проведения исследования был выбран онлайн опрос. В его рамках было опрошено 338 женщин города Ижевска в возрасте от 18 до 55 лет. Опрос производился с 20 октября по 17 ноября 2015 г. Респонденты по возрастным категориям были распределены следующим образом: от 18 до 20 лет — 15 человек (4,4 %), от 21 до 30 лет — 65 человек (19,2 %), от 31 до 40 лет — 88 человек (26,0 %), от 41 до 50 лет — 87 человек (25,8 %) и от 51 до 55 лет — 83 человека (24,6 %). В качестве инструментария для сбора данных была представлена анкета, где были включены вопросы, касающиеся информации о распространенности детоцентризма, преобладающей его на территории Удмуртии и основных моделей воспитания ребёнка.

При обработке вопросы-утверждения были объединены в одну синтетическую шкалу. Недетоцентристские утверждения были перекодированы в обратном порядке, а вопросы, относящиеся к детоцентризму, остались без изменений. Затем было выполнено агрегирование дан-

ных и придание полученным цифрам смысла. Ответы респондентов, которые входили в диапазон до 42 баллов, получили название «недетоцентристские семьи», 43–59 — умеренный, 60 и выше — выраженный детоцентризм.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что 71,0 % женщин, состоящих в браке, воспроизводят в своей семье умеренные детоцентристские семейные практики. В 25,9 % ответов респондентов отношения между членами семьи приобрели характер выраженного детоцентризма, а модель воспитания 3,2 % опрошенных не имеет сходства с воспроизводством детоцентристских семейных практик.

Интересно отметить, что количество детей с недетоцентристской моделью воспитания уменьшается при увеличении продолжительности жизни с супругом: среди женщин, состоящих в браке менее года, этот показатель наблюдается в 10,0 % случаев, в то время как среди тех, кто в браке более 15 лет — в 1,2 %. Совершенно иначе дела обстоят с выраженным детоцентризмом. В семьях, состоящих в браке менее 1 года, он наблюдается в 12,5 % случаев, а более 15 лет — в 28,2 %. На основе коэффициента Фи (значение — 0,25, статистическая значимость 0,007) можно сделать вывод о том, что степень детоцентризма в семье на 6,2 % определяется продолжительностью жизни с супругом, остальные 93,8 % разбросов ответов связаны с другими факторами или переменными.

При сопоставлении детоцентризма и количества братьев и сестёр у родителей была выявленная следующая особенность: в случаях, когда в семье родителей было 5 детей, супруги в большей степени практиковали выраженный детоцентризм (71,4 %), в то время, как в остальных группах преобладал умеренный детоцентризм. Также важно, что с увеличением числа детей в семье родителей, умеренный детоцентризм возрастает: если родитель один в семье — 67,3 %, а если у респондента есть ещё 5 братьев или сестёр — 100 %. Выраженный детоцентризм, наоборот, ослабевал: в семьях с одним ребёнком — 27,9 %, с 6 — 0 %. На основе коэффициента Фи (значение — 0,24, статистическая значимость — 0,042) можно сделать вывод о том, что степень детоцентризма в семье на 5,6 % определяется наличием братьев и сестёр у респондента, остальные 94,4 % разбросов ответов определяются другими факторами или переменными.

Немаловажным является рассмотрение детоцентризма с точки зрения возраста респондента. Здесь основным является то, что с увеличением возраста респондента, количество семей, в которых воспроизводится недетоцентристский тип практик, уменьшается: 18–20 лет — 6,7 %, 51–55 лет — 1,2 %. На основе коэффициента Фи (значение — 0,24, статистическая значимость — 0,012) можно сделать вывод о том, что степень детоцентризма в семье на 5,8 % определяется возрастом респондента, остальные 94,2 % разбросов ответов определяются другими факторами или переменными.

Также детоцентризм был рассмотрен относительно уровня образования. В данном блоке особенностью оказалось то, что среди респондентов со средним образованием преобладает выраженный детоцентризм (56,3 %), в то время как в остальных группах — умеренный. Также отмечается некоторая градация детоцентризма относительно уровня образования. С увеличением уровня образования респондента, недетоцентристский тип семей и выраженный детоцентризм ослабевают, а умеренный — усиливается. На основе коэффициента Фи (значение — 0,23, статистическая значимость — 0,019) можно сделать вывод о том, что степень детоцентризма в семье на 5,4 % определяется уровнем образования респондента, остальные 94,6 % разбросов ответов определяются другими факторами или переменными.

Не менее важным является рассмотрение данной синтетической шкалы с точки зрения количества детей у супругов. Здесь наблюдается чёткая градация в семьях, воспроизводящих недетоцентристские модели воспитания. Если при отсутствии детей эту модель выбирают 6,7 % опрошенных женщин, то с увеличением количества детей недетоцентристские практики теряют свои позиции. В семьях, где три и более ребёнка, она не наблюдается. Выраженный детоцентризм, в отличие от недетоцентристского типа воспитания, с увеличением количества детей начинает встречаться чаще. Если в семьях без детей этой позиции придерживались 20,0% опрошенных, то в парах с пятью — 75,0 %. Исключение составляют лишь семьи с четырьмя детьми, где данная модель отсутствует (0,0 %).

Список литературы

1. Голод С. И. Детоцентристская семья — явление индустриального общества // Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

А. Ю. Вертелецкая, гр. ОМ-39.04.01.02-21
Научный руководитель — Т. А. Власова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕТНОГРАФИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ВОПРОСОВ ОБРАЗОВАНИЯ НА ИНТЕРНЕТ-ФОРУМАХ РОССИИ И ПОЛЬШИ

За последние десятилетия темп жизни заметно увеличился. Этому способствовал целый ряд факторов, в числе которых среди прочих можно назвать повсеместное распространение компьютерных технологий, Интернета. На сегодняшний день для того чтобы обратиться за советом, получить ответ на интересующий вопрос, высказать своё мнение, во многих случаях совершенно не обязательно выходить из дома — достаточно лишь иметь компьютерное устройство с доступом к Глобальной Сети. На просторах Интернета существуют различного рода площадки виртуальной коммуникации, в том числе тематические форумы, которые успешно объединяют людей, каким-либо образом связанных с той или иной проблемой. Не стали здесь исключением и родительские форумы, поскольку изменения в сферах образования, обучения и воспитания являются значимыми для родителей.

Актуальность исследования родительских взаимодействий на интернет-форумах России и Польши обусловлена тем, что среди отличительных свойств стран, стремящихся к лидерству, уделено особое внимание вопросам развития образования. В Польше, как и в России, некогда существовала система образования советского образца, что свидетельствует о схожей изначальной ситуации в системе образования до начала проведения реформ. Изменения, произошедшие в данной сфере, способствовали появлению необходимости выбора родителями обеих стран образовательной стратегии детей.

При анализе родительских взаимодействий на Интернет-форумах целесообразно использовать метод нетнографии — сбор и анализ качественной информации на основе высказываний потребителей в Интернет-сообществах. Термин «нетнография» ввёл в научный оборот канадский исследователь Роберт Козинец (Kozinetz). Он рассматривал данный метод как процесс и результат изучения виртуальных культур и сообществ, основанных на Интернет-коммуникации [3]. Козинец считает тематические Интернет-площадки, в которых люди самостоятельно подбираются «по интересу», такими же «естественными» условиями, как и работу в поле [1, с. 82]. Изначально данный метод начал применяться в маркетинговых исследованиях, при изучении потребностей, желаний, опыта, мотивации, установок и восприятия потребителей того или иного продукта [5, с. 29], а позднее его применение распространилось и на другие области социальных исследований. Основным достоинством нетнографии, по нашему мнению, является возможность сбора естественным образом формируемых данных без оказания влияния на респондентов.

Для изучения родительских взаимодействий относительно вопросов образования с использованием метода нетнографии было отобрано 2 российских и 2 польских Интернет-форума: <http://forum.detochka.ru/>, <http://detstvo.ru/>, <http://www.babyboom.pl/forum/>, <http://dziecko-info.rodzice.pl/>, на которых обсуждаются вопросы образования, а целевую аудиторию составляют родители. В целом было обработано 108 тем, что составляет 6948 сообщений. Также на данных форумах были инициированы обсуждения под заголовком «А есть ли у вас план?/Czymaciejakiś plan?», где пользователи имели возможность высказаться относительно способов предоставления своим детям образования.

В целом родительские форумы предстают в образе виртуальных сообществ, которые функционируют по заранее принятым правилам и в которых есть группа пользователей, обладающая большими правами — модераторы. Как отмечает Мануэль Кастельс, сообщества не являются статичной группой с заданным числом членов, структурой и характером протекания групповых процессов. К ним более применимо понятие «сети», состоящей из меняющегося числа акторов, с размытыми границами и достаточно гибким характером взаимодействий [4, с. 96]. Так, непосредственных участников форумов — зарегистрированных посетителей — можно условно разделить на две большие категории. Первую категорию составляют посетители-новички, которые эпизодически заходят на Интернет-ресурс и фрагментарно участвуют в жизни сообщества. Это в основном посетители, которые задают вопросы, связанные с попаданием участника в новую для себя ситуацию, получением нового опыта. Задаваемые такими участниками темы могут перерасти в дискуссию между постоянными участниками. Например, как в случае с темой «Дочка ездила учиться на год в Германию по госпрограмме, Год в немецкой школе». В данной теме новый участник сообщества открывает обсуждение с намерением поделиться положительным опытом собственного ребёнка об участии в программе по обучению за рубежом. Первоначальные отклики других участников о данном событии, условиях и вариантах иных программ, собственном опыте, постепенно переросли в обсуждение на более общем уровне — о целесообразности обучения за рубежом, а также в сравнении отечественного и зарубежного образования. Вторую категорию составляют постоянные участники форума, принимающие регулярное участие в жизни сообщества. В основном это родители, принимающие активное/деятельное участие в жизни своих детей. Данного типа участники не только отвечают на поставленные вопросы и делятся своим опытом родительства, но также и создают «общие» темы, в которых обсуждают повседневные/текущие ситуации, строят планы на будущее своих детей, рассуждают об образовании и обучении в целом. Например, тема «Десятиклассники 2015–2016, Бывшие первоклассники 2006». Темы подобного типа характеризуются тем, что в них принимают участие преимущественно одни и те же знакомые между собой (как реально, так и виртуально) участники, образуя небольшое сообщество, связанное с одной возрастной группой детей.

Как на российских, так и на польских форумах было отмечено нейтральное, либо доброжелательное взаимодействие родителей в эмоциональном плане. Постоянные участники форумов обращаются не только к аудитории, но и к конкретным пользователям, что делает их взаимодействие более персональным (особенно это свойственно российским форумам). Provocационные, оскорбляющие и подобные им высказывания блокируются модераторами сайтов, согласно правилам форума, что позволяет сохранять конструктивную направленность обсуждений.

В ходе анализа тем форумов было отмечено, что вопросы, наиболее часто обсуждаемые родителями, можно сгруппировать в такие блоки, как: дополнительные занятия, помощь в обучении, выбор школы, обучение за рубежом, самостоятельные занятия дома, иностранные языки, книги, общие темы по одной возрастной группе. При этом стоит отметить, что как на российских, так и на польских форумах, наибольшее внимание уделяется обсуждению дополнительных занятий и помощи в обучении. Также на польских форумах особое место занимает вопрос выбора школы, что является отражением специфики образовательной системы страны. В свою очередь, на российских форумах заметное внимание уделяется блоку тем, посвящённых обучению за рубежом. Эти же результаты подтверждаются данными, полученными в результате обсуждения плана образования: участники российских форумов делают акцент прежде всего на дополнительные занятия, формирование мотивации ребёнка к обучению и «определению себя в жизни», а также обучению за рубежом; участники польских форумов также обращают внимание на дополнительные занятия и жизненное самоопределение ребёнка и дополнительно упоминают о выборе учебного заведения (школы).

Подводя итог, можно сказать, что при использовании нетнографического метода в изучении Интернет-форумов для родителей можно получить данные не только относительно мнений родителей и непосредственных участников данных сообществ по тому или иному вопросу, но также изучать культуру и систему взаимоотношений внутри сообщества.

Список литературы

1. Илюхина А. И. Локальные сообщества и движения в наукоградах // Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых учёных. Москва, 22–24 декабря 2014 г. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 81–88.
2. Исупова О. Г. Конструирование силы из бессилия: анализ интернет-сообщества пациентов клиник репродуктивного здоровья // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы. Сб. ст. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 129–153.
3. Козырева Л. Д., Козырев А. А. Количественные и качественные онлайн-исследования. URL: http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Psihologia/13_118808.doc.htm
4. Полухина Е. Онлайн наблюдение как метод сбора данных // INTER. 2014. №7. С. 95–106.
5. Bartl M., Hück S., Landgraf R. Netnography erschließt Online-Communities als Innovationsquelle. In. Research&Results, 2008, Vol.1, P. 28–29.

В. Ю. Рубцова, гр. ОМ-39.04.01.02-11
Научный руководитель — В. Л. Круткин

ПАМЯТНИК КАК ТРАНСЛЯТОР СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ОБЪЕКТ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Социальная память является важным звеном процесса передачи информации во времени: из прошлого в будущее. Индивидуальная память устроена таким образом, что для идентификации ей необходима система координат, на которую она будет опираться. Социальная память посредством памятника создает возможность для данной идентификации. Значимость памятника предполагает необходимость его правильного размещения на территории города не только с точки зрения градостроительства, но и с точки зрения символического смысла пространства. Ошибки расположения памятника на территории города в обоих его смыслах могут вызвать трансформацию значения памятника.

Социальная память здесь и далее понимается как сохранение информации о событии, происходящем вне опыта индивида, объективированном с помощью медиаторов и воспроизведение данной информации индивидом при взаимодействии с медиаторами. Материальный носитель выступает посредником, он необходим, так как информация не может быть передана напрямую ввиду того, что «отправитель» и «получатель» разделены во времени. Важной составляющей данного акта коммуникации является сложность кода, который использует создатель материального носителя. Чем проще код, тем меньше вероятность трансформации смысла, но тем выше шанс остаться неп прочитанным, и наоборот.

Непрочитанность подразумевает отсутствие эмоционального посыла, который должен побудить получателя к расшифровке сообщения или декодированию. И.Г. Кравченко приводит следующее описание данной ситуации относительно памятников: «Когда мы рассматриваем памятник, в отличие от, например, исторического факта или документа, достоверность не является главным критерием оценки, а на первый план выступают эмоциональные и эстетические оценки, которые побуждают или к определенным действиям, или к ответным эмоциям» [1, с. 62]. То есть определяющим фактором оказывается форма, которая является результатом кодирования. Или, говоря иначе, эмоционально-эстетическая насыщенность памятника влияет на время его существования как транслятора социальной памяти.

Создание памятника предполагает перенос смысла события из памяти человека в архитектурную форму, в архив, который призван оказать помощь в случае забвения, однако, смысл события при переходе из одной формы в другую может измениться, и объективация в данном случае только способствует забвению. Пьер Нора говорит о местах памяти, которые возникают, когда люди боятся забыть о каких-то значимых событиях, и вследствие этого создают материальное подтверждение или же присваивают определенное значение уже существующему материальному объекту. Выражение «не отсылают ни к чему, кроме самих себя» [2, с. 49], использованное П. Нора, можно объяснить следующим образом: место памяти отсылает к тому вре-

мени, когда оно было создано, к тому времени, когда появился страх возможности забвения некоторого значимого события в будущем.

Наступает момент времени, когда некоторое событие больше не актуализируется в разговоре, память перестает быть оперативной, его нет в памяти поколений и социальных групп, память о нем не поддерживается государством. В этом случае, чтобы актуализировать событие, необходимо обратиться к материальным носителям. Однако, как мы уже выяснили, для этого обращения должен быть стимул, напрямую зависящий от кода, который использовался для преобразования памяти в предметную форму. Кроме того, получатель сообщения должен владеть «языком текста», знаковой системой, которая использовалась при создании материального носителя.

Памятники, с точки зрения функциональности, являются наиболее удачным транслятором социальной памяти по нескольким причинам. Во-первых, снос или перестановка памятника сложно осуществимы, к тому же данный факт может быть замечен непосредственно при взаимодействии с городской средой или информация о данном событии может транслироваться в СМИ. Во-вторых, памятник включен в социальное пространство жителей города, что гарантирует коммуникацию даже в случае отсутствия определенной цели у индивида. В-третьих, городская среда является гомогенным пространством, и это обеспечивает спонтанность коммуникации.

Рассмотрим памятники в рамках городской среды. Город здесь и далее будет представлен не в территориальном, а в символическом значении и определен как «создаваемый людьми способ повседневных практик их совместного существования, поведенческих традиций, установок и мотиваций, совместной деятельности» [3, с. 52]. Памятник является исходным материалом для построения мифа, происходит «репрезентация означаемого посредством означающего» за счет того, что означающее или форма не передает всего смысла, и пустота, которая неизбежно образовывается, должна заполниться новым означаемым или содержанием [4]. Стоит отметить, что мифологизация способствует формированию локальной идентичности. Памятник становится индикатором принадлежности к определенной территории, источником социальных практик и оказывается включен в городской миф. Так, информация, которая была заложена в памятник при его создании, подвергается деформации со стороны места его расположения, формирующего вокруг себя символическое пространство. Однако и сам памятник маркирует пространство, наполняет его символическим содержанием.

Существует семиотическая модель городской среды, которая строится на объектах-символах и присваивает пространству определенное символическое содержание, представляющее собой языковое выражение архитектурных форм. У каждого объекта-символа есть функции назначения и функции значения [5, с. 15]. Первые формируются еще до создания объекта или до его помещения в городскую среду и являются тем, для чего осуществляется это «создание» или «помещение». Вторые формируются соответственно после этого и отвечают за символическое содержание. Для создания семиотической модели, а точнее, для ее обновления, необходимо адаптировать знаки и символы прошлого к существующей знаковой системе. В итоге мы получаем структуру, элементы которой не просто связаны друг с другом, но и имеют разный характер связей, то есть пространство города представляет собой семантическую сеть.

У. Эко делит функции архитектурных объектов на первичные и вторичные [6, с. 276], что сравнимо с приведенным выше делением на функции назначения и значения. Первичная функция памятника — это транслирование социальной памяти, вторичной функцией может быть, например, проведение митингов или социальных акций у определенного памятника. Вернемся к социальной памяти и ее объектному воплощению в пространстве города. В процессе транслирования социальной памяти происходит трансформация означаемого, что позволяет говорить о его конструировании.

Особенность трансляции социальной памяти вне контекста состоит в наличии посредника, который, с одной стороны, позволяет осуществить передачу информации в максимально далекое будущее, а, с другой стороны, — создает возможности для трансформации этой информации. Также, рассматривая трансляцию социальной памяти в символическом пространстве города, стоит отметить влияние городской среды на заполнение пустоты формы материального носителя с помощью присваивания нового содержания, то есть мифологизацию. Как только памятник ока-

зывается вписан в семантическую сеть города, у него появляются вторичные функции, связанные с его положением в пространстве, социальными практиками людей в его отношении. Происходит уташение реализации вторичных функций по сравнению с первичными.

Список литературы

1. Кравченко И. Г. Памятник как социокультурный феномен // Вестник ВолГУ. 2008. № 1.
2. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
3. Туркина В.Г. Город как виртуальный феномен // БелГУ. Научные ведомости. № 16. 2009.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. URL: <http://www.lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt_with-big-pictures.html>
5. Козырева Л. К. Семиотическая модель, как основа сохранения исторической архитектурно-пространственной среды // Наука и современность. 2010.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006.

М. Н. Сполохова, гр. ОМ-39.04.01.01-22
Научный руководитель — Н. С. Ладыженц

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Молодежь выделяется как часть общества, характеризующаяся переходностью статуса, социальных ролей, лабильностью сознания, мобильностью и обладающая инновационным потенциалом. По данным Росстата, в России от общей численности населения проживает около 20 % молодежи [12]. Зарождение социологии молодежи симптоматично для общества и связано с возникновением межпоколенческих проблем и социальных изменений с её участием. В настоящее время во Франции молодежь является активным участником протестов против реформ трудового законодательства, в Южной Африке — против плохих условий жизни и отсутствия материальной поддержки, в Киеве — против низких стипендий и отсутствия льгот.

В социологии молодежь первоначально рассматривалась как объект контроля и воспитания [14]. Активность молодежи зависит от взаимосвязанных процессов индивидуализации, социализации, мотивации и объективных социокультурных условий. Индивидуализация проявляется как стремление объединиться и создать «свой» мир, присваивая или вырабатывая набор символов. Процесс связан со слабой интеграцией поколения [5]. В целом период молодости — это переходный процесс от первичной социализации к вторичной, пересматриваются прежние идентификации, осваиваются новые, конкретный «Другой» переходит в обобщенного «Другого», обрстая стереотипами и поведенческими аттитюдами [4].

Социализация представляет собой двусторонний процесс. Молодежь усваивает существующие нормы и изменяет их, осуществляется воспроизводство социальных структур [11]. Перемены, вносимые молодежью, получили название процесса ювентизации в концепции П. Э. Митеева [9]. Роль молодежи как активного субъекта социальных изменений осмыслена в работах К. Маннгейма через выявление сущности поколения и молодежи. Молодежь и старшее поколение отличаются частотой «свежих контактов» — взаимодействием с чем-либо новым. Таким образом, молодежь оказывается ближе к пониманию социальных проблем и путем инновационной деятельности пытается изменить социальную реальность. В этом случае отсутствие опыта лишь способствует инновационной деятельности [8].

Гуманистическую концепцию предлагает М. И. Ильинский. Он снимает проблему определения молодежи, говоря, что это — явление историческое, и общество всегда должно переопределять понимание молодежи [3]. Отдельного внимания заслуживает рискологическая концепция Ю. Зубок. Риск — это сущностная характеристика молодежи, она связана с инновационной деятельностью и переходным статусом. Посредством локализации риска, то есть объединения в группы для его преодоления, молодежь в большинстве случаев успешно справляет-

ся с проблемами. Это является показателем зрелости личности, однако спорным остается вопрос о том, как способна сформироваться зрелая личность в состоянии аномии [2]. Изучение молодежи в рамках этого подхода — это изучение её сознания, того, каким образом и как часто осуществляется рефлексия, где её границы, как сконструировались идентичности настоящего поколения [13].

Общая схема конструирования социальной реальности молодежью была предложена В. А. Луковым. С его точки зрения, конструирование начинается еще на этапе усвоения норм, но этот процесс никогда не может полностью сконструировать идентичность, — всегда будут оставаться «зазоры». Поэтому на втором этапе происходит достраивание символического универсума, а на третьем — переструктурирование условий среды в соответствии с тезаурусом. Тезаурус — это вся совокупность представлений и знаний об окружающей действительности индивида, определенный символический мир [6].

Тезаурусный подход в аспекте исследования социальной активности применим и используется достаточно широко. Молодежь как социальная группа осваивает и присваивает субъектность, самоидентифицируя себя. Формирование тезауруса предполагает конструирование реальности и проектирование. Как в обществе может существовать одновременно множество тезаурусов, также и в структуре сознания личности существует несколько тезаурусов. Они выстраиваются в иерархию, исходя из степени актуальности. Но иерархия не представляет собой статичную систему и может меняться под влиянием объективных социальных условий и субъективного определения ситуации [12]. Освоение социальности происходит по дихотомии «свой – чужой» и в процессе выработки позиции по отношению к определяемым фрагментам. Благодаря адаптации, граница между «чужим» и «своим» постоянно пересматривается и может быть изменена. Таким образом, тезаурусный подход предполагает исследование идентичности молодежи и результатов конструирования социальной реальности на основании социальной субъектности.

Социальная субъектность проявляется как инновационная деятельность. В. А. Луков четко разграничивает новационные свойства, инновационный потенциал и инновационные возможности. Новационные свойства — это способность субъекта выстраивать знание об окружающей среде. Из-за отсутствия какого-либо опыта, новационные свойства быстро активизируются. Поэтому риск как сущность молодежи проявляется благодаря её творческому потенциалу и социальной активности. Инновационный потенциал — это готовность молодежи проектировать с целью изменения социальной действительности. Ограничителем инновационной деятельности становится общественное одобрение, оно является инновационной возможностью. Привлечение молодежи к проектированию — это реализация её инновационного потенциала и развитие её активности. Разрыв между новационными свойствами и инновационным потенциалом сокращается посредством влияния государственной молодежной политики [7].

В основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года выделено несколько направлений работы с молодежью, однако молодежь в большей степени рассматривается как объект для пропаганды ценностей, необходимых для государственной целостности. При этом проблемы незащищенности, безработицы, социальной депривации остаются для молодежи определяющими. Отмечается снижение потенциала молодежи в целом, связываемое с ощущением незащищенности, нестабильности и несправедливости [1].

Список литературы

1. Голиусова Ю. В. Молодежь России: отношение к труду и занятости в условиях трансформации социально-экономической структуры российского общества // Модернизация социальной структуры российского общества. М., 2008. С. 261–270.
2. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.
3. Ильинский И. М. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы. М.: Ин-т молодежи: Голос, 1999. 323 с.
4. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационные траектории // Социс. 2003. № 1. С. 109–115.
5. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. 2002. № 10. С. 79–87.

6. Луков В. А. Тезаурусный подход: исходные положения // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 9. — Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukovs_Thesaurus_Approach/ (дата обращения 16.05.2015).
7. Луков В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.
8. Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М.: 2000. С. 8–63.
9. Митеев П. Э. Социология лицом к лицу с проблемами молодежи. София, 1983. 130 с.
10. Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. // Федеральное агентство по делам молодежи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fadm.gov.ru/docs/9/> (дата обращения 09.07.2015).
11. Социология молодежи: энциклопедич. словарь (2008) / авт.-сост. Ю. А. Зубок, А. И. Ковалева, В. А. Луков, В. И. Чупров. М.: Academia. 606 с.
12. Федеральная служба государственной статистики. Демография. Численность и состав населения. Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 04.04.2016).
13. Чупров В. И. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 161 с.
14. Ядов В. А. Социология в России. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. 696 с.

Е. О. Зеленова, гр. ОМ-39.04.01.01-11
Научный руководитель — М. А. Полищук

МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время миграция, как следствие высокой мобильности населения, охватывает все территории и все государства, независимо от их статуса и плотности населения. Сейчас современная российская молодежь (диапазон, взятый для рассмотрения — 14–29 лет) является наиболее активной социальной группой и достаточно легко воспринимает новые условия жизни. Из чего можно сделать предположение о том, что ей потенциально присущ высокий уровень миграционной мобильности. Согласно статистике за 2014–2015 годы, для Удмуртской Республики данное утверждение также справедливо. Так, по данным Удмуртстата, в 2014 г. молодежи в возрасте 14–29 лет в Удмуртии проживало 630410, а в 2015 г. — 607094, что на 23316 человек меньше [4]. Безусловно, это связано не только с миграцией населения, но и с переходом из одной возрастной группы в другую, но так или иначе, миграционный прирост населения обозначенной возрастной группы по итогам 2015 г. составил минус 1526 человек.

В условиях растущего дефицита высококвалифицированных трудовых ресурсов, постепенно охватывающего большинство регионов России, в том числе Удмуртию, такое явление, как миграция молодежи, заслуживает особое внимание общественности. Приток молодежи в города, бегство молодых людей из сел — подобные явления уже давно интересовали ученых. Вследствие внутренней миграции в России появилась сеть крупных и крупнейших городов, предлагающих достойную работу и оплату, а также развитую инфраструктуру для молодых людей. Но процесс аккумуляции населения в крупных городах-центрах не завершен, важным аспектом остается конкуренция городов за население, а в особенности — за молодежь. Поскольку речь идет о перспективах развития российской и региональных экономик, а вместе с ней и других сфер жизни, особый интерес представляют жизненные планы молодых специалистов, а также тех, кому только предстоит определиться на рынке труда [7].

В описанном в данной статье исследовании за объект рассмотрения берется миграционная мобильность молодых людей Удмуртской Республики как индикатор экономической, политической реальности региона. Чтобы понять основные катализаторы подобного явления, в ка-

честве предмета исследования выступают источники и причины миграционной мобильности молодежи республики. Целью данной работы является выявление основных причин, а также внешних и внутренних факторов, определяющих течение миграционных процессов на территории региона.

В наши дни отношение к миграции можно назвать одним из показателей благополучия или неблагополучия граждан в стране и в регионе соответственно. По территориальному признаку выделяют внешнюю миграцию, — движение за пределы страны, и внутреннюю миграцию, — передвижение внутри страны [5]. Также активно изучается миграция во временном измерении. В связи с этим ряд современных исследователей миграционных процессов выделяют временную (сезонную, маятниковую) и постоянную миграции [6].

Согласно последним, имеющимся в научных социологических кругах выводам, все факторы, определяющие отношение к миграции, можно разделить на внешние — обусловленные средой проживания личности, ей социальной, политической, экономической структурой, и внутренние, — личностные ориентиры и установки. Как правило, они влияют на личность в совокупности, возникая и проецируя в разных жизненных и социальных ситуациях, они рожают различное отношение к эмиграции [2]. Часть из них будет рассматриваться далее.

В данной работе на практике проверяется гипотеза, выдвинутая доктором социологических наук Е.И. Ивановой в ее работе «Социальный вектор миграционной подвижности Россиян» [1], о существовании в современной России трех основных «социальных векторов» миграции: демографического, социально-статусного, профессионального. В работе приводятся результаты проведенного Центром социологических исследований УдГУ опроса на тему «Молодежь Удмуртии: экономическое положение». В данном опросе приняло участие более тысячи респондентов в возрасте от 14 до 30 лет включительно, проживающих на территории Удмуртской Республики. Участникам предлагалось ответить на ряд вопросов, в том числе 3 последних, раскрывающих отношение населения к миграции: Собираетесь ли Вы поменять свое место жительства и переехать в другой город, страну? Куда именно Вы хотели бы переехать? Каковы причины переезда в другой населенный пункт? Порядка 30,2 % опрошенных на вопрос о возможном переезде ответили «скорее нет», что, скорее всего, они бы не стали переезжать; при том, что 27,8 % респондентов ответили на вопрос положительно — «скорее да». Из наиболее благоприятных направлений переезда назывались крупные города России, такие как Москва и Санкт-Петербург. Для тех, кто все-таки рассматривает возможность переезда в 22,88 % случаев, ключевым являлся фактор «Поиска хорошей работы», в 14,47 % — фактор «Повышения уровня жизни», и замыкал тройку лидеров ответ «Сделать карьеру, профессионально реализоваться», получивший поддержку 12,08 % респондентов. Полученные результаты могут свидетельствовать о схожести настроений молодых жителей Удмуртской Республики с молодыми жителями других регионов России по отношению к миграции.

Современное научное сообщество выдвигает достаточно большое количество гипотез, объясняющих миграционную активность населения в наши дни. Так в данном научном труде проверяется еще одна научная теория, представленная в статье «Отношение к Эмиграции в современной Российской провинции» [3] авторами А. А. Возьмителем, М. Н. Яковлевой: деление жителей Удмуртской Республики на основе анализа их отношения к процессу миграции на группы «Дезориентированных прагматиков», «Оптимистов», «Традиционалистов». К первой группе — «Дезориентированные прагматики» — по мнению авторов, относятся те, кто навсегда желает уехать из России; это, в основном, молодые люди, в самом расцвете сил, разделяющие гедонистические установки. Вторая группа — «Оптимисты» — представлена теми, кто успел реализовать себя в России, но при этом желает уехать на время, подзаработать и посмотреть мир. У данной группы, в сопоставлении с первой, гораздо более высокий уровень реализации главных заложенных ценностей, среди которых выделяется, например, интересная работа, позволяющая проявить свои способности и таланты на практике. Именно потребности самореализации, расширения масштаба и географии своей жизни и деятельности движет «оптимистами», когда они заявляют, что готовы переехать в другой регион или уехать из России на время. Третья группа — «Традиционалисты» — граждане, которые не готовы уехать из страны ни при каких обстоятельствах. Данная группа сохранила традиционные ценности русско-советского образа жизни, а также почву для их воспроизводства, несмотря на разрушительные

изменения в социальной жизни и массовом сознании. Самый высокий уровень реализации этих ценностных ориентиров (прежде всего семейных) среди рассматриваемых групп дает «традиционалистам» надежную опору для преодоления любых трудностей, в том числе и материальных. К сожалению, их богатый опыт и, в особенности, отношение к труду, невостребованы в нынешней социально-экономической и социально-политической системе.

Утечка молодых «мозгов» и «талантов» является системной проблемой многих регионов Российской Федерации и требует особого внимания общественности и ее институтов. Известно, что обострение противоречия между потребностями людей и возможностями их удовлетворения в месте постоянного жительства может послужить формированию миграционных настроений населения. Имеющийся опыт показывает, что сейчас основная масса положительно миграционно-настроенных состоит из представителей наиболее успешной, образованной и творческой части молодого населения, основными приоритетами которой являются саморазвитие и самореализация. Создание институтами общественности условий для удобной и комфортной жизни молодежи крайне необходимо для стабилизации процессов миграции. Что может обеспечить столь необходимый экономический, социальный, политический рывок России с опорой на внутренние ресурсы.

Список литературы

1. Иванова Е. И. Социальный вектор миграционной подвижности Россиян // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 66–73.
2. Мукомель В. Миграционные процессы России 1985–2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://last30.ru/issue/migration/research/> (дата обращения 30.12.15).
3. Возьмитель А. А., Яковлева М. Н. Отношение к эмиграции в современной российской провинции // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 57–65.
4. Численность населения УР по полу и возрасту на начало 1990–2015 / Территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике (Удмуртстат) [Электронный ресурс]. URL: <http://qoo.by/jsj>
5. Воробьева О. Д. Практикум по статистике населения и демографии: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика. 2011. 215 с.
6. Миграция населения [Электронный ресурс]. URL: <http://yurii.ru/ref4/7-49.html> (дата обращения 30.12.15).
7. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 6. С. 19–30.

С. А. Чиркова, гр. ОМ-39.04.01.01-11

Научный руководитель — О. В. Санникова

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА КАДРОВОГО РЕСУРСА (НА ПРИМЕРЕ ИЖЕВСКОГО ЗАВОДА ТЕПЛОВОЙ ТЕХНИКИ)

Кадры превратились в один из важнейших элементов развития организации. Конкуренция на рынке диктует свои правила, в соответствии с которыми наличие высококвалифицированных работников — залог конкурентоспособности предприятия. В рамках кадровой политики решаются задачи по привлечению новых сотрудников, удержанию существующего кадрового состава, проведению работы по развитию персонала. Одним из важнейших показателей эффективности работы кадровых служб является удовлетворенность работников своей трудовой деятельностью.

В социологии существует довольно большой массив данных по изучению этого феномена. Теоретический фундамент заложен в работах зарубежных ученых: И. Ансофф, А. Брауна, М. Вебера, М. Далтона, А. Маслоу, Э. Мэйо, В. Ноймана, Т. Парсонса, Ф. Тейлора, Р. Уотермана, Г. Форда, Э. Шейна. Среди отечественных исследователей следует отметить Л. И. Абалкина, Г. П. Бессокирна, А. Г. Здравомыслова, К. А. Ильина, А. А. Халина. В их работах «удовле-

творенность трудом» рассматривается как предмет изучения социологии. Опыт предшествующих исследований облегчает определение данного понятия и его основных характеристик. Так, наиболее полное определение было разработано А. А. Кисселем и А. В. Ядовым. Они рассматривают «удовлетворенность трудом как уровень адаптации работника в данной производственной организации, свидетельствующий о том, что предъявляемые ему требования и предоставляемые возможности отвечают его потребностям и соответствуют ориентациям, социальным установкам, направленности интересов» [4]. В связи с этим следует отметить, что важным также является изучение предъявляемых требований, предоставляемых условий со стороны организаций, и притязаний со стороны работника.

Удовлетворенность трудом как социологическую проблему исследовали Ф. Н. Ильясов, И. П. Поварич, О. К. Слинкова, которые отметили ее определяющие факторы. Выделяют три группы факторов. Факторы удовлетворенности, обусловленные действием рационалистических мотивов трудовой деятельности, относятся к первой группе. К ним относятся организация и оплата труда, система вознаграждений и льгот. Вторая группа определяется через действие социальных мотивов трудовой деятельности. Морально-психологический климат в коллективе, объективность оценки работы руководителем, информированность о делах в организации, возможность влиять на дела в коллективе входят во вторую группу факторов удовлетворенности. Третья группа факторов удовлетворенности представлена мотивами саморазвития. То есть, возможность проявлять себя творчески, ощущение своей значимости и, конечно же, возможность профессионального роста [1]. Соответственно, представляется возможным разделение факторов удовлетворенности трудом на производственные и социально-психологические факторы. Благодаря этому, можно определить, какие аспекты кадровой политики организации требуют большего внимания.

Социологический аспект изучения удовлетворенности трудом представлен рядом исследований, имеющих практическую значимость. Большинство предприятий сталкиваются с проблемой текучести кадров. Рядом исследователей, в частности Н. В. Фатиховой, отмечается важность предотвращения текучести кадров для удержания необходимых специалистов на местах [3]. Определив факторы удовлетворенности/неудовлетворенности трудом, можно решить проблемы текучести кадров.

С целью получения данных об «удовлетворенности трудом» и дополнительных сведений было проведено структурированное интервью на Ижевском заводе тепловой техники. Завод занимается производством продукции под торговой маркой заказчика. Относится к частному типу собственности. Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи: определение способа найма работников; определение причин увольнений; определение отношения к условиям труда; определение способов привлечения новых сотрудников. В качестве экспертов были выбраны мастера участков, также работники и представители кадровых служб, чей стаж работы на данном предприятии больше года. Принято такое решение, исходя из того, что средняя продолжительность работы на предприятии составляет 3 года. В опросе приняла участие: мастер и работники участка штамповки — на данном участке минимальная текучесть кадров; мастер и работники участка сборки тепловой техники — он был отмечен отделом кадров как участок с большей текучестью кадров. Были выбраны эти участки с целью сравнения основных положений и выявления причин ухода из организации.

Изначально было определено, как выстроена система найма новых сотрудников. О слаженной работе при приеме работников отдела кадров и мастеров на участках можно судить по результатам интервью: *«Ну, у нас же все отдел кадров согласовывает, насчет работников с нами, с мастерами. Человек пришел устраиваться, он все равно проходит собеседование с мастером. Задает вопросы. Потом уже по согласованию сторон»* (Старший мастер участка сборки тепловой техники, 4 года).

На заводе действует двухуровневая система набора персонала. Изначально отбор происходит в отделе кадров, после чего собеседование проводит мастер соответствующего участка. Мастера отмечают, что принимают участие при наборе работников. Соответственно, уделяется большое внимание кандидатам. Кроме того, в отделе кадров при поиске работников опираются на критерии, исходящие от структурных подразделений. Выстроена работа между кадровыми службами и отделами на предприятии.

В ходе интервью было отмечено, что заводом привлекаются наемные работники. Найм таких работников характерен для ситуаций, когда свои работники не справляются с поставленной задачей, то есть с количеством заказов. При этом, как показало интервью, такая процедура может оказаться малоэффективной: *«Он пришел, вот я, допустим, за время, когда их наняли, я был их бригадиром. Он пришел, час проработал — встал рядом, в ладошки похлопал и домой пошел. Я не хочу работать»* (Слесарь-сборщик участка сборки тепловой техники, 3 года).

В отношении практики найма таких рабочих — отзыв негативный. Очевидно, что для работников с постоянной основной занятостью сотрудничество с ними может быть малоприятным. При этом отмечалось, что такие работники хотели бы устроиться работать на завод через отдел кадров, но из-за наличия договора такая возможность отпадает. Такие случаи все же существуют, когда наемный работник после окончания договора приходил устраиваться на завод. Наемные работники могут привлекаться и в случае нехватки рабочей силы.

Кроме статистических данных, предоставленных со стороны кадровых служб, немаловажно изучить ситуацию «текучести» на местах. Как отмечает специалист по работе с персоналом, сменяемость кадров все же видна. Эта ситуация характерна как среди специалистов, так и рабочих: *«Вот я за год работы здесь, на самом деле данные, ну, мы же ежемесячно делаем отчет. Они показывают, что текучка у нас минимальная. Но для меня как для специалиста ощутима, что есть текучка. Она среди рабочих есть и среди специалистов достаточно»* (Специалист по работе с персоналом, 1 год 2 месяца). Также была отмечена нехватка специалистов. Но при этом подчеркивалось, что текучка кадров в пределах нормы и даже уменьшилась по сравнению с предыдущими годами.

Ситуация текучести кадров существует, это вполне закономерный процесс внутри предприятия. Возникают вопросы о причинах ухода и необходимых мерах для стабилизации или уменьшения потери ценных кадров. В отношении текучести кадров основной причиной ухода отмечают заработную плату. А именно ее размер, так как в данном случае не было упоминаний об оплате труда: *«Зарплата, уходят на более высокую зарплату»* (Слесарь-сборщик участка сборки тепловой техники, 1 год 2 месяца).

Другой причиной ухода было названо несоответствие интересов работника и предоставляемых условий предлагаемой работой: *«Уходят в основном новые сотрудники, т. е. возникает понимание, что не их место, не их работа, не их деятельность, не их интересы»* (Специалист по развитию персонала, 1 год). Можно предположить, что в данном случае человек не проходит или проходит не до конца этап адаптации. Конечно, нельзя не учитывать и личные предпочтения работника.

Следующей возможной причиной ухода был назван характер труда. В силу того, что труд в основном физический, не все могут его выполнять в установленных стандартах. Он требует определенных навыков и физической выносливости: *«Понимаете, работа в чем-то тяжелая. Работаешь руками, работаешь пальцами. Сначала пальцы болят, потом руки болят. Видимо не всем это нравится, работать надо на скорости и языком то трепать больно-то некогда»* (Слесарь-сборщик участка сборки тепловой техники, 1 год 2 месяца).

Можно заметить, что когда речь идет об уходе, то чаще всего говорят о молодых работниках. Именно они чаще входят в этот контингент. Прослеживается привязка к возрасту: *«Ну, потому что молодежь. Им интереснее гулять, отдыхать. Месяц отработал и пошел отдыхать, чем еще работать. Нет еще привязанности у них чему-либо, поэтому они так и работают»* (Старший мастер участка сборки тепловой техники, 4 года). Безусловно, молодежь — наиболее мобильная категория граждан. Им намного проще сменить место работы, тем более, если они знают, что их специальность востребована на рынке труда.

Обсуждая предоставляемые условия труда на заводе, было определено, что среди положительных моментов в работе отмечают техническую оснащенность, предоставление трудового инвентаря и систему вознаграждений.

По привлечению новых сотрудников обнаружено расхождение мнений. С одной стороны, предложения экспертов сводятся к рекламе завода и рассмотрению вопросов заработной платы. С другой стороны, отмечалось, что для привлечения новых работников больше ничего не требуется предпринимать в силу того, что все и так уже делается. Соответственно, можно сделать вывод о том, что работа кадровых служб в этом направлении ведется, но необходимо

обратить внимание на рекламу завода. Завод по своему расположению ближе к окраине города, и его сложно найти, как отмечают эксперты. Этим можно объяснить то, что на производстве работают люди, которые живут в непосредственной близости от завода.

Таким образом, на основании полученных данных возможно определение сильных и слабых сторон кадровой политики. К факторам неудовлетворенности могут быть отнесены размер заработной платы, характер труда, также социально-психологический климат в коллективе при работе с наемными работниками. К факторам удовлетворенности трудом относятся система найма новых работников, техническая оснащенность завода, порядок предоставления вознаграждений. С учетом этого устранение причин неудовлетворенности трудом можно рассматривать в качестве одного из способов решения проблемы «текучести кадров».

Список литературы

1. Поварич И. П., Слинкова О. К. Методика и опыт социологического исследования удовлетворенности трудом работников предприятия // Ползуновский вестник. 2006. №3. С. 221–225.
2. Жуйкова М. А. Удовлетворенность трудом как объект социологического исследования // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2014. № 1. С. 18–22.
3. Фатихова Н. В. Социологическая оценка текучести кадров ОВД РТ и пути укрепления кадрового потенциала // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 1–7.
4. Хагур Ф. Р. Категория «Удовлетворенность трудом» в социологическом измерении // Теория и практика общественного развития. 2011. №8. С. 82–84.